

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1

1955

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания XXIII

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

№ 1 1955 год

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Второму Всесоюзному съезду советских писателей	3
Центральному Комитету Коммунистической партии Со ветского Союза	8
Резолюция Второго Всесоюзного съезда советских писа телей по докладу А. А. Суркова	11
Резолюция Второго Всесоюзного съезда советских пи сателей по докладу Н. С. Тихонова	14
НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ: Анатолий Рыбочкин — Парад в Хабаровске, Он — солдат! Письмо на за пад; Анатолий Краснопольский — После дождя, Когда приходит почтальон к солдатам, <i>стихи</i>	16
Василий КУЧЕРЯВЕНКО — «Перекоп» ушел на юг, <i>морская быль</i>	19
Марк СЕРГЕЕВ — У нас на Байкале, <i>стихи</i>	82
СЯ ЯНЬ — Испытание, <i>пьеса, перевод с китайского</i>	83
НА ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ: Жамьян Балданжабон — Девушка, Кто едет? В ущельях Ундура, На лыжах, <i>стихи, перевод с бурят-монгольского</i> ; Николай Са востин — Весна в тайге, Шоферы, В степи, Пей заж, Родник, Осень, <i>стихи</i>	127

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

Федор БЕЛОХВОСТОВ — Амурская сталь, <i>очерк</i>	129
Федор НИГЕИ — На лесопункте «Кедровый», <i>очерк</i>	140
Всеволод СЫСОЕВ — Из записок охотоведа	157

ПУБЛИЦИСТИКА

И. БОРИСОВ — Тайвань — неотъемлемая часть Китая	168
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Андрей ПРИШВИН — М. М. Пришвин на Дальнем Во стоке	174
Новые книги	184

Технический редактор *М. Д. Кайдалова*. Корректор *А. Я. Борисс*.

Подписано к печати 17 февраля 1955 года.

Бумага 70 X ¹⁰⁸/16 = 6 б. л., 16,44 п. л., 16 уч.-из. л.

ВЛ 05024.

Тираж 8 000 экз.

Цена 7 руб.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Ким Ю-чена, 9.
Заказ № 243. Типография № 5 Госстатиздата, г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

ВТОРОМУ ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо приветствует Второй Всесоюзный съезд советских писателей и в его лице всех представителей могучей литературы страны победившего социализма.

Коммунистическая партия высоко ценит большую роль советской литературы в воспитании нового человека, в укреплении морально-политического единства советского общества, в борьбе за построение коммунизма.

За годы после Первого съезда писателей советская литература добилась значительных успехов. Созданы художественные произведения, в которых правдиво отражены пафос строительства социализма, беспримерные подвиги советских патриотов в суровые годы Великой Отечественной войны, трудовой героизм нашего народа в борьбе за послевоенное восстановление хозяйства. И никогда еще литература не имела такого широкого круга доброжелательных и отзывчивых читателей, как наша советская литература.

Бурный экономический, политический и культурный подъем советских республик привел к расцвету литератур народов СССР. Развитие и взаимное обогащение национальных литератур происходит в тесном содружестве писателей всех братских республик. В Советском Союзе создана многонациональная художественная литература большого исторического значения, воплощающая передовые идеи нашего времени.

За эти годы вырос международный авторитет советской литературы, неизмеримо увеличился круг ее читателей за пределами Советского Союза, особенно в странах народной демократии. Советская литература завоевала признание миллионов зарубежных читателей тем, что она всегда выступает в защиту интересов трудящихся, в противовес человеконенавистнической империалистической идеологии отстаивает идеи гуманизма, борьбы за мир и дружбу между народами, проникнута оптимистической верой в светлое будущее человечества.

В своей творческой деятельности советские писатели вдохновляются великими идеями борьбы за коммунизм, за подлинную свободу и счастье народных масс, против всякого угнетения и эксплуатации человека человеком. Лживому и лицемерному буржуазному лозунгу «независимости» литературы от общества, фальшивым концепциям «искусства для искусства» наши писатели с гордостью противопоставляют свои высокие идейные позиции служения интересам трудящихся, интересам народа.

Второй Всесоюзный съезд писателей призван обсудить важнейшие

творческие вопросы, наметить пути дальнейшего движения нашей литературы к новым высотам.

Величественные задачи стоят сейчас перед нашей страной, перед советским народом. На основе успехов, достигнутых социалистической промышленностью и сельским хозяйством, осуществляются грандиозные мероприятия, направленные на дальнейшее всестороннее развитие социалистической экономики и культуры, которое необходимо для укреплений социалистического общества и Постепенного перехода от социализма к коммунизму. На всё более широкой международной арене развертывается и переходит в новую, более высокую стадию соревнование между социализмом и капитализмом, агрессивные и реакционные круги которого готовы насильственным путем помешать росту сил социализма и стремлениям народов к освобождению от гнета капитала и колониального угнетения. В этих условиях неизмеримо возрастает общественно-преобразующая и воспитательно-активная роль советской художественной литературы.

Художественная литература, как и все другие виды искусства, призвана вдохновлять советских людей на творческий труд и на преодоление всех имеющихся на этом пути трудностей и недостатков, на великое дело построения коммунизма.

Советский народ ждет от своих писателей, что они создадут правдивые и яркие образы наших славных современников, которые решают колоссальные задачи непрерывного роста тяжелой индустрии — основы дальнейшего развития всего народного хозяйства и гарантии неприступности рубежей нашей Родины; наших современников, которые воздвигают гигантские электростанции, совершенствуют методы строительства, осваивают миллионы гектаров целинных земель, борются за подъем всего сельского хозяйства и лучшее удовлетворение растущих потребностей трудящихся в продуктах и товарах народного потребления.

ЦК КПСС призывает писателей к глубокому изучению действительности на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни, как она складывается в современных международных условиях, в условиях развертывающейся борьбы между лагерем империализма и лагерем социализма и демократии, понимать процессы развития, которые происходят в нашей стране и которыми руководит Коммунистическая партия, понимать закономерности и перспективы роста нашего общества, вскрывать жизненные противоречия и конфликты. Советский народ хочет видеть в лице своих писателей страстных борцов, активно вторгающихся в жизнь, помогающих народу строить новое общество, где все источники общественного богатства польются полным потоком, где вырастет новый человек, психология которого будет свободна от пережитков капитализма. Наши писатели призваны воспитывать советских людей в духе идей коммунизма и коммунистической морали, способствовать всестороннему и гармоническому развитию личности, полному расцвету всех творческих задатков и способностей трудящихся. Долг советских писателей — создавать искусство правдивое, искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей, воплощать в образах своих героев всё многообразие их трудовой деятельности, общественной и личной жизни в неразрывном единстве. Наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе.

Важной и почетной задачей литературы является воспитание молодежи, молодых рабочих, колхозников, интеллигентов, воинов Советской Армии в духе любви к труду, бодрости, бесстрашия, уверенности в побе-

де нашего дела, в духе беззаветной преданности социалистической Родине и постоянной готовности дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам, если они попытаются нарушить мирный труд наших народов.

В период, когда агрессивные империалистические круги вновь собирают и возрождают силы разгромленного германского фашизма, советская литература не может стоять в стороне от борьбы против реакционных сил старого мира. Советская художественная литература призвана со всей революционной страстью воспитывать и укреплять патриотические чувства советских людей, укреплять дружбу между народами, содействовать дальнейшему сплочению могучего лагеря мира, демократии и социализма, воспитывать чувства пролетарского интернационализма и братской солидарности трудящихся. Долг советских писателей — еще выше поднять знамя борьбы за сплочение всех миролюбивых сил в интересах безопасности народов, разоблачать и клеймить преступные планы империалистов, угрожающих развязать новую мировую войну.

Продолжая лучшие традиции русской и мировой классической литературы, советские писатели творчески развивают метод социалистического реализма, основоположником которого был великий пролетарский писатель Максим Горький, следуют традициям боевой поэзии Владимира Маяковского. Социалистический реализм требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Быть на высоте задач социалистического реализма — значит обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательно доходчивой художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы, — и всё это дать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода ее от социализма к коммунизму. Социалистический реализм дает возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя.

Отступления от принципов социалистического реализма наносят ущерб развитию советской литературы. Наша литература во многом еще отстает от бурно развивающейся жизни, от запросов читателя, выросшего политически и культурно. Отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, выпускают посредственные и слабые произведения, обедняющие советскую действительность. Мало создано за последнее время ярких и художественно выразительных образов, которые служили бы вдохновляющим примером для миллионов читателей. Нет еще монументальных художественных произведений о героизме русского пролетариата и ленинской партии в период первой русской революции и Великой Октябрьской социалистической революции; мало книг о нашей Советской Армии — верном страже мирного труда советских людей. Всё еще серьезно отстает литературная критика и литературоведение, которые призваны разрабатывать богатейшее наследие классики и обобщать опыт советской литературы, содействовать идейно-художественному росту нашей литературы.

На развитие нашей литературы отрицательно повлияли проявившиеся в ряде произведений тенденции к некоторому приукрашиванию действительности, к замалчиванию противоречий развития и трудностей роста

В литературе не находит должного отражения борьба с пережитками капитализма в сознании людей. С другой стороны, некоторые литераторы, оторванные от жизни, в поисках надуманных конфликтов, писали халтурные произведения, допускали искаженное, а иногда и клеветническое изображение советского общества, огульно охаивали советских людей.

Активно поддерживая всё новое, передовое, способствующее движению нашего общества вперед, советские писатели должны со всей силой и страстностью бичевать пережитки старого, собственнического мира в сознании людей, бичевать людей равнодушных и косных, помогать вытравлять из нашей жизни всё антиобщественное и обветшалое, мешающее быстрому росту социалистического хозяйства и культуры.

Партия призывает писателей к смелым творческим дерзаниям, к обогащению и дальнейшему развитию всех видов и жанров литературы, к повышению уровня художественного мастерства с тем, чтобы в полной мере удовлетворять всё возрастающие духовные запросы советского читателя.

У советских писателей имеются наиболее благоприятные условия для творчества. У них есть миллионы читателей-друзей, о которых могли только мечтать лучшие писатели прошлого, читателей взыскательных, сознательных и зрелых, любящих свою литературу.

Советская литература, являясь для зарубежных писателей вдохновляющим примером и источником опыта в борьбе за новое передовое прогрессивное искусство, вместе с тем сама обогащается, используя в своем развитии и совершенствовании лучшие достижения иностранных прогрессивных писателей. Наши литераторы могут и должны в еще большей степени использовать ценный опыт зарубежных друзей в борьбе за высокое художественное мастерство.

В решении почетных и ответственных задач, стоящих перед советской литературой, важное значение имеет деятельность Союза писателей, который за истекшие 20 лет превратился в мощную общественную организацию, построенную на принципах коллективного руководства, сплачивающую все творческие силы литераторов, партийных и беспартийных.

Советская литература и советские писатели идейно росли и закалялись в борьбе с различными чуждыми влияниями, с проявлениями буржуазной идеологии и пережитков капитализма. Главное внимание Союз советских писателей и впредь должен уделять идейной направленности советской литературы, идеологическому воспитанию и росту художественного мастерства писателей, решительно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с попытками увести нашу литературу в сторону от жизни советского народа, от актуальных вопросов политики Коммунистической партии и Советского государства, бороться с рецидивами национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии, с попытками толкнуть литературу в болото обывательщины, безидейности и упадочничества. Советская литература призвана служить делу трудящихся как самая передовая литература в мире и быть на вершине мирового художественного творчества.

Постоянной заботой Союза должна быть забота о том, чтобы наши писатели всегда жили жизнью народа, его интересами и чаяниями, были активными участниками созидания коммунистического общества, видели и знали наших современников, реальных героев — строителей коммунизма.

Одной из важнейших задач Союза советских писателей является постоянная помощь начинающим писателям в их творческом росте, обогащение советской литературы молодыми талантами.

Залогом новых достижений советской литературы будет дальнейшее идейное сплочение всех активных писательских сил, смелое развертывание в среде писателей принципиальной критики и самокритики, товарищеское обсуждение творческих вопросов.

Центральный Комитет Коммунистической партии желает успешной работы Второму съезду советских писателей и выражает твердую уверенность в том, что наши писатели отдадут все свои силы беззаветному служению советскому народу, создадут произведения, достойные великой эпохи строительства коммунизма.

*ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Второй Всесоюзный съезд советских писателей шлет свой горячий привет Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Мы, представители многонациональной литературы нашей великой Родины, приносим свою благодарность родной Коммунистической партии за ее мудрую заботу о неустанном движении нашей литературы вперед, к новым достижениям и победам.

Советский народ, вдохновляемый и руководимый Коммунистической партией, неустанно развивает тяжелую индустрию — основу социалистической экономики, всемерно укрепляет могущество Советского государства; впервые в истории мира в нашей стране на благо людям начинает служить несметная энергия атомного ядра; в короткий срок создаются одна за другой гидростанции на самых полноводных реках — Волге, Оби, Ангаре; в течение одного лишь сельскохозяйственного года подняты целинные, давно или никогда не паханные земли общей площадью более 17 миллионов гектаров. Всё это происходит в стране, где учатся все, где число студентов вузов дошло до двух миллионов человек.

Братские народы Советского Союза достигли бурного расцвета и подъема всех своих материальных и духовных сил. Трибуна нашего съезда была трибуной братского содружества художников слова, творящих на разных языках, но объединенных единой целью — борьбой за построение коммунизма, за мир и дружбу между всеми народами.

Сбылись слова нашего Горького о том, что «второй съезд советских литераторов будет украшен многими десятками литераторов Запада и Востока, литераторов Китая, Индии...» Прогрессивные писатели всего мира, наши друзья и гости из стран народной демократии, из капиталистических стран, принесли нам свое слово дружбы и привета, вместе с нами подняли голос за жизнь против смерти, против происков темных сил, готовых втянуть народы в войну.

Разлагающийся капиталистический мир стремится свергнуть человечество в состояние духовной нищеты, моральной деградации. Литература империализма пытается принизить человека, возбудить низменные инстинкты, зачеркнуть вдохновенный горьковский лозунг: «Человек — это звучит гордо!»

Непоколебимой верой в человека и в светлое будущее человечества овеяны произведения нашей литературы с первых лет ее возникновения.

Простым людям всех стран стали близки и дороги образы ее героев, — борцов за счастье всего человечества. Сила нашей литературы — в кровной ее связи со всей жизнью, со всеми мыслями, чувствами и подвигами народа, с героической борьбой Коммунистической партии.

Советская литература неотделима от целей Великой Октябрьской социалистической революции. История нашей многонациональной литературы представляет собой картину развития социалистического строя, картину народной борьбы, исполненной больших трудностей, картину больших побед, добытых в суровой борьбе.

В своих романах и повестях, поэмах и пьесах, в стихах и песнях советские писатели стремятся выразить правду действительности в ее революционном развитии.

В новом уставе Союза писателей СССР, принятом на Втором Всесоюзном съезде, мы сказали о высоком назначении литературы социализма:

В условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму неизмеримо возрастает общественно-преобразующая и воспитательно-активная роль советской художественной литературы.

Советская литература призвана в высокой художественной форме раскрывать красоту и величие идей коммунизма, действительно бороться с пережитками капитализма в сознании людей, воплощать в образах своих героев всё многообразие их трудовой деятельности, общественной и личной жизни, смело показывать жизненные противоречия и конфликты. Советская литература не только отражает новое, но и всемерно помогает его победе.

Советская художественная литература призвана со всей революционной страстью воспитывать патриотические чувства советских людей, укреплять дружбу между народами, содействовать дальнейшему сплочению могучего лагеря мира, демократии и социализма, утверждать идеи пролетарского интернационализма и братской солидарности трудящихся.

В этих словах нашего нового Устава выражены не только наши стремления, но и то, чего уже достигла советская социалистическая литература. За эти черты нашей литературы и любит ее народный читатель — строитель коммунизма. Благодаря этим чертам многие книги нашей литературы на всю жизнь — в годы мира и в годы войны — становятся другом и спутником советских людей.

Мы, делегаты Второго съезда писателей СССР, хорошо знаем, что, несмотря на все свои достижения, наша литература еще далеко недостаточно осуществляет свое высокое призвание. Стремительно развивающаяся действительность страны социализма требует своего воплощения в монументальных произведениях, в образах большой художественной силы. Нужно хорошо знать и пламенно любить историю нашей героической партии, нашего нового общества. Нужно уметь глубоко раскрывать борьбу нового против старого, отжившего, утверждая красоту и величие коммунизма, смело показывая жизненные противоречия и конфликты. Только упорный и бескорыстный труд, каким является труд подлинного художника слова, в соединении с большой культурой и большим мастерством может приблизить нас к осуществлению духовных запросов и требований нашего народного читателя.

Социалистический реализм — новый шаг в истории художественного развития человечества. Это понимают сегодня люди во всех странах света, куда только проникает слово советского писателя. Влияние идей и образов нашей литературы во всем мире растет с каждым годом.

Наш Второй Всесоюзный съезд советских писателей прошел под знаком самой суровой критики и самокритики. Призыв к высокой идейно-

художественной требовательности объединяет писателей разных поколений, разных национальностей. Но мы сделали для народа меньше, чем мы можем и должны сделать!

Писать так, чтобы молодежь и дети брали себе в товарищи наших литературных героев, ставили их в пример! Писать так, чтобы читатель-труженик следовал за нашим героем в мир творчества и борьбы за утверждение величественного нового строя разумных и прекрасных человеческих отношений!

Писать так, чтобы в самых далеких странах для обездоленных людей наше слово звучало, как слово друга и брата, поддерживающее в трудной борьбе, звучало, как гимн свободе!

Метод социалистического реализма предполагает богатство писательских индивидуальностей, стилей, соревнование различных творческих течений. Нужны неустанные поиски новых и новых художественных средств для наилучшего выражения великой правды наших идей, богатства и многообразия нашей жизни.

Второй съезд советских писателей, критикуя слабости и недостатки нашей литературы, призвал всех литераторов Советского Союза еще глубже развивать лучшие традиции классической русской литературы, литератур братских народов СССР, а также мировой литературы, смело утверждать сложившиеся традиции нашей советской социалистической литературы, творчески изучать ценный опыт художественного мастерства наших зарубежных друзей.

Советские писатели обязаны решительно улучшить всё дело выдвижения и воспитания новых литературных кадров, осуществляя в этой важнейшей работе горьковские заветы и традиции.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей заверяет Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в том, что большой отряд советской интеллигенции — деятели литературы, сплоченные вокруг Коммунистической партии, готовы умножить свои творческие усилия и выполнить требования народа.

Второй съезд советских писателей является важной исторической вехой в развитии нашей литературы. Писатели полны решимости коренным образом улучшить деятельность своего Союза писателей, усилить самокритику в своих рядах, покончить со всеми проявлениями самоуспокоенности и зазнайства, бороться за высокую требовательность к мастерству. Писатели полны решимости вести постоянную борьбу со всеми отклонениями от социалистического реализма, с проявлениями чуждой буржуазно-националистической и космополитической идеологии, с влияниями буржуазного натурализма и формализма.

Одними думами, одними чувствами с родным народом, с партией живут и работают советские писатели.

Мы отстаиваем дело мира во всем мире и хотим служить его победе всеми силами души. Нынче небо мира опять заволклось мрачными тучами. Но если совершится злодейство и будет развязана новая мировая война, советские писатели отдадут в помощь социалистическому Отечеству свои дарования, свое искусство, свои жизни так же беззаветно, как они отдавали их в прошлой войне против германского фашизма, закончившейся разгромом гитлеровской тирании.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза и ее Центральный Комитет!

Да здравствует коммунизм!

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

по докладу А. А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы» и содокладам Б. Н. Полевого, К. М. Симонова, С. Вургунa, А. Е. Корнейчука, С. А. Герасимова, П. Г. Антокольского, М. Ф. Рьльского, М. Ауэзова, Б. С. Рюрикова

Второй Всесоюзный съезд советских писателей отмечает, что за годы после Первого съезда многонациональная советская литература достигла значительных творческих успехов.

Советскими писателями созданы художественные произведения, правдиво отразившие пафос социалистического строительства, бессмертный патриотический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, его трудовой героизм в борьбе за послевоенное восстановление хозяйства, его борьбу за мир во всем мире.

Величайшим завоеванием художественной культуры в нашей стране за последнее двадцатилетие является бурный рост литератур всех братских народов СССР, достигших творческой зрелости и составляющих ныне могучую литературу победившего социализма, единую по своему идейному содержанию и многообразную по национальным формам.

За эти годы вырос международный авторитет советской литературы. Отстаивая, в противовес империалистической идеологии, идеи гуманизма, мира и дружбы между народами, последовательно защищая интересы трудящихся, выражая непоколебимую веру в светлое будущее человечества, советская литература получила признание миллионов читателей за пределами Советского Союза.

Эти успехи стали возможны потому, что в своей творческой деятельности советские писатели вдохновлялись великими идеями борьбы за коммунизм, за подлинную свободу и счастье народных масс, против всякого угнетения и эксплуатации человека человеком.

В противовес лживому и лицемерному буржуазному лозунгу «независимости» литературы от общества, фальшивым концепциям «искусства для искусства» советские писатели открыто и прямо отстаивают идеи служения литературы интересам трудящихся, интересам народа.

Отмечая большие идейно-художественные успехи советской литературы за истекший период, Второй съезд вместе с тем обращает внимание литературной общественности на существенные недостатки, наметившиеся в развитии советской литературы, и требует от писателей самой активной деятельности для их устранения.

Наша литература во многом еще отстает от стремительного развития советского общества, от колоссально возросших духовных потребностей нашего читателя. За последнее время мало создано значительных художественных образов наших современников, образов, способных вдохновлять и вести за собой миллионы.

Отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, а это приводит к появлению произведений посредственных и слабых, обедняющих советскую действительность. В ряде произведений имели место поверхностное, упрощенное изображение действительности, приукрашивание ее, замалчивание противоречий развития и трудностей роста. В то же время некоторые литераторы, оторванные от жизни, не изучающие реальную действительность, стали на путь дурного сочинительства и, подменяя правду жизни надуманными конфликтами, искаженно изображали советское общество.

Всё еще не преодолено серьезное отставание литературной теории и критики.

На современном этапе развития перед советскими писателями встают новые ответственные задачи. Неизмеримо возрастает общественно-преобразующая и активно-воспитательная роль литературы. Советские писатели призваны показать во всем величии героические дела и высокие моральные качества нашего народа — творца коммунистической жизни, победу нового, передового в борьбе с чуждым, косным, отживающим, действительно помогать преодолению пережитков прошлого в сознании людей.

Важнейшая задача нашей литературы — воспитание молодежи в духе коммунистической морали, любви к труду, бодрости, бесстрашия, уверенности в победе нашего дела, в духе беззаветной преданности социалистической Родине и пролетарскому интернационализму.

Съезд напоминает об ответственных воспитательных задачах, стоящих перед литературой для детей. Необходимо оказывать ей постоянное внимание и по-хозяйски заботиться о ее неуклонном развитии.

В современной международной обстановке священный долг писателей — еще выше поднять знамя борьбы за дело мира, еще более страстно разоблачать империалистических поджигателей войны, всемерно поднимать боевой патриотический дух советского народа, его готовность, в случае необходимости, дать сокрушительный отпор любым агрессорам..

Союз писателей и его руководящие органы должны и впредь главное свое внимание уделять идейной направленности нашей литературы, заботиться о глубоком изучении и правдивом изображении писателями действительности на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, решительно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с попытками увести нашу литературу в сторону от жизни советского народа, от актуальных вопросов политики Коммунистической партии и Советского государства, бороться с рецидивами национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии.

Долг писателей — непрестанно повышать идейно-художественное качество своих произведений, совершенствовать литературное мастерство с тем, чтобы в полной мере удовлетворять всё возрастающие духовные запросы советских читателей.

Съезд подчеркивает, что для дальнейшего обогащения и роста советской литературы весьма важное значение имеют соревнование различных, развивающихся на основе принципов социалистического реализма, творческих течений, более смелые искания в области литературных.

стилей и форм, способствующие наиболее полному и всестороннему выявлению индивидуальности писателя и развитию его таланта.

Необходимо преодолеть отставание, поднять роль и значение литературной теории и критики, призванных обобщать опыт литературы, содействовать ее идейно-художественному росту, воспитывать эстетические вкусы читателей. Литературная критика должна идти впереди в борьбе со всеми проявлениями чуждой идеологии, с отклонениями от принципов социалистического реализма, решительно выступая против догматизма, начертничества, безидейности и беспринципности.

Одним из важнейших условий успешного развития советской литературы является живая, инициативная деятельность Союза писателей, который за истекшие два десятилетия полностью оправдал себя, как общественная творческая организация, построенная на принципах коллективного руководства и сплачивающая всех советских писателей, партийных и беспартийных.

Съезд отмечает, что в работе Союза писателей и его руководящих органов имеется целый ряд серьезных недостатков. Принцип демократии нередко нарушался и подменялся администрированием. Коллегиальность руководства должным образом не соблюдалась. Заседания правления и президиума созывались нерегулярно. Президиум не пользовался всей полнотой своих прав. В Союзе не было достаточной заботы о творческой обстановке, не оказывалось должного внимания работе и нуждам каждого писателя. Творческие дискуссии, товарищеское разъяснение и убеждение не стали еще постоянными методами работы Союза писателей. Дискуссии проводились редко, проходили подчас на низком уровне и не всегда обеспечивали возможность широкого и полного выявления коллективного писательского мнения. Президиум и секретариат мало и несистематично занимались деятельностью органов печати Союза. В работе секретариата и аппарата правления были элементы бюрократизма.

Все эти недостатки необходимо решительно преодолеть новому руководству Союза. Деятельность Союза писателей должна протекать на основе строгого соблюдения принципов широкого демократизма, подлинной коллегиальности, методов товарищеского убеждения, свободного творческого обсуждения вопросов развития литературы и жизни писательской организации, на основе смелого развертывания критики и самокритики.

В Союзе писателей необходимо обеспечить подлинно товарищескую обстановку, беспощадно бороться с какими бы то ни было проявлениями групповщины, бюрократизма, казенщины. Союз писателей и его руководящие органы обязаны заботливо помогать писателям в их творческой работе, внимательно и чутко относиться к их нуждам.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей оказывать постоянную и действенную помощь начинающим писателям с тем, чтобы обеспечить непрерывное пополнение литературы молодыми силами.

Приветствуя решение об издании ряда новых журналов, съезд поручает правлению Союза писателей сделать всё необходимое для серьезного улучшения работы центральных, республиканских и областных журналов и издательств, для дальнейшего расширения их возможностей в соответствии с ростом нашей литературы и запросами читателей.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей тщательно изучать критические замечания и предложения, высказанные на Всесоюзном и республиканских съездах, а также на собраниях областных организаций, и разработать меры для действенного улучшения работы

Союза, для создания условий, обеспечивающих новый и всесторонний подъем советской литературы. Особенно должна быть усилена работа Союза по руководству литературами всех братских народов.

Съезд с глубокой благодарностью принимает советы, содержащиеся в приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, в котором заключена боевая программа творческой деятельности советских писателей, вдохновляющая их на создание произведений, достойных великой эпохи строительства коммунизма.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

**по докладу Н. С. Тихонова «Современная прогрессивная литература
мира»**

Прошло двадцать лет со времени Первого съезда советских писателей. За эти годы в мировой литературе совершились большие изменения. Победа над силами фашизма во второй мировой войне освободила ряд стран Восточной Европы от империалистического гнета и открыла перед народами этих стран дорогу к свободе и строительству новых форм жизни. Возникла великая Китайская Народная Республика. Окрепла и закалилась в боях народная Корея. Завоевав свободу и независимость, народы Вьетнама создали свою демократическую республику. Всё это породило новый подъем прогрессивной литературы, питаемой могучей творческой энергией раскрепощенных народов. Замечательных успехов достигла литература Индии, добившейся независимости. В других странах Востока всё громче слышится голос пробудившихся народов.

В странах капиталистической Европы и Америки возросла политическая сознательность народов, их непреклонная воля к миру и социальной справедливости. Лучшие силы быстро растущей передовой литературы объединяются под знаменем прогресса и мира. За минувшее двадцатилетие создано много произведений, дорогих и близких всему передовому человечеству.

В эти годы непрерывно возрастала близость между советской литературой и прогрессивными литературами во всем мире. Интересы будущего человеческой культуры, интересы всеобщего мира цементируют эту дружбу писателей-гуманистов без различия их национальной принадлежности, религиозных, философских, эстетических убеждений. Современная международная обстановка диктует необходимость теснейшего единения передовых мастеров культуры во имя мира, дружбы и взаимопонимания между народами, во имя борьбы против темных сил реакции, угрожающих самому существованию человечества.

Второй съезд советских писателей горячо приветствует дорогих гостей из многих стран мира и желает им успеха в их деятельности на благо их народов. Съезд шлет самый сердечный привет и тем нашим друзьям, которые не могли прибыть в Москву по причинам, от них не зависящим. Он шлет привет всем писателям, сохраняющим верность идеалам прогресса и мира. Никакие препятствия не могут помешать тому, чтобы ширилась и расцветала литература, выражающая лучшие чаяния народов, их стремление к миру и свободе.

Во имя интересов общего роста литератур мира и их сближения особенно важно, чтобы писатели, борцы за мир, постоянно делились творческим опытом. Второй съезд советских писателей подчеркивает необходимость содействовать всё более широкому обмену между писателями различных стран мнениями, информацией, изданиями. Возобновленный журнал «Иностранная литература» должен уделить большое внимание важным задачам обмена творческим опытом между писателями доброй воли всех стран. Эти же задачи стоят во весь рост и перед редакцией журнала «Советская литература», выходящего на иностранных языках.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей всячески содействовать наиболее широкому переводу произведений лучших современных писателей всех стран на языки народов СССР.

Мы полагаем, что наступило время встретиться всем писателям, которым дорого будущее человеческой культуры, дорога дружба между народами, встретиться, чтобы обсудить насущные вопросы своей творческой и общественной деятельности и тем самым содействовать дальнейшему расширению и укреплению общения между всеми живыми силами современной литературы.

Второй съезд советских писателей приветствует и поддерживает выдвинутое писателями различных стран пожелание, чтобы в 1955 году состоялась международная встреча писателей. Эта встреча может состояться на основе самого широкого представительства. Ее платформой должна быть платформа защиты мира и культуры.

Завершая свою работу, Второй съезд советских писателей выражает твердую уверенность в том, что с каждым годом будут возрастать сила и авторитет прогрессивной литературы. В ней воплощена воля народов к предотвращению новой мировой войны, воля к жизни и счастью народов, к полному расцвету великих творческих возможностей человечества.

НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ

Анатолий

Рыбочкин

ПАРАД В ХАБАРОВСКЕ

Площадь имени Сталина.
Флаги. Войска.
Над ступенями — Ленин,
К жилету рука.
Будто вышел из Смольного
Он налегке,
В летней кепке,
В рабочем своем пиджаке.
Будто снова Октябрь
И грохочут грома,
И от залпа могучего
Пяtitся тьма,
Поднимает матрос
Марсельезы мотив,
Пулеметные ленты
У сердца скрестив.

Площадь имени Сталина.
Десять утра.
Над колоннами строя
Вскипает «ура»,
И упругой волной
За ударом удар
Бьются в здания
Медные всплески фанфар.

Мы под стягом,
Что порохом боя пропах,
Блики солнца несем
На клинках и штыках
Мимо белых ступеней.
Оттуда в века
Смотрит бронзовый Ленин,
Прищурясь слегка.

Площадь имени Сталина.
Море знамен.
Богатырскою силой
Простор напоен,
Даже хмурый Хехцир
В это утро не хмур,
И, как сабля Хабаровая,
Блещет Амур,
И от площади этой
До башен Кремля
В этот час нам видна
Вся родная земля.
И о ней наши думы
И песня моя:
— Мы — защита твоя!
Мы — защита твоя!

ОН СОЛДАТ!

Читал я где-то у поэта,
Что всё солдату нипочем:
Поет с рассвета до рассвета,
И шаг печатает причем.
Шагает, устали не зная.
Жара и холод не страшны...
Всё это выдумка сплошная
Тех, кто глядит со стороны.

Нет, он солдат на самом деле.
Он службу знает. И ему,
Как лишний хлястик на шинели,
Хвала пустая ни к чему.

В году два раза на параде,
А то — всё в поле день-деньской.
Походный дом на лямках сзади,
Лопата — сбоку под рукой.

Ударит ветер вдруг с размаху,
Одежду стужей проколов, —
Хоть выжимай его рубаху, —
Воюет он без лишних слов.
И в этих тяготах, лишениях.
Ему та истина видней,
Что, как ни трудно на ученьях, —
В боях, под пулями — трудней.

Вперед! — во что бы то ни стало!
И он не падает, идет —
Не потому, что из металла,
Металл — он тоже устает! —
Бойца под сердцем мать носила

И приняла Отчизна-мать...
Он не железный — вот в чем
И это
надо
понимать!

ПИСЬМО НА ЗАПАД

Край мой, Дальний Восток! Не тебе ли
Навсегда моя жизнь отдана!
Ты меня не качал в колыбели,
Не листал мой букварь у окна.
С океаном, с тайгой на склонах
Ты предстал предо мною, когда
Мы в своих гимнастерках зеленых
В эшелонах примчались сюда.

Я сначала грустил с непривычки
По родным подмосковным -местам:
Пронеслись, как огни электрички,
Наши годы весенние там.
Ну, а здесь — ветерком океана
Обдало молодых сыновей.
С каждой флягой воды из Хасана
Наполнялись мы силой твоей.

С той поры — хоть травинку спроси я —
Каждый маленький шепчет листок:
Это — Родина, это — Россия,
Край ты нашенький. Дальний Восток!

Рад я паркам и улицам новым,
И театру, где Ленский поет,
И беседе в фойе с тигровом,
Что руками тигрицу берет.

Рад я дружбе с соседом-пилотом,
Что сейчас прилетит из Охи
И вот эти мои, как по нотам,
Разберет за обедом стихи.
Одного эти люди не могут,
В постоянных заботах кружась:
Жить легко, позабыв про дорогу,
За фамильную мебель держась...

Я пишу, называя пилоту
Имена подмосковных друзей.
Только сутки — всего-то и лёту
От Москвы до сторонки моей.
Можно мчаться и в жестких, и в мягких,
Под курьерского звонкий свисток...
Приезжайте, друзья — безо всяких —
На недалний на Дальний Восток!

Анатолий Краснополъский

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Под тучами ветер шарит.
Кидает деревья в дрожь.
И видно: вот-вот ударит
Молоденький бойкий дождь
Чуть слышно сперва и робко
Дождинки о штык стучат.
В туман запахнулась сопка.
Как в плащпалатку солдат.

И вот уже брызги, лужи,
Уже по плечам течет.
И с грустью о чистке оружия
Подумал стрелковый взвод.
Но вот, отбомбив высоты,
Уносятся облака,
И сразу походка пехоты
И радостна и легка.

Сбегают ручьи с пригорка,
Но ливень уже в стороне.
Пристала к спине гимнастерка,
И скатка пристала к спине.
Да разве, друзья, девчатам
Положено знать о том?!
Облитые, как из ушата,
Мы мимо колхоза идем.

Шагая походным маршем
Полями, что без конца,
Мы взводною песней нашей
Девичьи встряхнем сердца.
Пускай поглядят на пехоту,
Уважат солдатский труд.
Пускай, если есть охота,
О ком-то из нас вздохнут.

КОГДА ПРИХОДИТ ПОЧТАЛЬОН К СОЛДАТАМ

Хорошо, когда, устав от зноя,
Возвратится с поля батальон
И с заветной сумкой полевой
К нам в казарму входит почтальон.
Вот уже солдату первой роты
Протянул голубенький конверт.
На конверте: «Осторожно — фото!»
— Ну-ка, рассекречивай секрет!

— Хороша, ведь, — оценил наводчик,
Только нос, пожалуй, маловат.
Да глаза прищурены. А впрочем,
Сам уж в этом разберись, солдат.
— Нету наблюдательности, братцы!
Наш сержант не вытерпел тогда, —
Тут нам вместе надо разобраться:
Посмотрите: на груди — звезда!

Парень улыбается смущенно:
Дескать, сам-то не герой пока...
— Знаешь что, — заметил отделенный, —
Передай привет ей от полка.
Напиши, что, дескать, в энской части
На высоком уровне дела.
А во всем, что там по личной части,
Тоже чтоб уверена была...

И в походе, где-то на привале,
Тот солдат писал письмо на пне,
И его, конечно, прочитали
Девушки в далекой стороне.
Только б чаще нам с полей зеленых
Почта вести добрые несла,
В часть, где, как сказал наш отделенный
На высоком уровне дела!

Василий Кучерявенко

„ПЕРЕКОП" УШЕЛ НА ЮГ

*Морская быль**

Это повествование — быль о моряках парохода «Перекоп». В нем нет вымышленных героев, всюду — подлинные фамилии членов экипажа этого судна. Авторский домysel допущен лишь в тех местах, где это было необходимо для цельности картины: в описаниях природы, в диалогах и т. п.

Пароход «Перекоп» в декабре 1941 года вышел из Владивостока в очередной рейс и таинственно исчез. О его судьбе долгое время не было известно. Все считали, что пароход и его экипаж погибли... После выяснилось, что пароход «Перекоп» был потоплен японской военщиной почти у экватора; во время бомбежки и обстрела судна погибла часть его экипажа, но многие моряки спаслись. Они высадились на малообитаемом острове Большая Натуна, вблизи Борнео. Здесь они и прожили почти два года дружным, сплоченным коллективом.

В начале 1945 года я не однажды встречался с первым помощником капитана парохода «Перекоп» Будариным, который подробно рассказал о жизни моряков на острове.

Кочегар Бахирев, плавая со мною на пароходе «Хабаровск» в послевоенные годы, также немало рассказал и о гибели парохода «Перекоп», и о жизни моряков на чужом, далеком острове в тропиках...

Рассказы эти мною были тщательно записаны, но этого было мало, чтобы написать книгу. Впоследствии мне удалось дополнить эти записи воспоминаниями моряков-перекопцев: Андрианова, Плиско, Олейникова, Радченко, Костюк, Зубова, Зверева, Чулынина, Зинчука и других, ознакомиться с очерком капитана Демидова, с документами, сохранившимися в архивах, личными делами моряков, письмами. Всё это и послужило материалом для повествования.

Буду весьма признателен читателям и членам экипажа парохода «Перекоп» и их родственникам за дополнения, советы и замечания.

Искренне благодарю всех товарищей, которые помогли мне при написании этой повести.

Автор.

* Печатается с сокращениями.

«...И что положено кому, —
Пусть каждый совершит...»

(М. Исаковский).

І. У БЕРЕГОВ ЯПОНИИ

Декабрьским утром 1941 года из Владивостокского порта вышел пароход «Перекоп». Он взял курс на юг, к острову Ява, в порт Сурабайя.

Густо падал мелкий, колючий снег. Он устилал палубу, надстройки ослепительно белым мягким ковром. На кормовом флагштоке развевался алый флаг.

На борту парохода находилось сорок человек экипажа, в том числе три женщины.

Высокий, худощавый и сутулый кочегар Илья Бахирев, не обращая внимания на холодный декабрьский ветер, стоял без кепки у поручней на корме судна и задумчиво смотрел на дома Владивостока, живописно разбросанные по склонам сопок.

Пароход отходил всё дальше, и дома скрывались за островерхой Орлиной горой. Слева проплыл белый квадрат холодильника, угольная база, справа — последние причалы, склады, Сигнальная сопка, мыс Эгершельд, Токаревская кошка — узкая полоска земли с маяком-мигалкой на ней.

Ненадолго показались свинцовые воды Амурского залива и две скалы, похожие на лошадиные уши, торчащие из воды. Всё опять скрылось в белесой сетке падающего снега...

Как всегда в начале рейса, настроение у моряков было приподнятым. Но в то же время чувствовалась грусть расставания с родным городом, с домашними, с друзьями.

Война продолжалась уже шестой месяц, и в такие дни было тяжело оставлять семьи, Родину.

Упорные бои велись западнее Москвы. По радио передавались сводки Советского Информбюро, и в такие часы моряки собирались в ленинской комнате.

Первый помощник капитана Борис Александрович Бударин — невысокий коренастый человек со спокойным, смуглым лицом и гладко зачесанными назад светлокаштановыми волосами, любивший шутки и острое слово, — показывал на карте районы боев, рассказывал о подвигах советских воинов. Его подвижное, обычно всегда улыбающееся лицо было задумчивым. Сводки каждый день говорили об упорных боях под Москвой, о напряженной работе народа в колхозах и на заводах.

Об этом и думал Бахирев, стоя на корме судна и глядя на скрывающийся в снежной пелене Владивосток.

Маленький корабль «Алексей Пешков» был последним кораблем, встретившимся пароходу «Перекоп» в родных водах.

— Ты что, Бахирев, стоишь здесь на ветру? Еще простудишься, — сказал незаметно подошедший к нему старший механик Ефим Кириллович Погребной.

— Ничего, я крепкий, — отозвался Бахирев.

— А всё-таки лучше иди-ка оденься.

Бахирев пошел в свою каюту.

Кто-то из провожавших забыл в каюте голубые детские варежки. Илья Бахирев вспомнил, что совсем еще недавно здесь бегали дети, заглядывали в круглые окошки-иллюминаторы, просили привезти им кокосовых орехов, бабочек из жарких стран и непременно самого большо-

го жука... «Да, надолго мы расстались», — глядя на варежки, подумал Бахирев.

А за кормой «Перекопа» бежали белые разводья и скрывалась в снежной мгле взмученная винтом бледносалатная полоса воды. У самого борта кружились чайки. Судно заметно покачивало — вышли в открытое море. «Перекоп» шел хорошо.

Через несколько часов стало теплее, снег прекратился. В воздухе повеяло запахами весны. Быстро стемнело. Море почернело. Лишь на надстройках и мачтах белел снег. Мерно урчала внизу паровая машина, под ногами вздрагивала палуба. У борта плескалась вода. В темноте на далеком берегу вспыхивали, точно короткие молнии, белые, зеленые и красные огни маяков.

За первые сутки плавания не встретилось ни одного судна. И лишь у берегов Кореи, на траверзе* порта Фузан, моряки заметили дымки, а затем рассмотрели шедшие вдоль берега японские военные корабли.

Море оставалось пустынным. Но вот из воды встали обрывистые берега острова Цусима. Свободные от вахт моряки вышли на палубу и долго смотрели на широко раскинувшиеся мглистые воды.

На «Перекопе» приспустили флаг. Раздался гудок.

Боцман Соколов снял мичманку. Вслед за боцманом снял кепку Илья Бахирев и все стоявшие на палубе.

Моряки отдавали почести соотечественникам — участникам цусимского боя.

Едва обошли остров, как появились японские «рыбачки» катера. Они пересекали курс «Перекопа», шли сбоку, ложились на параллельный курс, определяя направление судна, затем обгоняли его и уходили в сторону. На палубах у японцев лежали новые сети с блестящими стеклянными поплавками; видно было, что сети эти ни разу не закидывались в море. Над рубками катеров торчали антенны радиостанций.

Ночью у горизонта вспыхивали тоненькими нитями голубоватые лучи прожекторов, опускались на воду и освещали мертвенным светом поверхность моря.

На японском берегу полыхало дальней зарево мартеновских огней.

Ветерок, тянувший с берега, доносил до судна запахи соевого масла, вяленой рыбы, смолы, сырых сетей.

В свете береговых прожекторов несколько раз появлялись и некоторое время следовали почти рядом с «Перекопом» военные корабли без огней, четко вырисовываясь своими черными силуэтами. Кругом было так тревожно и напряженно, что все это сразу почувствовали.

«Перекоп» шел с отличительными и незатемненными огнями.

В четыре часа ночи Илья Бахирев сменился с вахты. Как всегда, ночная вахта — кочегары, матросы, второй помощник капитана Марк Владимирович Друт и второй механик Иван Тимофеевич Захов — долго сидела в столовой. Кочегар Бронислав Стыврин разливал в белые фарфоровые чашки кофе из начищенного медного чайника.

Моряки ждали утра, чтобы прослушать сообщение Совинформбюро. Вели разговор о Японии.

— Никаких птиц, даже чаек — и то не видно, — подметил Стыврин, — верно японцы их распугали стрельбой. Никак не утихнут...

И вот наступило утро. Солнечные лучи ворвались через иллюминаторы, мягким светом залили столовую. Палуба, которую боцман с матросами только что окатили водой, влажно блестела, сверкала поверх-

* На траверзе — в направлении, перпендикулярном курсу судна, прямо по борту.

ность спокойного моря. Надстройки судна были такими ослепительно белыми, что глаза резало. Даже в декабре в этих южных широтах было по-весеннему тепло.

Илье Бахиреву спать не хотелось. Он долго еще стоял на палубе. Приятно было после вахты в кочегарке подышать свежим воздухом, полюбоваться морем.

Где-то справа лежали берега Китая, слева — Филиппинские острова. В море же не было видно ни одного дымка. А сколько здесь встречалось судов в прежние годы! Но всё замирало там, где была война...

Бахирев, да и никто на судне еще не знал и не догадывался, что в эту ночь — 7 декабря 1941 года — Тихий океан стал ареной войны.

Об этом узнали позже, когда Борис Александрович Бударин зачитал сводку Совинформбюро и сообщение ТАСС о нападении Японии на военно-морскую базу Пирл-Харбор.

В тот же день было проведено открытое партийное собрание, на котором присутствовали все свободные от вахты моряки. Капитан Демидов — высокий мужчина лет за сорок — призвал экипаж к бдительному несению вахт. Бударин, прежде чем закрыть собрание, тоже призвал команду к стойкости в случае провокаций или нападения японцев на судно.

— Все вы видели, как их катера нагло кружились вокруг нашего «Перекопа» в районе Цусимы, — сказал он. — Надо помнить и то, что хотя Япония не воюет с нами, но она союзница Германии и Италии.

2. 17 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

Все дни стояла ясная солнечная погода. Сменившись с вахты, люди подолгу оставались на палубе. Свежий бриз овеивал лица моряков. За кормой оставалась дымчатая полоса, образовавшаяся от воздушных пузырьков, попавших в воду при работе винта. Летели чайки, у форштевня играли огромные акулы. Однажды утром на поверхности моря появилось большое светлое пятно. Третий помощник капитана Андрианов удивленно доложил капитану:

— Вижу молодой лед...

Капитан Александр Африканович Демидов улыбнулся.

— Вы хорошенько всмотритесь. Разве могут быть льды почти у экватора? Ведь это целая армада аргонавтов* выпустила свои крошечные белые паруса и скользит, пользуясь легким ветерком. А на лед издали действительно похоже, — сказал он.

В это время матросы уже успели выловить несколько аргонавтов и теперь с интересом рассматривали этих своеобразных мореплавателей, имеющих собственные паруса.

Боцман Михаил Соколов тоже с любопытством посмотрел на аргонавтов, ковырнул одного своим заскорузлым пальцем с толстым ногтем, положил себе в карман и произнес:

— Интересная штука, конечно, но вы же не пионеры, чтобы аквариумы тут устраивать. Загляделись, а работа стоит.

— Товарищ боцман, а что если сделать аквариум на самом деле? — предложил матрос Женя Бердан. — Вернемся во Владивосток, в подшефную школу сдадим... У вас в подшкиперской найдется, наверно, подходящая посудина?

* Аргонавт — кораблик; один из видов головоногих моллюсков.

— Ну, ладно, — согласился боцман. — Бахирев, возьми в подшкиперской старый таз. Приспособь всё так, чтобы получился настоящий аквариум... А остальным нечего зря глаза пялить.

Матросы приводили в порядок такелаж — смазывали особым составом, расхаживали блоки; плели и вязали грузовые сетки и кранцы; мыли и красили надстройки. Шла обычная будничная работа по подготовке судна к приему груза. Команда работала дружно и слаженно, хотя среди матросов немало было новичков, впервые попавших на пароход перед рейсом.

Боцман ревниво поглядывал на лебедки, посматривал на мачты, нет-нет, да и перегибался через фальшборт, чтобы посмотреть борта. Мачты и борта неопытному в морском деле глазу могли показаться чистыми, но боцман находил здесь так много изъянов, что только досадливо хмурился, вспоминая чистенький пароход «Кингисепп», на котором он плавал раньше.

Вечерами боцман обычно заходил к старшему помощнику капитана Ивану Васильевичу Байдакову, вместе они намечали работы на следующий день. Затем, поужинав, он шел к себе в каюту и брался за «Краткий курс истории Коммунистической партии». На столе поблескивал письменный прибор, который подарили боцману ко дню его рождения машинисты парохода «Кингисепп». На бронзовой подставке чернильницы были художественно вырезаны весла, якорь с якорь-цепью, лежала маленькая бухта троса, искусно сделанная из перевитых проволочек. А посередине была укреплена бронзовая пластинка с выгравированными на ней названиями всех морей, где плавал боцман.

На полочке стояли книги в красивых переплетках. Рядом с ними — вырезанный из мамонтовой кости парусник. Боцман особенно дорожил этим парусником, напоминавшем ему о его первом походе в Арктику. Он часто рассказывал об этом своем плавании команде.

Судно чуть вздрагивало, и боцман, поднявшись, отодвинул модель парусника к самой переборке, чтобы она не свалилась на пол.

Борис Александрович Бударин часто заходил в радиорубку и спрашивал, нет ли сводок Совинформбюро.

Как ни далеко находилось судно от родных берегов, благодаря внимательной работе радиста Николая Федоровича Плиско коллектив парохода был в курсе всех событий на Родине.

В последние дни часто передавались сообщения «В последний час», которые особенно радовали команду.

Борис Александрович рассказывал о героизме защитников Севастополя, Ленинграда. Рассказывал он о поражении немецких войск под Москвой, о провале немецкого плана окружения и взятия советской столицы.

— И вот, товарищи, — говорил Бударин, — вслед за Тихвином, за Ельцом, за Клином вчера, 16 декабря, советские войска после ожесточенных боев овладели городом Калинин.

Никогда еще за последнее время не был таким радостным и воодушевленным Борис Александрович. Он улыбался, лицо его светилось.

— Итак, товарищи, отметим на карте освобождение этого города.

— Борис Александрович, большую звезду рисуйте, — смущенно улыбнувшись, сказала дневальная Дуся.

Бударин подал Евгению Бердану красный карандаш и тот старательно вывел лучи пятиконечной звезды вокруг освобожденного города.

Все зааплодировали.

Моряки гордились подвигами своих собратьев на Черном и Балтийском морях. Особенно часто на «Перекопе» вспоминали капитана

Смирнова, который провел свое судно с тысячами эвакуируемых из прибалтийских городов женщин и детей через вражеский огненный вал. Капитан погиб во время этого рейса, но выполнил свой долг перед Родиной.

В момент такого разговора Бахирев услышал тихий гул. Подняв голову, он увидел темную точку в голубом небе.

— Самолет! — крикнул Илья.

Вскоре уже хорошо можно было различить самолет с японскими опознавательными знаками, летевший прямо к «Перекопу». Судно было торговым, поэтому моряки не беспокоились. На «Перекопе» подняли позывные флаги, обозначающие название судна и его национальную принадлежность. На втором трюме тоже выложили советский флаг, специально нарисованный на брезенте, хотя и кормовой флаг был ясно виден.

Но самолет, приблизившись, лег на боевой курс, и вот с резким визгом полетели вниз бомбы.

— Лево на борт! — подал команду капитан Демидов.

Матрос Зверев быстро переложил руль, и судно уклонилось от бомбы. Вблизи «Перекопа» поднялось два столба воды и раздался глухой взрыв. Всех находившихся наверху обдало водой, упавшей на палубу.

— Что это — невооруженное судно бомбят... Бандиты! — негодовали моряки.

— Под укрытие, под укрытие! — громко прокричал матрос Чулынин, передавая распоряжение капитана.

Самолет развернулся и зашел вторично на судно. Отбрасывая на палубу скользящую черную тень, он пронесся, чуть не задев дымовую трубу. Сейчас не было сомнений в том, что летчик прекрасно видел опознавательные флаги и поднятые позывные. Однако от самолета опять со свистом оторвались бомбы и легли почти у самого борта.

Сбросив все бомбы, самолет покружил над «Перекопом» и улетел.

В левом борту судна обнаружили небольшую пробоину и осколок бомбы, застрявший в рыбинсе.

Аварийная партия под руководством боцмана Соколова быстро заделала пробоину.

Наступила гнетущая тишина. Затем матросы и кочегары заговорили:

— Разве Япония начала войну с нами?

— Нет, не может этого быть... По радио мы узнали бы об этом... Нас предупредили бы из Владивостока.

По распоряжению капитана весь экипаж занялся подготовкой бота и шлюпок на случай высадки экипажа с судна. Носили продукты, проверяли весла, паруса, осматривали анкерки* и наполняли свежей питьевой водой. Повар Олейников, пекарь Гасюк и дневальный, всегда угрюмый, черный, как цыган, Марк Дубинин на камбузе дополнительно выпекали хлеб. Свободные от вахты машинисты и кочегары под руководством старшего механика Погребного и первого помощника Бударина устанавливали по бортам пустые железные бочки и набивали их промасленной паклей, чтобы можно было, если повторится налет, поставить дымзавесу.

Около двадцати двух часов из Владивостока получили радиogramму, в которой рекомендовалось изменить курс судна с расчетом пройти

* Анкерки — бочонки.

утром под прикрытием острова Натуна, а затем повернуть на восток и взять курс на Сингапур, где стояли наши суда и находился советский консул. Там следовало уточнить безопасный курс для продолжения рейса по назначению — на Яву.

В радиোগрамме также сообщалось, что Советский Союз находится в мирных отношениях с Японией, и что о нападении японского самолета на советское судно доложено нашему правительству.

Всю ночь шли с полным затемнением.

Капитан не уходил с мостика. Впередсмотрящие зорко вглядывались в темь южной ночи, но в море ничего не было видно: ни огонька, ни силуэта корабля. Лишь небо, как всегда, было в сияющих южных звездах. И как ни искали люди привычных им с детства звезд — не могли отыскать: далеко они были от родных мест. Лишь у самого горизонта на севере угадывалась Полярная звезда.

Илья Бахирев и его напарники, по вахте кочегары Стыврин и Агарков долго сидели на трюме. К ним подсади машинисты Будоян и Анипко. Затем подошел Бударин и тихо сказал:

— Идите спать, отдыхайте, берегите силы. А то может еще впереди и не такое быть.

— А что же вы сами не отдыхаете, Борис Александрович? И стармех тоже в машине, и капитан на мостике...

— Ну, мы — другое дело, нам так положено, — улыбнулся Бударин. — А вам вахты стоять... Отдыхайте, пока можно. Чего доброго, на рассвете непрощенные гости опять пожалуют...

Моряки не знали, что для некоторых из них это была последняя ночь, проведенная в дружеской беседе.

3. ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА «ПЕРЕКОП»

Солнечно. Небо чистое. Кругом морская беспредельная синева, и по ней вздымаются океанские волны. Видимо, на севере прошел большой шторм. Вдали на горизонте тонкой полоской темнеет остров. По распоряжению капитана Демидова были выставлены посты наблюдения: на носу, корме и на обеих мачтах. Судно слегка покачивало.

Весь экипаж в напряженном и приподнятом настроении.

В двенадцать часов Иван Степанович Андрианов сдал вахту второму помощнику Марку Владимировичу Друту. Доложив капитану, находившемуся неотлучно на мостике, о сдаче вахты, Андрианов зашел в штурманскую, чтобы сделать записи в журнал, и здесь услышал голос матроса Нечаева, находившегося на фок-мачте:

— От оста самолеты, шесть штук!

Взглянув на часы, Андрианов записал:

«12 часов 05 минут появились самолеты. — Выскочив на мостик, он продолжал записывать: — От оста шесть самолетов на высоте 300—400 метров идут прямо на судно. Хорошо видны японские опознавательные знаки на фюзеляжах и крыльях».

Это были японские бомбардировщики.

Вслед за первыми шестью самолетами появилось еще две новых шестерки. Через несколько секунд моряки заметили, что бомбардировщики легли на боевой курс.

По всему судну резко задребезжал звонок: объявлена тревога. Моряки разбежались по своим местам согласно расписанию.

Макаренко выскочил наверх. Вслед за ним поднялся и Стыврин. По расписанию тревог их место было на палубе у пластыря — огром-

ного, связанного из манильского троса мата, похожего на щетку; опуская мат на специальных концах за борт, им закрывают пробоину.

В кочегарку спустился Радченко. Видя, что Бахирев, окутав голову полотенцем и обливаясь потом, шурует в топках, он тоже принялся за работу. Пламя из раскрытой топки освещало полуобнаженный торс Бахирева и вновь меркло, как только он закрывал топку.

Коренастый, всегда несколько медлительный в движениях, Радченко преобразился и работал быстро. Круглое лицо его то освещалось, то покрывалось тенью. Забрасывая уголь, он крикнул Бахиреву, что на судно налетели восемнадцать японских самолетов.

В этот миг раздался взрыв, и в машине сразу стало темно. Погасло электричество. Лишь на какую-то долю минуты становилось светло, когда кочегары открывали топку.

Бахирев понял, что в судно попала бомба. «Наверху ребятам трудно приходится», — подумал он.

Андрианов стоял на мостике и считал сброшенные бомбы. Капитан Демидов резко отдавал команды, и матрос Василий Зверев, стоявший у штурвала, торопливо переключивал руль. Судно описывало зигзаги, уклонялось от бомб.

И всё же одна бомба попала в подшкиперскую около брашпиля. Вспыхнул пожар. Вся носовая часть парохода затянулась дымом. Языки пламени взметнулись над судном. Боцман Соколов, кочегар Стыврин, Анипко и Рева неподвижно лежали на палубе. Их убило разорвавшейся бомбой. Боцман лежал с открытыми глазами, крепко зажав в руке брандспойт. Пущенная под напором вода хлестала длинной струей.

Андрианов, сбегав с мостика, с трудом высвободил из мертвой руки Соколова шланг и направил струю воды в огонь. В этот миг на лебедках второго трюма разорвалась еще одна бомба. Андрианова воздушной волной отбросило в сторону, и он упал... Левая рука его была перебита, белела торчащая кость. Кровь текла из раны, носа, рта и ушей. Он с трудом поднялся и, шатаясь, пошел, держа брандспойт. Но вода не шла. Андрианов хотел крикнуть на мостик, чтобы позвонили в машину узнать, что там случилось с насосом, но вместо мостика он увидел там бесформенную груды железа.

Самолеты продолжали бомбить судно.

Андрианов машинально подсчитывал число взрывов.

Превозмогая боль, он пошел на спардек и только поднялся сюда, как увидел лежащего здесь машиниста Алексея Зорина. У него была оторвана одна нога и живот был распорот осколком. Бледное лицо Зорина покрылось холодным потом.

— Помоги, Иван Степанович, — чуть слышно прошептал он, увидев помощника капитана.

— Сейчас, сейчас, Алексей. Потерпи чуть, я позову Евдокию Васильевну, — и Андрианов побежал в медпункт.

— Евдокия Васильевна, там на спардеке Зорин умирает... Ногу оторвало... Перевяжите его.

— У меня бинтов уже нет, — ответила та и крикнула буфетчице Рахмановой:

— Скорее режьте простыни на бинты! Да скорее же!..

Со спардека Евдокия Васильевна вернулась сразу: ее помощь не понадобилась. Зорин был мертв.

Восемнадцать самолетов кружилось над судном, сбрасывая бомбы. Недалеко от судна плавала перевернувшись спущенная шлюпка, за нее держались люди. И вот самолеты начали расстреливать их. Люди ныряли

в воду, скрывались под дымом, тянувшимся полосой от зажженных на палубе дымовых бочек.

Судно дрогнуло. Это опять в носовую часть попала бомба. «Перекоп» еще больше погрузился носом в воду. Послышалась повторная команда капитана Демидова:

— Всем оставить судно!..

Старший помощник Байдаков со вторым помощником Другом и матросами с левого борта спардека спускали вторую шлюпку. В ней уже сидело четверо раненых. Увидев женщин и Андрианова, выбежавших из медпункта, Байдаков крикнул:

— Быстрее прыгайте в шлюпку.

Но едва люди вскочили в шлюпку, как рядом раздался взрыв. Шлюпка упала в воду и перевернулась, накрыв всех сидящих в ней.

Очутившись под шлюпкой, Андрианов попробовал вынырнуть из воды, но каждый раз он ударялся головой о шлюпку. Дышать стало нечем. Андрианов начал захлебываться и терять силы. «Что же это — неужели гибель?»

В это время кто-то крепко ухватился за него, и Андрианов почувствовал, что тонет. Собрав последние силы, он сделал рывок и уже в следующую секунду оказался на поверхности, метрах в шести от судна. А чуть ближе к борту барахталась в воде буфетчица Анна Николаевна. Самолеты продолжали обстрел. Андрианов пытался, действуя одной правой рукой, отплыть подальше от судна. Спасательный пояс, надетый кем-то на Андрианова, развязался.

Много авиабомб разрывалось вокруг парохода. От поднимающихся высоких всплесков воды рябило в глазах. Клубы желтого дыма, вспышки огня, вихри осколков и водяных брызг от пуль — всё смешалось вместе.

Николай Федорович Плиско лихорадочно передавал в эфир:

— ...СОС тчк Бомбят японские самолеты тчк Широта ноль четыре градуса зпт двадцать минут...

Раздался взрыв... Стенка рубки куда-то улетела, и Плиско очутился на спардеке... Ни радиорубки, ни аппаратуры больше не было... На палубе лежал лишь вахтенный журнал. Плиско схватил его, поискал позывные, вложил в журнал. Там лежало несколько радиogramм, недавно полученных из Владивостока на имя моряков «Перекопа», в том числе две телеграммы боцману Михаилу Соколову. «Отдам боцману телеграммы позже, а сейчас надо доложить капитану», — подумал радист и быстро поднялся на уцелевшее еще правое крыло мостика, где стояли капитан Демидов и первый помощник Бударин.

— Связь нарушена, радиogramму передал частично.

— Идите на корму, спускайтесь в шлюпку, — приказал капитан. — Судно тонет.

Плиско побежал на корму, засунув за пазуху вахтенный журнал. По пути он сбросил за борт три спасательных плота, сбросил и четвертый, но закрепил его пенковым концом на палубе парохода...

— Самолеты пошли на новый заход, — долетел в кочегарку голос сверху.

И опять послышалось несколько взрывов.

В это время в кочегарку вбежал второй механик Захов. Кочегары узнали его в темноте по голосу.

— Есть кто живой в кочегарке? — спросил механик.

— Есть, есть, — ответил Бахирев.

— Оставить кочегарку, подняться всем наверх.

— Что случилось?

— Судно тонет. Живее!

Захов пробежал в бункер — проверить, нет ли там людей, а затем возвратился в машину и быстро заклинил клинкеты в кочегарку и туннель гребного вала.

Бахирев и Радченко торопливо начали стравливать пар и выгребать жар из всех топок, чтобы не взорвались котлы. При взрыве котлов гибель грозила даже тем, кто будет находиться в шлюпках на воде.

И лишь после того, как они выгребли жар из топок, Илья пошарил рукой наверху решетки и схватил спасательный пояс. Нашупывая поручни трапа, он поднялся наверх, за ним и Радченко.

Яркое солнце больно резануло глаза. Бахирев на миг зажмурился, но в следующую минуту увидел, что люди бежали по палубе к шлюпкам; две шлюпки уже покачивались на воде.

Судно всё глубже погружалось носовой частью в воду и было охвачено пламенем и дымом, поднимавшимся черным столбом в чистое небо. Над судном с воем кружились самолеты, обстреливая из пулеметов шлюпки.

— Быстрее в шлюпку! — крикнул с мостика капитан Демидов.

Но голос его потонул в гуле и громе нового взрыва. На этот раз бомба попала прямо в угольный бункер. В воздух поднялось облако черной пыли, полетело рваное железо.

Бахирев перескочил через борт, намереваясь спуститься по трапу, но не удержался, сорвался вниз и упал прямо в бот. Обе его ноги были ранены, хотя боли он и не чувствовал. Но спина нестерпимо болела, видно он ударился, когда падал.

Евдокия Васильевна Костюк — судовой медик — быстро перевязала ноги Ильи.

Бот отошел от парохода. В это время кок Тимофей Захарович Олейников прыгнул с палубы судна, держа в руках большую сверкающую кастрюлю. В другое время это вызвало бы смех, а сейчас всех волновала мысль — почему он не бросит кастрюлю, чего доброго утонет еще..

Самолеты, казалось, оставили судно и ушли к острову.

Но едва бот начал подходить к судну, чтобы забрать оставшихся там людей, как самолеты опять налетели и сбросили бомбы.

Поднявшиеся потоки воды залили шлюпки. Развернувшись, самолеты продолжали обстреливать людей из пулеметов. Спасаясь от обстрела, многие выпрыгнули из бота и шлюпок в море. Всюду видны были фонтанчики и всплески от пуль и осколков. Воздух дрожал от визга, шума, взрывов. Но вот на судне раздался оглушительный треск, «Перекоп» резко пошатнулся и еще больше ушел носовой частью в воду. Винт теперь высоко поднялся, и судно не тонуло только потому, что воду еще сдерживала переборка машинного отделения.

А самолеты всё кружились над гибнущим судном, поливая людей свинцом.

Кочегар Агарков начал спускаться за борт по таям. Но уже через секунду ни Агаркова, ни талей не было. Пули шелкали по стали судна. Носовая часть горела. Полыхал почти затопленный первый трюм. Горели и корма и средняя надстройка; вспыхивали всё новые и новые очаги пожара

Самолеты, наконец, ушли на северо-восток... Наступила гнетущая тишина.

— Ну что ж, и нам пора сходить, — сказал капитан. — Ничего уже нельзя изменить... Надо побыстрее собрать людей на воде и направиться к ближайшему острову Большая Натуна. Борис Александрович, запомните — долгота острова 108 градусов, широта северная 4 градуса..

До острова миль двенадцать. А теперь попросаемся, на всякий случай, — взволнованно сказал Демидов и неловко обнял Бударина.

Они спустились на болтавшийся у борта плот, который привязал Плиско. Раненый капитан двигался с трудом, и ему помогали спуститься Бударин, Марк Друт, радист Плиско, матрос Чулынин. К ним присоединился также старший механик Погребной.

В это время к плоту подошел бот. Моряки с плота перешли в бот, где уже находились старпом Иван Васильевич Байдаков, женщины, Радченко, Бахирев и Захов.

Затем все шлюпки собрали вместе. Капитан распорядился вычерпать воду и побыстрее собрать тех людей, которые плавали еще вокруг судна.

Подобрали Владимира Зинчука, Андрианова и буфетчицу Анну Николаевну, у которой оказалась перебитой левая нога.

— Девяти человек не хватает, — произнес Бударин.

— К острову поплыл Леонид Сухонос, — сообщил Андрианов. — Значит, не хватает восьми человек.

Капитан приказал шлюпкам следовать к острову Большая Натуна, который чуть виднелся на горизонте, далеко к югу.

— Держитесь прямо к острову и выходите к западному мысу, там все соберемся, а уж потом вместе выйдем на берег, — сказал капитан.

Старший помощник Байдаков, первый помощник Бударин и матрос Зверев поднялись на судно, чтобы еще раз осмотреть его и проверить, не остался ли там кто-нибудь из раненых.

Илья Бахирев попросил разрешения тоже подняться на тонущее судно, помочь осмотреть его и взять что-нибудь из одежды. Капитан разрешил.

Поднявшись на палубу парохода, Бахирев бегом направился на корму в кубрик команды. Бежать по исковерканной наклонной палубе было трудно, и он то и дело хватался за фальшборт. Старпом Байдаков, матрос Зверев и Бударин побежали в среднюю надстройку. Пароход носом сильно ушел в воду и имел большой крен на борт. Часть палубы была в воде, то здесь, то там вырывались языки огня. Раскаленные листы железа вздувались и рвали заклепки. Стекла иллюминаторов покрывались сеткой блестящих трещин, из них вываливались куски, и тогда из образующихся дыр вырывался желто-черный дым и языки огня.

Бахирев вскочил в кубрик, но в нем ничего не было видно из-за дыма. В коридоре клокотал бушующий огонь. Людей Бахирев не обнаружил. Тут ему под руку попался большой узел, и он взял его, чтобы защитить им лицо от огня.

Трап в коридоре неожиданно рухнул, и выход Бахиреву оказался отрезанным. Сердце у него похолодело. Но раздумывать было некогда. Выбросив узел вверх, Бахирев подпрыгнул и ухватился за скрюченное взрывом рваное железо. Порезав руку, он не выпустил железа и уже в следующий миг был на палубе. Но тонущее судно не хотело выпускать Бахирева из плена. Раскаленная покоровившаяся палуба рухнула перед ним в трюм. Бахирев забежал по узенькой полоске остатка палубы.

Бударин, старпом Байдаков и матрос Зверев, осмотрев судно, сбросили вниз простыню и несколько кителей, спустились в бот и кричали оттуда Бахиреву:

— Давай быстрее! Судно тонет!..

Илья бросился в воду, поплыл, загребая одной рукой, потому что другой рукой держал узел высоко над головой, хотя в этом не было уже смысла: узел был мокрым. На воде он увидел выпавшую из узла детскую рукавичку. Он умудрился схватить рукавичку зубами. Вскоре Илью вытащили из воды в бот и он потерял сознание.

— Тонет! Тонет «Перекоп»!

От этого крика Илья очнулся. В шлюпке все стояли, обернувшись в одну сторону. Экипаж прощался с судном. Раздался глухой взрыв — это вода продавила машинную переборку. Поднялся столб огня. Бот закачался на набежавшей волне. Корма судна поднялась, и на синем небе ярко вырисовывался алый флаг. Судно быстро погружалось. Флаг трепетал, как живой. Моряки смотрели туда, где только что был «Перекоп», и на глазах у них навернулись слезы. Над местом гибели судна сомкнулась волна, поднялись воздушные пузыри, появилась пена. Стремительно выскочила на поверхность доска. Потом всплыл спасательный круг, выкрашенный в белую и красную краску. На нем ясно выделялась надпись: «Перекоп», и ниже более мелко — «Владивосток».

— Надо подобрать, — глядя на круг, сказал Бударин. — Другой, новый «Перекоп» будет плавать под алым флагом. Обязательно будет плавать!

К боту подошли обе шлюпки. Они догнали Сухоноса и вытащили его из воды. Это был последний спасенный. Остальные восемь человек погибли: пятеро на судне от бомб, трое на воде — от вражеских пуль.

4. НОЧЬ НА ШЛЮПКАХ

Все оставшиеся в живых разместились в двух шлюпках. Раненых пересадили в более просторный бот. Тут же были капитан Александр Африканович Демидов, Борис Александрович Бударин, Евдокия Васильевна Костюк, кочегары Илья Радченко, Илья Бахирев, буфетчица Анна Николаевна, Андрианов, Усаченко...

Мерно гремели уключины. Весла всплескивали черную воду. В южных широтах ночь наступает мгновенно, и поэтому уже к восьми часам стало темно.

Бударин и Радченко работали на веслах бесшумно. Греб и Илья Бахирев. Попытался грести Демидов, но не смог из-за сильной боли от ран в спине. Шлюпки держались близко одна к другой. Когда они сошлись все вместе и люди перестали грести, Бударин сказал:

— Давайте, товарищи, немного отдохнем и посоветуемся, что делать дальше.

— Как скажете, так и сделаем, — послышались голоса.

— Погиб «Перекоп», погибли наши товарищи... Нет среди нас Соколова, Зорина, Стыврина, Лютивинского, Будояна, Агаркова, Ревы, Анипко... Но у нас, товарищи, сохранился коллектив советских людей, экипаж парохода «Перекоп». Нас тридцать два человека. Правда, здоровых только одиннадцать человек... Но жить надо. Надо, товарищи, жить! Значит, заботу о раненых по-дружески возьмут на себя здоровые. Высадимся на остров, дадим знать о себе на Родину, и нас выручат. А может и оказия какая подвернется... Ну, у кого табачок есть, перекурим пока.

Затем заговорил капитан Демидов.

— А сейчас, товарищи, — сказал он, — слушайте приказ: все документы уничтожить. Записки и дневники тоже. А вы, Николай Федорович, сожгите радиожурнал, позывные и все телеграммы. Мы попадем на остров Большая Натуна. Там живут малайцы. Но, возможно, остров уже заняли японцы. Или там находятся немцы... Всё может быть. Немцы в первую мировую войну здесь свою базу держали, может и теперь тоже... Во всяком случае, как сказал Борис Александрович, помните: мы —

советские люди! С Японией мы не воюем, это ясно из вчерашней радиogramмы. Но могут быть провокации.

Капитан продолжал:

— Эту ночь мы проведем в море, погода хорошая, шлюпки хотя и пострадали от пуль и осколков, — выдержат. До острова доберемся...

Далеко на острове виднелись огни. Это, вероятно, горели костры. Было видно, <как искры поднимались ввысь, подчеркивая темноту ночи. Но самое странное, что заметили моряки, — там часто вспыхивали ручные электрические фонарики. Их светлые лучи шарили по берегу, освещали кипящие белой пеной буруны. «Кто там ходит?» — думали моряки.

В полночь шлюпки совсем близко подошли к острову, но моряки решили до утра на берег не высаживаться, стать на якорь. Бударин посоветовал всем выспаться, отдохнуть. Может быть, это последняя ночь, когда все они вместе...

На боте и шлюпках зажгли фонари; они уцелели, так как были в водонепроницаемых ящиках.

После пережитых волнений долго никто не спал. Но усталость взяла свое, и под утро все, кроме вахтенных, уснули.

После дневного треска пулеметов и гула взрывов ночь казалась удивительно тихой. Тишину нарушало лишь звяканье ведер, которыми вахтенные вычерпывали воду, позвякивание якорных цепей да поскрипывание канатов, которыми были скреплены друг с другом бот и обе шлюпки.

Евдокия Васильевна пыталась облегчить страдания тяжело раненных. Столько больных! Всем надо помочь. Особенно мучилась, но не издавала ни одного стога, буфетчица Анна Николаевна; матрос Усаченко что-то быстро и несвязно бормотал в бреду.

Забрезжил рассвет. Илья Бахирев, сменившись с вахты, прилег рядом с курившим цыгарку Будариным и сразу же уснул. Бударин снял с себя китель и прикрыл им Бахирева. Он думал о жене и сыновьях: «Спят, верно, маленькие...»

На небе мелькнул огненной полоской метеорит и пропал где-то далеко на севере.

Небо всё более светлело. Яснее стал виден остров. Это была уже не густочерная полоса с огоньками среди черной воды. Виднелись серые и желтые осыпи, синели вдали вершины вулканов, а у берега поднимался вверх белый султан дыма. У кораллового рифа белел пенный бурун. На одиноко торчащей скале виднелся лохматый ствол и длинные темно-зеленые вайи — листья пальмы.

Восток заалел огненной полосой. От острова на воду упали продолговатые тени. Оттуда тянул прохладный ветерок.

На шлюпке проснулся Олейников и заботливо потушил фонари. Проснулись и остальные.

К берегу подошли на восходе солнца. Был отлив, вдоль острова далеко в море тянулась отмель. Белел коралловый песок. Впадины и ямки, залитые водой, сверкали, как розовые зеркала. Утро было тихое, ясное. И вот в один миг всё наполнилось шумом, писком, шелканьем, птичьими трелями. Бахирев сразу узнал высокий голос певчего дрозда. Затем послышались непонятные крики и урчанье; как моряки узнали потом, это были голоса обезьян и попугаев. Казалось, всё живое приветствовало нарождающийся день.

«Долго ли нам придется жить на далеком и чужом острове?» — подумал Бударин.

5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НАСЕЛЕНИЕМ ОСТРОВА БОЛЬШАЯ НАТУНА

Бот и шлюпки ткнулись в отмель, покрытую белым коралловым песком.

Шатаясь от усталости, измученные люди стали выходить на берег.

Поговорив с Демидовым, Бударин вместе с Берданом и Бахиревым пошли по берегу в надежде обнаружить жителей острова. Они прошли отмель и начали подходить к зеленым зарослям. Вдруг из кустов выскочило несколько вооруженных людей с карабинами, в темнозеленых широкополых шляпах и коротких, до колен, брюках и безрукавках. Один из них, повидимому офицер, подошел к Бударину и начал с ним разговаривать. Затем офицер подал команду, и солдаты опустили карабины, а Бударин начал махать рукой, приглашая моряков итти на берег.

С большим трудом моряки преодолели те несколько десятков метров, которые отделяли шлюпки от берега; ноги глубоко увязали в песке, к тому же тяжело раненных Анну Николаевну, третьего помощника Андрианова, машиниста Михневича и матроса Усаченко пришлось нести на руках.

В это время из зарослей вышло еще несколько человек — без рубах, на бедрах у них болтались какие-то странные тряпки. Лица у них были коричневые, волосы черные, прямые, зачесанные назад. Один из них — высокий, худой, с седой головой — был, повидимому, старшим. Пришедшие по его знаку взяли тяжело раненных моряков и понесли их через лагуну на берег, другие принялись вытаскивать на отмель бот и шлюпки.

В очень плохом состоянии был раненый матрос Усаченко, почти еще юноша, лет восемнадцати. Его смуглое лицо побледнело, из ушей сочилась кровь. Он открывал глаза и устало опять их закрывал. Светлые волосы падали ему на лоб. Вдруг Усаченко испуганным взглядом уставился на островитян. «Кто это? — подумал он. — Японцы?!» На следующий день Усаченко был несказанно удивлен, узнав, что то были малайцы, а не японцы.

Двое военных, державшие в руках уже ставшие ненужными электрические фонарики, подошли к морякам. Один из них заговорил на английском языке:

— Я — голландский лейтенант Петер Энгерс, а это — мои солдаты, — сказал он.

Лейтенант Петер Энгерс — комендант острова Большая Натуна — был еще совсем молодым человеком, как ни старался он казаться солидным. Говорил он быстро, часто перескакивал с одного предмета на другой.

— Что за люди? Чье судно? Какого государства?

«Так вот кто светил электрическими фонариками», — подумал капитан Демидов и коротко объяснил коменданту, кто они такие и как оказались на этом острове. «Вероятно, у голландцев здесь есть какое-нибудь судно. Они переправят нас в Сингапур, а оттуда мы легко доберемся на Родину», — подумал капитан.

А лейтенант продолжал говорить:

— Хорошо, что вы на шлюпках зажгли фонари. Мы вас могли бы обстрелять. Подумали, что это десант, и приготовились к обороне. Японцы наш остров уже несколько раз обстреливали. Вчера в полдень здесь несколько раз пролетали японские бомбардировщики...

Как с одной стороны, так и с другой люди пока держались отчу-

жденно. По всему было видно, что Петер Энгерс к ответам капитана отнесся недоверчиво: у моряков не было с собой ни документов, ни судового журнала.

Бударина окружила группа малайцев и молча рассматривала его. Из-за спин взрослых с испугом и удивлением выглядывал маленький темнокожий мальчик. Островитян особенно удивляли светлокаштановые волосы Бударина и его непонятная речь. Но тут Илья Бахирев вспомнил о своем узле. Развязав его, он вытащил несколько пачек папирос и, придвинувшись к Бударину, прошептал:

— Борис Александрович, покажите им красную звездочку. — В руках у него была пачка ленинградских папирос «Красная звезда».

Бударин передал малайцам папиросы, а одну пачку — лейтенанту Петеру Энгерсу и, жестикулируя, начал показывать на красную звезду.

— О! О! Русска, русска, совет... Красная Армия... пьюф, пьюф... Джерман... — заговорили малайцы.

— Русска багус, Ленин багус, Сталин багус!*

На лицах малайцев появились улыбки, и глаза их сразу потеплели, стали добрее. Один из них куда-то быстро ушел и тотчас вернулся с кокосовым орехом в руках. Быстрым взмахом ножа малаец надрезал орех и передал его Бахиреву. Тот не сразу понял, что надо делать. Тогда малаец жестами показал: пить надо. Бахирев отпил глоток и передал орех Петру Чулынину, а тот в свою очередь вручил орех Бакалову... Малайцы замахали руками, показывая, что, мол, пейте все, мы всем принесем орехи. И действительно, они принесли еще орехов, связки бананов и дали каждому моряку по ореху и по несколько бананов.

Петер Энгерс прежним официальным тоном задавал капитану Демидову вопросы:

— Куда шло судно? Зачем?

— На остров Ява. В порт Сурабая. За грузом, — отвечал ему капитан.

Взяв от Бударина пачку папирос, Петер Энгерс долго ее рассматривал, затем улыбнулся и сказал:

— Я всё сделаю, чтобы облегчить вашу участь... Жить пока будете в малайском поселке.

И он что-то сказал пожилому круглолицему малайцу. Тот в ответ закивал головой.

— Русски, Россия! — заговорили малайцы, знаками приглашая моряков следовать за собой.

Моряки, неся раненых, медленно пошли в ближайший поселок. Малайцы, горестно покачивая головами, помогали нести раненых.

Чем дальше углублялись в джунгли, тем сильнее людей одолевала жара. Деревья своей тенью не могли смягчить духоты от болотных испарений.

Анна Николаевна тихо постанывала. Было видно, как ей трудно сдерживаться. Ее лоб и заострившийся нос покрылись капельками холодного пота. Нога ее была завязана разорванной простыней, смоченной в морской воде. Теперь простыня высохла, и нога нестерпимо горела. Но Анна Николаевна терпела, лежа на неудобных носилках, связанных малайцами из веток.

Евдокия Васильевна, заметно осунувшаяся за ночь, старалась облегчить страдания Анны Николаевны и других раненых. Многие из полу-

* Багус хорошо (малайск.).

чивших тяжелые ушибы и сильные ожоги, видя своих товарищей в более тяжелом состоянии, сами поделились с ними одеждой и не только не обращались за помощью к Евдокии Васильевне, но старались помочь ей, чем могли.

Моряки шли в глубь острова по еле заметной тропинке. Но вот из-за сплетений лиан они увидели несколько хижин из бамбуковых прутьев, стоявших высоко на сваях. Окна в хижинах заменяли отверстия, забранные решетками, без стекол, но со ставнями из тех же бамбуковых прутьев. Над многими хижинами поднимались прозрачные дымки. Бревна с вырезами заменяли для островитян лестницы.

Это был малайский поселок Танью.

Моряков удивила тишина в поселке. Они не увидели здесь ни детей, ни стариков. Несколько женщин, похожих на китайнок, осторожно раздвинув широкие сизые листья бананов, испуганно смотрели на них. Молодая стройная девушка с черными волосами, увидев моряков, тут же повернулась и скрылась в джунглях.

Моряки переглянулись. Было ясно, что малайцы им всё-таки не доверяли и боялись их...

— Ишь, боятся нас женщины, — заметил Илья Бахирев.

— Ничего, потом поймут, кто мы такие. Поймут, что не все белые люди одинаковы, и тогда перестанут прятаться. Сколько им пришлось перетерпеть здесь от всяких искателей легкой наживы, — сказал Бударин.

Моряки начали размещаться в отведенном для них помещении. Оно было похоже на все остальные строения в поселке — бамбуковое, с такими же отверстиями вместо окон, зарешеченными бамбуковыми прутьями. Посредине хижины был земляной очаг.

Кое-как разместились в хижине. Было тесно. Но, несмотря на неудобства, некоторые быстро уснули. Вскоре пришел голландский сержант Янсон от Петера Энгерса, он принес бинты, пакетик марганцовки, немного хинина и два хирургических скальпеля.

— Это всё, чем мы можем помочь.

Евдокия Васильевна обрадовалась и этому: настоящие бинты, хинин! Скальпели тоже пригодятся...

Андрианов с перевязанной рукой сидел и кривился от боли. Буфетчица Анна Николаевна рассказывала:

— Я чуть не погибла под шлюпкой, когда она перевернулась. Чувствую, тону. Вдруг кого-то ухватила за руку. Человек рванулся, и я отцепилась, вынырнула — и оказалась на поверхности... Потом осколком или винтом — точно не помню — мне перебило ногу.

— Это вы за меня уцепились, — сказал Андрианов. — Я попытался освободиться, вынырнул и таким образом спасся сам и спас вас.

Они еще разговаривали, когда в хижину один за другим вошли несколько малайцев с бананами, ананасами, кокосовым молоком и какими-то клубнями, похожими на картофель. Затем малайцы сели у входа и с любопытством и интересом стали разглядывать русских.

Худощавый высокий малаец с гладко зачесанными наверх черными, уже седеющими волосами, заметив, что моряки с недоумением смотрят на клубни, подошел к Жене Бердану.

— Датук! Датук! — заговорил он, стукнув себя рукою по груди. И, показывая на клубни, произнес: — Убикаю*... — Сказав это, он вы-

* Клубни, напоминающие картофель.

шел из хижины и вскоре возвратился с охапкой дров, зажег очаг и бросил клубни в огонь.

Побыв немного, малайцы ушли, а с ними ушел и сержант Янсон. Он раскланялся только с капитаном. В хижине остался один худошавый малаец, что разжег очаг. Он сидел и молчаливо смотрел в огонь.

Моряки пытались устроить поудобнее больных, принесли травы, ветвей — всё это и заменило им постели.

Евдокия Васильевна хотела узнать у малайца, имеется ли на острове доктор, но они друг друга так и не поняли, хотя оба усиленно жестикулировали. На помощь им пришел Ефим Кириллович Погребной, плававший в Китай, Индию и прекрасно владевший английским языком. Малаец тоже понимал по-английски. Из его объяснений Ефим Кириллович узнал, что Датук — это имя малайца, убикаю — название клубней, их можно испечь и кушать, что остров Натуна шириной в пятьдесят и длиной в шестьдесят километров, но на нем нет врача. Прежде здесь был врач, но, как началась в Европе война, он убежал. А лекарств у него не было никаких. «Он писал бумажку, — пояснил Датук жестом, — и с нею надо было ехать на остров Борнео. Но туда почти никто не ездил, не было на это денег. Так бумажками и лечились. Но они не помогали», — грустно закончил Датук.

Очаг почти прогорел. Датук палкой разгреб жар, вынул клубень убикаю, нашел глазами Женю Бердана и протянул клубень ему. Бердан попробовал печеный клубень, улыбнулся и произнес:

— Да это ж точь в точь наша картошка, только середина у него жестковата.

Датук заулыбался и скоро ушел.

В углу сидела грустная Евдокия Васильевна. Она думала: «Что же делать с ранеными людьми, если на острове нет медикаментов, нет врача?..»

С этим же вопросом на следующий день капитан Демидов и Бударин обратились к старшине острова Амиру. Это был вождь племени и он же старшина острова, как его называли местные жители.

Амир и малайцы долго о чем-то говорили между собой, часто упоминали имя Петера Энгерса. Затем, кланяясь, они ушли, так и не сказав ничего определенного.

6. ПЕРВЫЕ ДНИ

В первые три дня к морякам приходил только Датук, да издали украдкой рассматривали русских малайские ребяташки — чумазные и смешные в своем любопытстве, как все ребяташки на свете.

Запасы пищи, полученные от голландского офицера Петера Энгерса и малайцев, и консервы, захваченные с судна, были на исходе.

Японцы почти ежедневно бомбили и обстреливали с самолетов тот район острова, где располагался малайский поселок Танью. Тогда малайцы ушли из поселка в глубь джунглей. Датук посоветовал и морякам уйти туда же.

Под высокими зелеными сводами пальм, мангровых деревьев и кустарников, переплетенных лианами, царил полумрак. Кое-где пришлось прорубать заросли тяжелым малайским ножом — параном. Почва в зарослях была сырая, покрытая мхами и орхидеями. Где-то наверху громко трещали цикады, заливались птицы. Внизу изредка с шуршанием проползали отвратительные змеи и ящерицы. Но вот среди высоких кокосовых пальм показался стоящий на сваях длинный дом, похожий на

сарай. Это была заброшенная хижина малайца Лимана, которую он и предложил русским.

Хотя малайцы жили на острове в страшной нищете, они каждый день приносили морякам что-нибудь из пищи: то убикаю, то немного бананов или несколько ореховых скорлуп с кокосовым маслом и сагой.

Малайцев особенно трогало то, что всё лучшее из еды моряки отдавали больным.

Однажды Датук подсел к очагу, раскурил свою трубочку, раздал остальной табак курящим и заговорил, часто произнося одни и те же слова:

— Ленин — багус, Сталин — багус, рус — багус. Рус макан ада баняк. Бианда макан тида ада-суса.

Это означало: «Ленин хорошо, Сталин хорошо, русские хорошо. У русских дома есть что кушать. У голландцев кушать нечего».

Затем Датук долго молчал, подбрасывая дрова в очаг, и снова заговорил. Старший механик понял, что Датук говорит о войне, о том, что под Москвой русские здорово бьют немцев. Малайцы узнали об этом от голландцев, прилетевших недавно сюда на самолете.

Как ни скудны были эти сведения, но Борис Александрович очень им обрадовался. Они подтверждали те сообщения, которые еще десять дней тому назад команда «Перекопа» услышала по радио.

— Это хорошо, что на остров прилетают самолеты... Значит, у нас есть шанс выбраться отсюда, — сказал Бударин.

В полдень Датук ушел. К этому времени вся команда собралась в хижине. Бударин, ероша пальцами светлокаштановые волосы, смотрел на Николая Усаченко, который сразу после высадки на остров заболел малярией. Усаченко лежал на листьях пальмы недалеко от очага, ежась от холода, с бледным лицом, покрытым потом. По всему было видно, как ему тяжело. Заболели малярией и капитан и еще несколько моряков. Слег от укуса ядовитой сороконожки механик Захов. К тому же он очень тяжело переживал разлуку с семьей.

В довершение бед наступила пора дождей. В хижину доносился шум ливня, шелест деревьев и непрерывный гул заштормившего моря. Гром то грохотал над самой хижинкой, то слышен был издали. Дождь лил водопадом. Яркие молнии с оглушительным треском ударили в верхушки деревьев, освещая всё вокруг белым мертвенным светом. На миг сверкали полосы дождя, будто повисали неподвижно в воздухе. Затем опять наступала кромешная тьма.

— Разверзлись хляби небесные, — сказал Погребной, однако его шутку никто не поддержал.

Но вот дождь прекратился. Люди вышли из хижины. Луна отсвечивала в лужах, стоявших на черной мокрой земле. Пальмы в лунном свете казались белыми, на каждом перышке вайи сверкали капли воды.

Но вскоре луну закрыли тучи. Опять налетел ветер. Где-то вдали прогремел гром. Высокие стволы пальм, раскачиваясь из стороны в сторону, гнулись под сильными порывами ветра. Кокосовые орехи, срываясь с верхушек пальм, глубоко врезались в раскисшую землю. Один орех с такой силой угодил в плечо Погребному, что ему пришлось сделать перевязку.

Борис Александрович старался поднять настроение людей. Да и сами моряки понимали, что нельзя им впасть в уныние. Они часто шутили над радистом Плиско: «Нельзя ли, Николай Федорович, натянуть на пальмы антенну из лиан и слушать радио?»

Николай Федорович часто ругал себя за то, что не захватил с собой разбитый приемник — возможно, удалось бы собрать хоть детекторный приемник. «Эх, узнать бы, что там делается на белом свете!»

Грусть холодной змеей вползала в сердца. Многие целыми днями сидели молча со своими думами. Но, кажется, и самых грустных мог рас-смешить кок Тимофей Захарович Олейников. В кастрюле, захваченной им с камбуза, кок умудрялся приготовить и первое и второе, а иногда даже варил в ней компот или чай. Он часто рассказывал веселые исто-рии о своей поездке на курорт.

Ефим Кириллович Погребной начал обучать всех желающих англий-скому языку.

А дождь всё лил и лил. В такую погоду ничего нельзя было делать, люди почти не выходили из хижины.

Хижина тускло освещалась мерцающей коптилкой из половинки скорлупы кокосового ореха, наполненной маслом. Затем и она гасилась. В хижине становилось темно. Шелестели постели из пальмовых листьев, на которых беспокойно ворочались люди, потревоженные укусами моски-тов. И тогда многим вспоминалась роскошно отделанная кают-компания «Перекопа» с черным и розовым полированным деревом, с бронзовой люстрой, с коврами и картинами Айвазовского и Шишкина на стенах. «А какая у нас была библиотека! — вздыхали моряки. — Хоть бы одну книгу сейчас иметь».

7. КОММУНИСТЫ

Бесперывные ливни сделали положение моряков крайне тяжелым. Больных малярией стало больше. Люди лежали на отсыревших посте-лях из листьев и травы, в невысыхающей одежде. Одежда прела, рас-ползалась, превращаясь в лохмотья. Незажившие раны и ожоги не давали покоя.

Однажды ночью Бударин услышал шопот:

— Сидим и сидим тут. Неужели нельзя, пока есть еще здоровые люди, уйти на одной шлюпке на Борнео. Сообщить властям, пусть выве-зут больных. Дождемся того, что все от болезней погибнем.

Бударин приподнялся и сел. Шумел ливень. Изредка раздавались стоны, кто-то храпел, кто-то бредил. Опять послышался шопот, но слов больше нельзя было разобрать.

Бударин лишь под утро забылся тревожным сном. Ночной шопот не давал ему покоя. Мучили сомнения. Может быть, лучше сделать так, как кто-то говорил ночью? Нет, нельзя разделяться, нельзя бросить больных. Надо отремонтировать бот и шлюпки, а когда больные выздоровеют, — уйти всем вместе.

Утром Бударин увидел кока Олейникова, готовившего завтрак, и сказал ему:

— Тимофей Захарович, покормите людей, — приходите на отмель к шлюпкам. Проведем партийное собрание.

Пригласил он и остальных коммунистов.

День выдался жаркий. Мерно подымались волны, с шумом накаты-ваясь на коралловые рифы. Достигнув мели, они рассыпались белой по-лосой вдоль побережья. Отделенная от моря рифами, голубоватым зерка-лом лежала лагуна.

Марк Друт, идя на собрание, сорвал розовую орхидею. Он думал о своих дочерях и неловко вертел цветок в руках. С орхидеей неудобно было итти на собрание, но и бросить ее было жаль.

— Положи цветок корешком в ямку с дождевой водой, — сказал Погребной. — Будешь итти обратно — возьмешь.

Вскоре все коммунисты собрались на берегу. Бударин, осмотрев всех, улыбнулся.

— Ишь, бритвы нет, а все бритые.

— Осколками бутылки побрились, — объяснил Олейников. — Партийное собрание — дело серьезное. Живет партийная организация, значит и коллектив живет.

Открыли собрание — первое на чужой, неприветливой земле.

Бударин рассказал о ночном разговоре, нечаянно подслушанном им, о своих думках.

Коралловые рифы и мели не давали возможности судам близко подходить к острову Большая Натуна. Малайцы говорили, что до войны сюда раз в год приходило голландское судно, забирало каучук, копру, бананы, черное и красное дерево. Придет ли в ближайшее время такое судно — неизвестно. Голландские самолеты тоже не прилетают. Может, остров Борнео уже захвачен японцами? Но Петер Энгерс ничего не знает, хотя ему-то должны были бы сообщить об этом...

— Нам нужно надеяться только на себя, — говорил Бударин. — Люди с улучшением погоды начнут выздоравливать. Больше станет рабочих рук, за больными будет кому ухаживать. Может быть, удастся всех поставить на ноги. А нам, коммунистам, надо бороться за коллектив. Хоть и мало нас, всего четыре человека, но ведь это — четыре коммуниста. К тому же большинство из нас старшие по возрасту, да и жизненным опытом богаче. Надо установить наблюдательный пункт на скале, вдруг какое-нибудь судно будет итти мимо и заберет нас. В то же время мы должны готовить свои шлюпки к переходу на Борнео. А пока нужно поближе познакомиться с малайцами, поучиться у них жизни в джунглях. Поднять комсомольцев на это. И уж, конечно, не должно быть в нашем коллективе уныния. Ведь мы — советские люди и должны, значит, одолеть любые трудности, а их у нас немало.

Когда закончили собрание, коммунисты еще долго сидели на берегу. Забота, которую они взяли на свои плечи, не пригнула их, а, наоборот, сделала каждого еще выше, красивее и ярче.

Приливные волны уже заметно подступили к берегу, затопив отмели и впадины.

Марк Друт подобрал свою орхидею. Несмотря на жару, она сохранилась и не увяла.

Возвратившись в хижину, Бударин подсел к больному Демидову. Приступ лихорадки прошел, но на лице Демидова блестели росинки холодного пота. К светлому лбу прилипли длинные пряди отросших волос.

— Александр Африканович, мы провели партийное собрание, посоветовались. Хорошо бы нам провести собрание всего экипажа. Поговорить с людьми. Вы бы выступили. Надо призвать людей к еще большему сплочению, большей заботе друг о друге. Мы осмотрели шлюпки, их можно и нужно починить. Работа поможет нам поднять людей и быстрее преодолеть болезни.

— Согласен с вами, Борис Александрович. — Лицо Демидова поروزовело, глаза потептели.

В этот же день у постели больного Демидова собрался весь экипаж.

Коллектив радостно встретил предложения парторганизации. О комсомольцах и говорить нечего. Моряки оживились, почувствовали свою силу. Теперь их уже не страшили трудности.

Евгений Бердан подошел к Бударину и признался в том, что это он вел ночной разговор о поездке на Борнео.

— Ничего. Главное, ты ошибку свою понял. Теперь работой докажешь, что ты не подумал и болтал чепуху, — оказал Бакирев.

Затем слово взял капитан Демидов. Он говорил о том, что командный состав сделает всё зависящее от него для того, чтобы поскорее выбраться с острова. Говорил он очень спокойно, будто не на острове в джунглях проходило это собрание экипажа, а в привычной всем обстановке. Александр Африканович вспомнил, как моряки выполняли задания в боевых операциях, как они спасли судно во время сильного шторма благодаря дружной работе и дисциплинированности команды.

— Это как раз то, что и сейчас нам необходимо, — закончил капитан.

В этот вечер люди уснули поздно. Каждый чувствовал, что в коллективе с сегодняшнего дня возникло нечто новое, большое. Закравшееся в душу уныние сменилось чувством уверенности в своих силах.

8. СБЛИЖЕНИЕ С МАЛАЙЦАМИ

Бударин поднялся, пригладил руками непокорные, отросшие волосы, снял китель, прикрыл им дрожащего Усаченко и направился к выходу. Все здоровые вслед за ним пошли на берег.

Душно, воздух горяч и влажен. В зарослях трещат только цикады, птицы — и те умолкли. От накаленных листьев, трав и плодов пахнет спелой дыней. Внизу на земле недвижно лежат короткие тени. Прохлады нет даже в самой гуще зарослей. А когда чуть дохнет ветерок, из мангровых зарослей сразу же потянет прогнившими болотными испарениями. Но люди бодры. Они знают, что делать.

На побережье по мокрым после отступившей воды отмелям разбрелись малайцы. Согнувшись, они собирают ракушки, мелкую рыбу, морскую капусту, водоросли, устриц и трепангов.

Моряки последовали примеру малайцев. Малайцы выпрямились и с удивлением стали смотреть на русских: никогда им еще не приходилось видеть, чтобы белые люди делали то же самое, что и они. Много лет тому назад, когда на остров пришла большая волна и вода поднялась до верхушек пальм*, у берегов Натуну разбился корабль белых. Люди с корабля отняли у малайцев пищу, а самих их выгнали из хижин, увели у них женщин... А русские живут тихо, никому не чинят зла. И сами пришли собирать себе пищу.

От группы малайцев отделился хорошо знакомый морякам Датук. Его одежда состояла лишь из набедренной повязки.

— Идите туда, где мы собираем, — пригласил он. — Одежду снимите, она от жары и пота преет, быстро пропадает, а ночью одежда нужна, она спасает от москитов и холода, — говорил он по-малайски.

Малайцы, весело улыбаясь, начали объяснять морякам, как и что следует им искать. Влажные отмели оживились говором и смехом. Малайцы усердно старались передать морякам нехитрые приемы своего промысла. Моряки выполняли их советы. Но часто кто-нибудь, завидя

* Между Суматрой и Явой, в Зондском проливе, находится вулкан Кракатау, долгое время считавшийся потухшим. В 1883 году вулкан разразился страшным извержением. Из кратера поднялся столб пепла в огня на высоту до двадцати километров, большая часть острова Кракатау взлетела на воздух. Море всколыхнулось, и огромные волны устремились на берега Суматры и Явы. Там они смыли и унесли в море множество поселков и несколько городов. Повидимому, жители острова Большая Натуну и имеют в виду катастрофические волны, дошедшие до Натуну после извержения вулкана. (Прим. автора).

толстую круглую водоросль, пытался сам распознать — съедобная она или нет. Бударин, сам того не желая, очень рассмешил малайцев, когда, показав им одну из найденных водорослей, опросил:

— Съедобно?

Малайцы громко рассмеялись. Кто-то из них подошел к Бударину и с брезгливой гримасой отбросил прочь его находку.

— Макан ти да багусь. Прут сакет*.

А потом малайцы начали показывать, какие водоросли съедобны, и все добродушно смеялись: взрослый белый человек, оказывается, не знает того, что знают даже маленькие дети.

Особенно понравился малайцам высокий кочегар Василий Макаренков. Весь голый, с набедренной повязкой из потрепанного полотенца, загорелый до черноты, обросший темной бородой, он ходил по берегу с пустой сумкой из-под противогАЗа и заостренной с одного конца бамбуковой палкой — острогой. Он то и дело что-то накалывал своей острогой, подымал палку, один миг смотрел на добычу и тут же левой рукой совал ее в сумку.

Нравился малайцам и кок Тимофей Захарович Олейников, который, в отличие от Макаренкова, был одет и почти не разгибался, собирая ракушки.

— Хорошо работают. Всё равно как наши люди, — говорили о них малайцы. — Эти не погибнут, как те белые, что оставили свои кости в джунглях.

Все с облегчением почувствовали, что недоверие малайцев к ним начало таять. Малайцы теперь относились к морякам более участливо и дружелюбно.

За несколько дней перед тем группа советских моряков, углубившись в чашу, наткнулась на скелеты людей. На обгорелом пне сохранились глубоко вырезанные латинские буквы «SPT» и ниже цифра — «188». Тут же валялись несколько почерневших морских пуговиц и обломок ножа, застрявший в позвонке скелета. Некоторые черепа были проломлены тупым оружием.

Датук объяснил, что это кости белых людей, много лет назад потерпевших кораблекрушение на рифах Большой Натуны. Матросы, оказавшись на острове, начали с того, что сожгли поселок и увели к себе женщин. Потом они поссорились между собой. Завязалась драка, в которой многих убили. В конце концов осталось в живых три человека. Однажды один из них, как видели малайцы, ударил своего товарища камнем по голове, и тот упал мертвый. Затем двое оставшихся бросились один на другого с ножами. Так они «и умерли все. «То были нехорошие белые люди, с черными сердцами», — закончил свой страшный рассказ малаец.

Вода начала наступать на отмели. Волны с шумом накатывались на коралловые рифы. Забрав корзины и связки водорослей, малайцы стали уходить.

Моряки тоже пошли, забрав свою добычу. К ним присоединилась группа островитян. Они что-то оживленно обсуждали, часто повторяя: «Россия», «Москва». По глазам и улыбкам людей было видно, что они очень довольны тем, что под Москвой всё обстоит хорошо и немцы отступают под ударами русских.

Когда моряки собрались в хижине, второй раз в этот день пришел Датук. Он принес большую корзину убикаю.

* Кушать нельзя. Живот будет болеть (малайск.).

Датук начал показывать, как следует готовить водоросли и ракушки, чтобы их можно было есть.

Бударин, уже освоивший несколько слов по-малайски, поблагодарил Датука на его родном языке:

— Три макаси*...

Эти два слова, произнесенные Будариним, произвели огромное впечатление на гостя:

— О, Руссья! Ленин! Сталин!

И тут же начался своеобразный урок малайского языка, заинтересовавший всех. Датуку показывали ракушку, лист, палочку или ветку и спрашивали:

— Как это по-малайски называется?

Датук объяснял, иногда в свою очередь переспрашивая моряков, желая узнать русское название предмета. Лицо Датука было задумчивым — ведь белые люди, которые прежде бывали на острове, нисколько не интересовались его родным языком, никогда не благодарили малайцев и не относились к ним, как к равным.

У старшего механика Погребного нашелся карандаш, и на коре, при свете очага, он начал записывать малайские слова и их значение. Очень хорошо запоминали слова Радченко, Бахирев, Андрианов.

Бударин попытался узнать у Датука, откуда им известно о разгроме немцев под Москвой.

Датук долго объяснял, показывая, даже пробежался по хижине, семеня ногами, подпрыгнул и вытянул руки в стороны на уровне плеч; он так живо всё изобразил, что стало понятно: малайцы узнали об этом от голландцев, прилетевших сюда на самолете.

— Раз на остров прилетают самолеты, это шанс за то, что и мы сможем этим путем отсюда выбраться, — сказал Бударин.

Все подумали, что на Родине их уже ищут и, конечно, найдут. Голландцы, вероятно, уже сообщили советскому правительству о потоплении «Перекопа» у берегов Натуну.

Бударин затянул песню, и его сразу поддержали несколько человек:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

В следующую минуту песню подхватили все моряки, даже больные, и она полилась далеко за пределы хижины.

.. Партизанские отряды
Занимали города.

Долго пели в этот вечер. После приамурской партизанской затянули украинскую степную:

Распрягайте, хлопцы, коней...

Закончили петь, когда уже рассвет занялся над островом, а пламя очага стало бледнеть...

В эти дни, как и думали моряки, действительно из Москвы посылались телеграммы во Владивосток, Японию, на остров Яву и в Сингапур. Даже Австралию запрашивали о пароходе «Перекоп».

Такие же запросы из Дальневосточного пароходства получили все суда, находившиеся в то время в Тихом океане. Но никто не видел паро-

* Спасибо (малайск.).

хода «Перекоп», никто не знал о судьбе его экипажа. Судно и его команда таинственно исчезли с того дня, как была получена радиограмма о налете японского самолета и обстреле им парохода. Это была последняя весточка с парохода «Перекоп».

9. В ДЖУНГЛЯХ НАТУНЫ

Отремонтировать бот и шлюпки оказалось не так-то просто: не было материалов, больные требовали ухода, отвлекая здоровых от других работ. Много времени уходило на добывание пищи. Питались плохо, и люди от этого слабели. Запасы пищи были теперь на исходе. Бударин всячески старался подбодрить людей и даже начал подготовку к встрече Нового года.

Бударин, Бахирев и Радченко решили заняться исследованием джунглей, чтобы узнать, можно ли там собрать хоть кое-что из съестного. Вооружившись параном*, который дали малайцы, они ушли из хижины рано утром. Пробирались узкой тропинкой, ведущей в глубь зарослей. По сторонам поднимались высокие саговые и кокосовые пальмы; свисающие с деревьев лианы создавали такие преграды, что морякам то и дело приходилось пригибаться до земли и переползать на коленях или же прорубать себе дорогу параном. После дождей, обильно шедших в последние дни декабря, ручьи разлились и затопили низины. В таких местах земля превращалась в озера и топи с торчащими из воды деревьями и кустарниками. Приходилось шагать по колено в воде, а то и по самую грудь. Впрочем, дальше места пошли суше. Изредка стали попадаться дикие яблони-кислицы.

Нашли несколько ананасов, росших среди сизых мясистых листьев. Кое-где желтели дикие лимоны. Вскоре путь опять преградили топи, поросшие мангровыми деревьями с их свисающими, как веревки, воздушными корнями. Пошли в обход, однако не так-то легко было обойти эти заросли — они тянулись на большое расстояние.

Населения на Большой Натуне было мало. Люди жили в четырех поселках, вокруг маленьких клочков раскорчеванной земли, на которых росли каучуковые деревья, ананасы, бананы, кофе. Почти весь урожай забирали голландцы, а для себя островитянам приходилось выращивать убикаю. В зарослях джунглей люди не жили, и моряки никого не встретили.

Бахирев пробовал мелкие кислые яблоки, кривился, а глаза у него были довольные.

— Радченко, попробуй яблочки... Кисленькие, как у нас в приморской тайге.

— Э, смотрите, бананы! — воскликнул Радченко.

Подошли Бударин и Бахирев и стали рассматривать невысокий ствол с отходящими от него листьями и изогнутое соплодие почти в метр длиною, висевшее над ними.

— Вот это находочка! — обрадовался Бахирев. — Деревцо!

— Это не деревья, а огромные многолетние травы, — поправил Бударин. — Бананы — старейшее культурное растение. Еще древние египтяне разводили их на плантациях.

Растений, на которых были плоды, насчитали более двух десятков. Сорвали одну банановую кисть, попробовали. Хотя плоды еще и не дозрели, но моряки нашли, что бананы — вполне подходящая пища. Сле-

* Паран — тесак (малайск.).

довало только хорошо запомнить место да выяснить — не является ли участок полузаброшенной плантацией кого-либо из местных жителей.

Чем дальше моряки углублялись в джунгли, тем чаще им приходилось рубить параном свисающие лозы лиан. Среди ветвей деревьев и пальм шелкали птицы, с резким криком перелетали цветные попугаи. Среди ветвей скользнула потрещенная людьми змея. Бахирев, шедший впереди, отпрянул назад. Вскоре он опять остановился, полный удивлений.

Впереди них по тропинке шли три обезьяны, держась за руки: отец и мать по сторонам, а посередине — детеныш. Шли обезьяны важно, спокойно, как на прогулке. Завидев людей, они остановились, крепко держа своего детеныша за руки. Глаза обезьян блестели, носы морщились, и они также с любопытством рассматривали моряков.

— Я пугну их, что они будут делать? — сказал Илья Бахирев.

— Да ну их, лучше не трогай.

— Ничего, убегут, — уверенно ответил Илья и шагнул к обезьянам. Обезьяны выжидающе остановились.

Бударин и Радченко окликнули Бахирева.

— Илья, не лезь, не шути, вернись.

Тут самая большая обезьяна, повидимому, самец, оставила самку и детеныша и со злым урчанием направилась навстречу Бахиреву.

Илья попятился назад. Обезьяны постояли еще немного, затем пошли дальше. Пройдут, остановятся, и опять идут, словно на *прогулке*, держа своего детеныша за тоненькие ручки. А детеныш, приседая, ковылял на коротких ножках и всё оглядывался на моряков со страхом и любопытством.

Чем дальше проникали они в джунгли, тем непроходимее становились заросли. Пришлось возвращаться.

На обратном пути подошли к небольшому ручью. Собрались было перейти по лежащему поперек ручейка бревну, но оно вдруг зашевелилось. Оказалось это бревно довольно крупным крокодилем. Все с испугом отпрянули.

В одном месте Илья Бахирев заметил срезанные кем-то соплодия бананов, подвешенные в тени. Попробовав плоды, он догадался, что таким образом бананы быстрее созревают. Вернувшись на участок, где были найдены растения бананов, моряки тоже срезали и подвесили несколько банановых гроздей.

Бананы явились потом большим подспорьем в питании команды, оставалось только пожалеть, что мало их было найдено.

Бахирев набрал полную сумку диких яблок-кислиц. С морского берега люди вернулись тоже с добычей. Всё собранное в этот день вручили Тимофею Захаровичу Олейникову, чтобы тот приготовил праздничный новогодний обед.

Вечером, когда все собрались в хижине, Бударин, посоветовавшись предварительно с капитаном, рассказал о результатах их первой вылазки в джунгли.

— Мы не знаем, как долго нам придется здесь жить. Во всяком случае, немедленной помощи ждать не приходится. На десяти килограммах убикаю, что дают нам иногда малайцы, не проживешь. Да и нельзя быть иждивенцами людей, которые сами живут впроголодь. Коллектив у нас не маленький. Всем, кто может, надо с завтрашнего дня выходить на работу. Если больные будут лучше питаться, они скорее выздоровеют. В джунглях есть яблоки, бананы. Датук говорит, что тут много кокосовых пальм. Нам нужно научиться ловить рыбу, сплести сети. Малайцы

делают из листьев пальм шпагат и плетут из него сети, можно и нам попробовать. Как вы думаете?

— Всё это правильно, но надо скорее выбраться отсюда. В такой сырости долго не проживешь, — возразил Женя Бердан.

— Мы посоветовались с Александром Африкановичем, — продолжал Бударин, — и считаем, что следует попытаться перейти на Борнео. Для этого надо починить бот и обе шлюпки. С Борнео легче сообщить о себе нашему советскому правительству. Может быть, удастся с попутным судном выехать на материк. Мы просили офицера Петера Энгерса, чтобы голландские власти передали о нас нашему правительству, но пока ничего неизвестно. Голландцы говорят, что их радиостанцию на острове разбомбили японцы.

Послышались голоса:

— Сами починим шлюпки и уйдем отсюда!

— Правильно, товарищи. Нам надо самим позаботиться о себе, чтобы скорее попасть на Родину и там помогать громить фашистов.

Погребной предложил соорудить на скале, возле которой они высадились на остров, памятник «Перекопу» и погибшим при бомбежке членам его экипажа.

— Правильно и это, — согласился Бударин. — Только сейчас у нас много тяжело больных. Да и живем мы впроголодь. Поэтому сооружением памятника займемся позднее. Сейчас же надо отремонтировать бот и шлюпки.

Так в беседе незаметно прошло время. Бударин подбросил в очаг несколько, сухих веток, посмотрел на часы и поднялся.

— Дорогие товарищи, — взволнованно сказал он. — Сейчас двадцать четыре часа без одной минуты. Разрешите поздравить всех с новым, 1942 годом! Пусть он и для Родины нашей, и для наших семей будет более счастливым. С Новым годом, товарищи! За скорейшее возвращение на Родину!

Кок Тимофей Захарович предложил всем выпить по кружке компота и тут же роздал каждому скорлупки кокосовых орехов, заменившие кружки.

Чулынин и Макаренков, пошептавшись, вышли, и вскоре принесли молоденькую пальму и пучок орхидей. Пальму они установили возле очага и украсили ее орхидеями.

— Пусть она нам елку заменит, — сказал Макаренков. — Без елки в такой день нельзя.

Все заулыбались. А Тимофей Захарович совсем расщедрился и выдал каждому по две ложки сахара.

— Сберег для этого дня, попейте хоть чайку сладкого. Эх, были бы мы на судне, я бы вас не так угостил.

— Да что вы, Тимофей Захарович! Это куда дороже любого угощения на судне...

На следующий день с утра хижина опустела. Люди разбрелись кто в джунгли, кто на берег моря. Остались на месте только тяжело раненные да Евдокия Васильевна, присматривавшая за ними. Из джунглей вскоре послышались голоса, окрики, и русское «ау» громко зазвучало в зарослях бамбука. Затем и голоса стихли.

Зато вечером в хижине было весело. Даже те, кто было приуныл, оживились. Все показывали свою добычу. Дуся принесла букет ярких цветов и поставила их на освещенном месте. Каменотесы, выделенные для строительства памятника, тоже сегодня начали подготовительные работы на скале. Они обсуждали с капитаном Демидовым и старпомом

Байдаковым эмблему для памятника. Долго пели родные русские песни.

Дружен и сплочен был этот маленький коллектив советских людей, оказавшихся в столь тяжелых и непривычных условиях.

10. САМОЛЕТ

Январь не привнес улучшения погоды. Всё так же над островом проносились циклоны. И почти непрерывно шли тропические дожди; с темного неба низвергались потоки воды.

Моряки шутили: «Живем на дне моря, ходим под водой...»

По утрам, если не было ливня, небо было безоблачным. Джунгли дышали свежестью, бутоны цветов быстро раскрывались. К полудню жара усиливалась, постепенно умолкали голоса птиц. Листья, еще утром свежие и сочные, увядали от жары.

После полудня над морем показывался белый туман, собирались облака, которые начинали темнеть и чернеть. Мощный порыв ветра проносился над островом, раскачивал вершины пальм, сверкала белая молния, ударял гром, и снова разражался стремительный ливень.

Моряки бежали в хижину, к очагу. Радовались, что крыша, искусно выложенная из листьев пальм и травы, не пропускает воды.

Евдокия Васильевна очень беспокоилась за состояние Андрианова и Анны Николаевны. У обоих раны угрожали перейти в состояние гангрены. Не было ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Давно уже Евдокия Васильевна израсходовала на бинты даже свою сорочку. Единственным средством для облегчения страданий раненых были морская вода и листья растения, похожего на алоэ.

К Евдокии Васильевне обращались за помощью и малайцы. Как-то после очередного обстрела острова японскими самолетами за нею прибежал Датук и позвал в поселок Ранай. Вернувшись, Евдокия Васильевна рассказывала морякам:

— Перевязывала раненого малайца. Очень тяжело смотреть на убитых детей. Такие они маленькие, беспомощные... Женщины плачут...

И Евдокия Васильевна сама заплакала.

В конце января над островом низко пронесся самолет. Он не бомбил поселок и не обстреливал его жителей. Моряки успели заметить, что у самолета были другие, не японские опознавательные знаки.

Самолет скрылся за высокими пальмами, и гул мотора затих. Прошло более полчаса, и в хижину пришли Петер Энгерс и староста острова Амир.

— На острове сделал вынужденную посадку наш голландский бомбардировщик, — сообщил Петер Энгерс. — Командир самолета соглашается забрать двух человек из русского экипажа — капитана и еще одного офицера.

Капитан Демидов, похудевший после болезни и еще не твердо державшийся на ногах, ушел вместе с Будариным для переговоров с командиром самолета.

Командир самолета согласился взять с собой трех больных. Он обещал довести до сведения голландского командования о тяжелом положении русских. Летчик только головой покачал, когда узнал, что из тридцати двух моряков, оставшихся в живых, двадцать четыре человека еще не оправались от ранений, ожогов, а многие к тому же заболели

малярией. А лекарств нет. Он сказал, что не имеет никаких медикаментов, кроме одного бинта.

— Я уверен, что мы в ближайшие дни вывезем всех русских моряков на Борнео.

— В какой город вы намереваетесь отправить наших больных? — спросил капитан.

— Это является военной тайной... — ответил летчик.

Затем он стал рассказывать о героической обороне Ленинграда, о том, что налажена доставка продовольствия в осажденный город и ленинградцы начали получать увеличенные вдвое пайки хлеба.

Бударин заметил, как взволновал капитана Демидова рассказ голландского летчика. Семья Александра Африкановича осталась в Ленинграде. Заметил волнение Демидова и командир самолета.

— У капитана семья в Ленинграде, он там жил до войны? — спросил он.

Демидов подтвердил это.

Голландский летчик некоторое время молча смотрел на русских моряков, затем тихо сказал:

— Я возьму вас, капитан, и еще трех людей... На рассвете вылет.

Демидов поблагодарил командира самолета.

— Я останусь с командой, — твердо заявил он. — Возьмите тяжело больных. И прошу вас, сообщите через ваши власти советскому правительству о нас.

Командир самолета пообещал сделать это.

Попросив у летчика блокнот и ручку, Демидов написал радиogramму в адрес Дальневосточного пароходства о потоплении «Перекопа» и о судьбе его команды.

В ночь перед отлетом самолета весь экипаж не спал. Все сидели около раненых. Угощали их свежими кокосовыми орехами и бананами. У всех было приподнятое настроение, у каждого теплилась надежда, что теперь все они будут вывезены с Натуну.

Уже под утро Бударин говорил Андрианову:

— Иван Степанович, вы — командир и комсомолец, берегите людей. Держитесь все вместе и не теряйте связи друг с другом. Обязательно сообщите на Родину о гибели парохода. Во Владивосток пошлите радиogramму. Пусть семьям сообщат...

Еще до восхода солнца весь экипаж был на берегу реки, где стоял самолет. Здесь простились с отбывающими.

В самолет посадили третьего помощника Ивана Андрианова, матроса Николая Усаченко, машиниста Анатолия Михневича; буфетчицу Анну Николаевну Рахманову внесли на носилках.

Взрели моторы, и самолет взлетел. Описав круг над островом, он взял курс на восток, к острову Борнео.

11 ПОДГОТОВКА ШЛЮПОК К УХОДУ С ОСТРОВА

Матросы и кочегары вытаскивали шлюпки из лагуны на берег. Капитан Демидов, попрежнему хворавший тропической лихорадкой, тоже был здесь вместе со всеми.

Шлюпки были сильно изрешечены пулями и осколками. А весь инструмент, которым располагала команда, — один паран, случайно сохранившийся топорик, два молотка и зубило. С этим много не наработаешь.

Но Бударин был другого мнения. Он работал сосредоточенно, ве-

село, и всех заражал своей энергией. Бударин умел и любил посмеяться сам и других рассмешить. С шуткой и работа спорилась. Появилась уверенность, что бот и шлюпки будут обязательно починены. А тогда можно уплыть на Борнео.

— А в этой шлюпке, смотрите, шпангоуты целехонькие, ни одного пуля не пробила, — сказал Марк Друг.

Вытащив шлюпку, моряки сели покурить. На песке четко вырисовывалась тень листьев пальмы. Илья Бахирев растянулся в тени и уткнулся подбородком в горячий песок. Лицо его заметно похудело, вытянулось, нос заострился. Взгляд стал рассеянным. А мысли унеслись далеко от острова. Бахирев вспоминал погибшего боцмана Соколова, думал о товарищах, вывезенных отсюда на самолете: лечат ли их там или нет, что с ними?

— Вот вы всех подбадриваете, Борис Александрович, — обратился он к Бударину. — А всё-таки положение наше неважное. Скоро будет три месяца, как я в последний раз ел хлеб... Питаемся дикой травой да моллюсками. Я согласен с вами, это еще не беда. Но вот дома не знают о нашей судьбе. Верно, уж нас там похоронили, время военное. Там война... А мы здесь бесполезно сидим... Что у нас за коллектив? Госпиталь без лекарства.

— Не век мы здесь сидеть будем, пойми... Вот отремонтируем шлюпки, тогда все вместе перейдем на остров Борнео. Все вместе — понял? Нельзя нам разделяться на группки, оставлять здесь больных. Ни в коем случае этого нельзя допустить. Пойдем на шлюпках от острова к острову.

— Борис Александрович, а какие еще есть здесь острова? — спросил Бахирев.

— Южнее и восточнее от нас — Борнео, Ява, дальше Новая Гвинея. Затем Австралия. А к западу от нас — Суматра и полуостров Малакка. Но ближе всех к нам Борнео. На пути к нему встретится много мелких островов. Этой дорогой в древности переселялись многие народы из Азии на острова Тихого океана. И нам она пригодится.

Бударин поднял с песка ветку, выброшенную морем, долго вертел ее, рассматривал. Ветка высохла на солнце, и соль сплошным белым налетом отложилась на ней.

— А ведь малайцы получают соль с Борнео, она здесь очень дорого стоит. Хотя ее можно вываривать на месте из морской воды, — заметил да и положил ветку на песок. — Наши люди тоже болеют из-за отсутствия соли. Придется, пожалуй, заняться и этим делом. На лад пойдет, так и малайцев научим, избавим их от необходимости покупать соль втридорога у голландских купчиков.

Отдохнув, опять начали тащить шлюпку.

— Взяли! Еще раз, взяли!

Шуршит песок, хрустят ракушки под тяжелой шлюпкой. Приятно, что и вторая шлюпка подвигается на берег.

Бахирев подобрал три банки из разбитой шлюпки.

— Вот и жечь для жаровен. Можно соль варить, — сказал он. — Смотри, и завод будет свой.

— Товарищи, всё надо собирать: пробку, кусочки смолы, доски, водоросли, кончики манильских тросов, паклю, — обратился к морякам капитан Демидов. — Здесь складов снабжения нет. Материал для ремонта шлюпок самим придется добывать, по крохам. Весь берег надо обойти, все бухточки осмотреть...

Птицы порхали низко над землей, скрывались в зарослях. Внезапно налетел ветер. Упали первые капли дождя. В следующую минуту ливень

обрушился с такой силой, что казалось, будто это вода из моря хлынула на землю. Стало темно и душно. Моряки спрятались под опрокинутой вверх килем шлюпкой.

Говорили о войне, о доме, о родных. Вспомнилось мирное время. Не было лучше жизни, чем та, которой они жили у себя на Советской Родине. Здесь, на далекой чужбине, это чувствовалось особенно остро. Светлыми и праздничными казались самые обычные факты советской действительности. У каждого была работа, каждого замечали и ценили по его труду. Они получали путевки в дома отдыха, на курорты, жили дружно и весело, помогая один другому. Даже казалось странным, как это можно жить и работать людям в одиночку...

Дождь так же внезапно прекратился, как и начался. Земля я мокрая листва деревьев быстро высохали. Больше всего были приспособлены к тропическим ливням пальмовые листья — вайи, вода с них сразу же скатывалась. Воздух опять стал неподвижным.

Все были очень удивлены, когда с пальмы упал кокосовый орех. Кто-то заметил, что по стволу дерева ловко взбирался краб. Оказывается, это и был пальмовый вор. Здесь же недалеко нашли нору, а возле нее — другого такого же краба — короткого, с мощными клещами, которыми он легко пробивает скорлупу ореха и затем выедает всю сердцевину.

— Товарищи, осторожнее, — предупредил Погребной. — Этот разбойник может своими клещами отрезать палец.

Над морем стояло такое чистое, прозрачное небо, словно пронесшегося ливня совсем и не было.

12. МОРЯКИ ДОБЫВАЮТ СОЛЬ

После прошедшего накануне дождя было прохладно. Омытые деревья, земля дышали свежестью. Над вершинами острова растянулось розовое облачко.

Раннее утро. Блестят на берегу мокрые камни, сверкает на поверхности моря мелкая рябь, словно там кто-то разбросал кусочки битого стекла.

Бахирев и секретарь комсомольской организации Андрей Бакалов ходили по отмели и собирали плавник. Подошли Василий Макаренков и Женя Бердан и стали им помогать. Вскоре на берегу выросла куча заготовленных дров. Илья разрубил пополам пробитые пулями воздушные шлюпочные банки, загнул их края и сделал жаровни-поддоны. Андрей Бакалов и Василий Макаренков тем временем выкопали в земле печи с отверстиями для поддонов. Бахирев установил поддон на место, налил в него морской воды и развел внизу огонь. Потянулся белый дымок. Когда же пламя поднялось и лизнуло цинковое дно жаровни, дым исчез. Огня почти не было видно в ярких лучах наступившего солнечного дня.

Соорудив еще несколько таких печей, Андрей Бакалов, Василий Макаренков и Женя Бердан пошли к дальней лагуне, отгороженной от моря коралловым рифом. Здесь они искупались, не опасаясь акул, острые плавники которых часто показывались в море близ острова.

Выстирав одежду, они сели у берега и стали с интересом наблюдать жизнь в воде. Под толщею воды медленно ползали по дну брюхоногие моллюски в раковинах, напоминающих то блюдечко, то таежную улитку, то спирально извитое веретено. Были видны морские звезды всех цветов и расцветок. Рядом с ними медленно ползали морские ежи. над ними

вдруг проплывала голубая рыбка. Целые потоки креветок сновали в воде, их трудно было заметить, если бы не темные крапинки на спинах. Креветки проносились куда-то, чуть шевеля длинными усами. Они стремительно исчезали, а через секунду снова появлялись и начинали свой танец в зеленовато-голубом полумраке водной толщи. Внезапно как метеор пронеслась, вспугнув обитателей морского дна, многоцветная рыба — морской петух.

Андрей и Женя размечтались об учебе, об исследовании жизни в морях, о спуске на огромные глубины в батисфере. Скорей бы домой, помочь быстрее окончить войну — и учиться.

Пока они сидели и мечтали, Бахирев установил шесть поддонов. Вода вскоре вскипела, запенилась. Запрыгали на поверхности белые пузырьки. Над поддонами Илья положил ветви, чтобы выносимые паром крупины соли могли осаждаться на них.

Медленно тянется день, медленно выпаривается вода из поддонов. «А может, ничего и не получится?» — думает Илья. Но вот в двух поддонах испарилась вся вода. Днища и бока были облеплены пузырьчатой соляной коркой. Илья высыпал на доску порошкообразный белый осадок. Нетерпеливо взял пальцами щепотку горячего порошка и попробовал на вкус. Ощущение настоящей соли было во рту, правда, она была чуть горьковатой.

Илья оглянулся. Рядом ни души. А ему так хотелось поделиться с кем-либо своей радостью. Соль здесь, на острове Натуна! Ее начали добывать советские моряки. Бахиреву казалось, что выварены не граммы, а целые пуды соли.

Андрей Бакалов, Женя Бердан и Василий Макаренков куда-то ушли. Илья достал клубень испекшегося в огне убикаю, щедро посолил его и съел с таким аппетитом, какого не ощущал за последние месяцы жизни на острове.

Вскоре и в других поддонах вода испарилась. Илья высыпал соль в общую кучку. К вечеру он собрал около килограмма соли, залил огонь и ушел в хижину.

Ужин прошел шумно. На цыновке, вокруг которой разместились моряки, стоял полный мешочек соли. Все солили пищу и похваливали Илью. Дуся и Евдокия Васильевна на листочках подали соль больным, и у тех засветились глаза.

— А ведь дома мы не замечаем соли, хотя она стоит ежедневно на столе, — сказал Бударин. — Так всегда: живем и не замечаем того, что прочно вошло в жизнь, стало обычным.

— Теперь столько наварим соли, что девать ее некуда будет, — сказал Илья. — Малайцев научим добывать соль. Пусть голландцы побесятся. Только и думают, как бы поживиться за счет малайцев.

Солевары были героями дня. Капитан Демидов от имени коллектива объявил им благодарность, особо отметив настойчивость Бахирева. Бударин крепко пожал руку Илье и ничего не сказал. Но тот понял, что Бударин рад его успеху. А ведь это он, Бударин, подал мысль: варить соль. И всегда он такой. Людей поднимет, поддержит хорошее начинание, а сам держится в тени.

Бахирев молчал, а счастливая улыбка не сходила с его лица. Очень захотелось ему показать Бударину и другим коммунистам, что он, Илья Бахирев, и впредь не подведет коллектив, что они могут надеяться на него.

...Еще звезды сверкали на небе, а Илья уже разжег огонь под жаровнями. Ему помогали Радченко, Бакалов, Макаренков и Бердан.

Из джунглей тянуло теплыми испарениями. Черная вода плескалась у светлых коралловых рифов. Остро пахло водорослями, морем, смолой и солью. Откуда-то доносился запах обкуриваемого каучука.

Сегодня Илья решил выварить соли в два раза больше. Пока выпаривалась вода и Радченко подбрасывал в огонь плавник, он обошел побережье, нашел еще банку и сделал из нее поддоны.

— Вот еще две жаровни есть. Значит, солеварно расширяем...

Малаец Датук был очень удивлен, когда утром получил от русских, взамен принесенного убикаю скорлупу кокосового ореха, доверху наполненную солью. Датук отсыпал себе граммов пятьдесят соли и что-то быстро заговорил.

Все поняли, что, по мнению малайца, ему предложена слишком дорогая и щедрая плата. Датук не хочет обманывать русских. За соль, которую ему дали, надо отдать очень много убикаю.

— О! У русских много соли! — заверил его по-малайски Бударин. — Илья делает соль у берега моря. — И он настоял, чтобы Датук взял весь мешочек соли.

Моряки уже научились объясняться с малайцами на их языке.

Датук пришел на берег моря, сел и долго молча смотрел на Илью Бахирева. Он никак не мог понять, из чего тут варят соль. И каково было его удивление, когда Илья зачерпнул морской воды и налил её в поддон.

Датук опросил:

— Что он сыплет в воду? Какие слова говорит?

На следующий день Датук опять неподвижно сидел возле Бахирева — молчаливый, даже немного испуганный. Илья дал ему половинку скорлупы ореха, чтобы Датук сам зачерпнул ею воды из моря, затем подвел малайца к печке и показал, что надо вылить воду в поддон.

Когда вода испарилась и соль подсохла, Датук, не веря своим глазам, бережно взял щепотку соли и поднес к губам. Лизнув пальцы, он ощутил горьковато-соленый вкус. И тут Илья увидел, что у старого Датука на глазах заблестели слезы.

— Когда русские уедут домой, Датук будет уметь делать соль, — сказал малаец.

— Датук сегодня будет уметь делать соль, — ответил ему Илья Бахирев.

Датук отрицательно помотал головой. Илья сказал, что русский моряк даст ему свои поддоны, а когда уедет домой, оставит всё ему, Датуку.

— Петер Энгерс, голландцы не разрешат, — заявил Датук.

Илья засмеялся и сказал:

— А вы у них разрешения не спрашивайте...

13. ДАТУК ПРИГЛАШАЕТ В ГОСТИ

Илья Бахирев шел через поселок. Шел и думал: «Вот и март на исходе, а ничего не изменилось. Почти четыре месяца прожили мы на острове. А знают ли дома о том, что мы живы? Нет, наверное не знают...» И тоска закрадывалась в сердце.

Его размышления прервал голос Датука:

— Россия, Илья, делий май рума*.

Илья улыбнулся и повернул к хижине, возле которой стояли деревянные идолы. Завязался разговор. Датук пригласил кочегара в хижину, угостил его, стал сочувственно расспрашивать о положении моряков.

Илья многого не понимал из того, что быстро и весело говорил ему на своем языке малаец. Улавливал он лишь слова: Россия, Илья, Датук, соль... Наконец Датук взял Илью за руку и повел его в другую половину хижины. Здесь не было никакой обстановки. В углу лежала куча собранных кокосовых орехов.

Датук взял орех, извлек из него сердцевину и начал тереть ее на терке. Затем то же самое он проделал еще с десятком орехов. Полученную массу он переложил в посудину, налил туда воды и отжал размокшую кашу. Получилось что-то похожее на молоко.

— Когда солнце пойдет к вечеру, заходи, россия Илья, к малаю Датук, — пригласил Бахирева хозяин хижины и несколько раз показал на свою грудь, хижину и посудину с кокосовым молоком.

Это был первый случай, когда моряков приглашали в дом к малайцу. Бударин посоветовал Илье обязательно сходить к Датуку.

— Ты его учил соль добывать, вот он и хочет тебя отблагодарить.

Датук радостно встретил Илью и повел в хижину, где в глиняных горшках стояло кокосовое молоко. На нем загустели сливки, как на настоящем молоке. Датук собрал сливки со всех горшков, перелил их в жаровню и поставил ее на огонь. Через час он подал Бахиреву скорлупу ореха, полную кокосового масла. В это время пришел сосед, чтобы забрать жаровню и большой горшок. Датук объяснил Илье, что на два поселка имеется одна жаровня и горшок, и поэтому они переходят от одной семьи к другой по очереди.

— Мы и вас, русских, включили в очередь, — добавил Датук.

Он сказал, что скоро малайцы пойдут в лес на сбор кокосовых орехов, и тогда они позовут с собой русских.

На листьях дерева залилась песней маленькая пестрая птичка нектарница**. Она была так мала, что по сравнению с нею бабочка казалась гигантом. Вдруг птичка испуганно чирикнула и замолкла. Подняв глаза, Бахирев заметил змею, которая по стволу дерева подбиралась к гнезду нектарницы. Бахирев схватил камень и запустил его вверх. Змея упала на землю. Илья побежал к стволу дерева, но его опередил Датук и палкой добил змею.

Наступила тишина. Затем нектарница опять уселась на листья дерева и залилась песней.

14. СБОР КОКОСОВЫХ ОРЕХОВ

Однажды вечером к морякам зашел Датук и сказал, что утром малайцы пойдут за орехами и зовут русских с собой.

Рано утром Бударин, Погребной, Бахирев, Чульнин, Бердан и Зверев пришли в поселок. Малайцы, увидев моряков, немедленно двинулись по тропинке в глубь джунглей.

Хотя в лесу было темно, — шли быстро, не останавливаясь. Но вот на востоке разгорелась заря, охватив половину неба. Солнечные лучи

* Русский, заходи в мой дом (*малайск.*)

** Нектарницы — пестрые, ярко окрашенные, очень маленькие птицы. Их называют «летающие цветы».

скользнули по стволам деревьев. Всё ожило, засветилось; защелкали птицы, послышались крики обезьян.

Солнце уже было в зените, когда моряки подошли к большим рощам кокосовых пальм. Они стояли прямые, стройные. Стволы их, почти совершенно гладкие, лишенные ветвей, достигали двадцати метров высоты. Каждое дерево было увенчано кроной громадных перистых листьев. Гроздь кокосовых орехов величиной с детскую головку висели на вершине под самыми листьями.

Датук показал морякам, как построить из пальмовых листьев шалаш; большие листы он укладывал кончиками вниз, чтобы по ним стекала вода.

— А что, разве долго здесь будем жить? — спросил Бахирев.

— Долго, — Датук заулыбался. — Будем собирать орехи, много орехов, кушать и спать здесь будем.

Зверев подошел к речке и зачерпнул пригоршней воду, собираясь напиться. Но Датук схватил его за руку и сказал:

— Воду нельзя пить: будешь болеть, — и показал на кокосовые орехи.

— Высоко-о... — ответил Зверев и покачал головой.

Датук усмехнулся, взял веревку, сунул за пояс паран и через несколько минут был наверху, под кроной. Послышались удары парана, и на землю упало несколько десятков орехов. Все с восхищением смотрели на Датуга.

— Акробат да и только! — воскликнул Погребной.

Спустившись вниз, Датук параном разрубил оболочку самого зеленого ореха и подал его Звереву. Моряк с удовольствием выпил прохладное кисло-сладкое молоко и действительно утолил жажду. Затем Датук отобрал несколько орехов, у которых кожура была коричневого цвета, показал на волосы Бахирева и сказал:

— Такие орехи кушать нехорошо. Их надо таскать домой, там делать масло. — Потом он забеспокоился, подошел к Бахиреву и извинился: — Я обижать не хотел, его голова хорошая.

Вечером жгли костры. Малайцы подбрасывали в них зеленые ветви, траву, чтобы было больше дыму, который охранял людей от надоедливых комаров.

Утром моряки проснулись рано, но малайцы уже были на ногах. Датук и еще несколько малайцев подошли к шалашу русских и подали Погребному веревки, два парана и лепешки. Показав на ближние пальмы, они сказали:

— Пусть русские здесь собирают орехи.

Малайцы отвели морякам один из лучших участков.

После завтрака молодые моряки полезли на деревья, а остальные собирали орехи и сносили к шалашу.

Так прошло несколько дней. Куча собранных моряками орехов быстро росла. Малайцы радовались хорошему сбору. Лишь у одного старика кучка орехов почти не росла. Посоветовавшись, моряки решили послать Бахирева на помощь старику. Однако малаец долго отказывался от его помощи. И только после разъяснений Погребного, что так решили все советские люди, разстроженный старик сдался. Он рассказал Илье, что его сына голландцы увезли на другой остров добывать олово и он умер на чужбине.

Казалось бы, ничего особенного не было в поступке моряков, но на всех малайцев он произвел огромное впечатление.

С каждым днем росло доверие малайцев к советским морякам. По

утрам они приносили им саговые лепешки, а вечером приходили послушать рассказы о Советском Союзе.

Когда малайцы узнали, что старший механик Погребной и Бахирев видели Иосифа Виссарионовича Сталина, а Погребной встречал Владимира Ильича Ленина, кто-то воскликнул:

— О, вы верно большими людьми были у себя дома!

— Нет. Мы простые моряки. Были в Москве на празднике.

Малайцы часто спрашивали о России и чуть не каждый вечер просили рассказать о Ленине и Сталине.

И старший механик Погребной рассказывал им, как он в октябрьские дни был на дежурстве в Смольном и разговаривал с Владимиром Ильичом.

Закончив сбор орехов, моряки собирались заняться доставкой их к хижине. Пришел Датук. Показал на реку.

— Пускай она несет орехи.

Он велел собрать побольше пальмовых листьев, замочил их в воде, а затем свил из них длинный и прочный канат. Свернутый в огромную петлю канат спустили на воду. Датук начал связывать орехи по два и подвешивать их на канат, благодаря чему он приобрел хорошую пловучесть. Затем малаец взял несколько орехов и бросил их в образовавшийся круг. Моряки поняли его и быстро забросали всё пространство внутри круга орехами. Получился своеобразный плот из кокосовых орехов.

Набросав поверх орехов связанные пучки из пальмовых листьев, моряки смогли даже стать на этот импровизированный плот — он легко выдерживал тяжесть человека.

Бахирев вооружился длинным бамбуковым шестом и стал на плот. В путь двинулись вместе с малайскими плотами. Река круто поворачивала то в одну, то в другую сторону. По ее берегам росли пальмы, с них свешивались лианы. Вот показалась светлозеленая роща бамбука, стоящего высокой стеной, проплыли мангровые заросли, дохнуло болотистыми испарениями.

На одном из участков река разлилась, образуя обширное озеро. Оно было покрыто огромными лотосами. Зеленые листья достигали в ширину сантиметров шестидесяти. Над ними высились крупные белоснежные цветы. Тонкий нежный аромат струился в воздухе. На воде плавали спавшие лепестки цветов.

— Смотрите, лотосы! Как у нас на озере Ханка, — крикнул Илья морякам, пробравшимся вдоль берега по еле заметной тропинке.

Поздно вечером плоты прибыли к берегу моря, недалеко от поселка. К полуночи при свете факелов и костров орехи выгрузили на берег, а затем перетаскали к хижинам.

15. ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ

Судовая привычка вставать рано сказывалась в быту моряков и здесь, на острове. После подъема и умывания начинался трудовой день. По распоряжению старшего помощника Ивана Васильевича Байдакова, одна группа занялась сортировкой и укладкой кокосовых орехов, другая ушла промыслять на отмели. Василий Макаренко занимался выпариванием соли. Бударин и Бахирев отыскивали на берегу несколько консервных банок и смастерили из них терки. Труднее было с посудой. Но Бударин и тут нашел выход: из шлюпочных досок он сбил довольно вместительное корыто. Можно было приступить к изготовлению коко-

сового масла по способу, показанному Илье малайцем Датукон. После полудня принялись за работу.

Одни шелушили орехи, другие протирали на терках их сердцевину. Илья Бахирев налил корыто водой, оно было сделано добротнo и не протекало.

— Ничего не скажешь, Борис Александрович, работа отличная, — похвалил Бахирев мастерство первого помощника. — Александр Африканович, переведите его в судовые плотники.

— А вас тогда, Илья, — сказал Погребной, — в боцманы. Тоже мастер на все руки... Соль варил, теперь маслоделом решил стать. И Датукон обучил. Вот голландские купцы будут удивлены, когда соль у них не станут покупать. У малайцев своя будет. Станут еще кричать, что русские соль завозят в их колонии.

— Война закончится, может и колоний не станет, — сказала Дуся.

— Смотри, так и откажутся они от колоний. Добренских капиталистов на свете нет, — возразил Андрей Бакалов.

Как ни рано вставали моряки, но Бахирев поднялся раньше всех.

— Что, Илья, получится что-нибудь из кокосовых выжимок? — спросил один из матросов.

— Получится, — уверенно ответил Бахирев. — У нас всё правильно идет.

Моряки, собравшись возле корыта, пробовали отстаивавшиеся сливки из кокосового молока.

— Ну, хватит вам! Хватит! — недовольно заметил Бахирев.

— Ничего. Не будь скрягой...

— Не скряга, а хозяин, — ответил Илья. — Люди нам жаровню не надолго дали... Жаровня на весь остров одна.

Огонь весело лизал снизу жаровню. В этот день наполнили кокосовым маслом восемь скорлуп -и одну бутылку. Убикаю теперь ели с солью и маслом. Давно уже не было такого вкусного обеда. Моряки ели и похваливали.

Бударин вслух рассуждал:

— Надо, пожалуй, раскорчевать участок земли и самим посадить убикаю. Да еще кофе и кукурузу.

— И участок для этого есть подходящий, — добавил капитан Демидов. — Знаете, где заброшенная плантация...

— Неужели мы здесь век собираемся жить?

— Век не век, а живем. Посмотрите, какие клочки земли у малайцев, а они собирают урожай. У нас работников на целый колхоз наберется. Если сами не дождемся урожая, малайцы соберут, — поддержал старшего помощника Погребной. — Помните рассказ о мальчике и старике: «Дедушка, что ты копаешь?» — спрашивает мальчик. «Ямки копаю, яблоневый сад посажу», — отвечает старик. «Дедушка, ты вон какой старый, яблоки не скоро уродятся, умереть можешь к тому времени». — «Ну что ж, внучек, — отвечает старик, — не я, так другие люди яблоки покушают, меня добрым словом помянут, спасибо скажут. Да и тебе, внучек, яблоки достанутся».

На другой день Демидов и Бударин сходили к старосте острова Амиру и попросили указать им участок земли, который можно было бы раскорчевать под огород. Через несколько дней моряки приступили к работе.

Работа по раскорчевке участка оказалась тяжелой и заняла много времени. Не было инструмента — ни кирок, ни лопат. Обходились параном, пилой, топориком и колыями.

Бахирев попросил перевести и его на работу по раскорчевке. Капи-

тан Демидов разрешил. Приготовлением масла из кокосовых орехов занялся не совсем еще выздоровевший кочегар Владимир Зинчук.

День за днем люди выходили на отведенный им участок. Одни рубили лианы, выкорчевывали корни, другие собирали мелкие ветви, кусты и сжигали их. Землю перекопали, перебрали ее руками, размяли пальцами каждый комок. Почва была тяжелая, глинистая. Перегной на участок носили из джунглей, осадочный ил — с реки. На обработанном клочке земли посадили убикаю.

16. ВАХТА НА СКАЛЕ

Опять начались дожди. Серая, непроглядная муть. Налетал шквал за шквалом. Ветер, вода... Маленькие лужи превратились в озера желто-кофейного цвета. Ветер раскачивал и гнул огромные стволы пальм. Сорванные с верхушек орехи глубоко врезались в мокрую землю. Горе тому, кто попадал под такую бомбежку. Ветер буквально сбивал людей с ног, срывал с хижин крыши; приходилось в ливень чинить и укреплять их. Люди в такие часы держались поближе к очагу. За огнем заботливо следили, чтобы он не погас.

Но едва ливень затихал, как люди поднимались и шли вываривать соль, собирать сорванные бурей кокосовые орехи, чинить шлюпки, выбивать надписи на скале. С дозорной скалы, вдававшейся в море, пристально следили за горизонтом: не появится ли там дымок судна или парус. Но горизонт был чист.

Часто на эту скалу прибегала Дуся. Она быстро взбиралась сюда и спрашивала вахтенных, не видно ли чего в море. Получив отрицательный ответ, она тоскливо глядела на север.

— Что, Дусенька, сердце болит?.. Любовь там?

— А хотя бы и любовь...

Дуся убегала в хижину помогать Тимофею Захаровичу готовить обед или занималась еще каким-нибудь делом.

Как-то Андрей Бакалов и Илья Бахирев заметили у нее слезы и сказали об этом, когда Дуси не было в хижине; моряки стали еще участливее и теплее относиться к ней.

Приходил на наблюдательный пост и заметно похудевший кок Тимофей Захарович Олейников. Обмахиваясь поварским колпаком, он стоял, не говоря ни слова. И так же молча уходил.

Несколько раз побывала на скале и Евдокия Васильевна Костюк. Она, как и Дуся, спрашивала:

— А где Большая земля?..

Ей показывали, где находится материк. Евдокия Васильевна подолгу смотрела туда, вздыхала.

— Значит, и Владивосток там... — Постояв, она сообщала: — А знаете, я сегодня среди пальм видела нашу уссурийскую синюю мухоловку. Ну, точно она. По голосу сперва узнала. И так мне радостно стало, что даже вскрикнула я. Честное слово!..

Евдокия Васильевна спохватывалась и уходила к больным.

А больных не убывало. Едва выздоравливали одни, сваливались другие. Еще вчера здоровый человек мог сегодня слечь в жесточайшей лихорадке. Слегли матрос Зверев, кочегар Зинчук. Евдокия Васильевна выбивалась из сил. Ей деятельно помогали Илья Радченко и другие члены экипажа.

Моряки обратились к лейтенанту Петеру Энгерсу с просьбой достать лекарств. Тот пообещал, но лекарств так и не дождалось.

Со середины апреля погода улучшилась. Ливни стали реже. В ясные дни заканчивали работу по ремонту шлюпок. Готовились к уходу на остров Борнео. Даже больные — и те старались чем-нибудь помочь в ремонте. Одна шлюпка была уже почти готова, и это воодушевляло всех. Люди стали веселее.

Старший помощник Байдаков, третий механик Баранов, матросы Сухонос, Зверев и Нечаев каждый день уходили выбивать надпись на скале. Камень поддавался с большим трудом, но через несколько недель упорной работы надпись была закончена. Она хорошо читалась на темном фоне камня.

Первого мая открыли памятник, возложив у его подножья большой венок из пальмовых веток и орхидей. Сюда пришли все моряки, Датук и многие малайцы.

На отвесной высокой скале с нависшим карнизом был выбит якорь, над его вершиной — пятиконечная звезда, а вокруг нее буквы: «СССР» и чуть ниже: «Перекоп». А еще ниже были высечены фамилии погибших товарищей: Зорин, Стыврин, Лютивинский, Соколов, Будоян, Агарков, Рева, Анипо.

Выступили Демидов, Бударин, Погребной. И в этот миг все мысленно перенеслись в родной и далекий Владивосток.

Вдруг упали капли дождя. Скала покрылась темными мокрыми точками. Вдали послышались раскаты грома. Ливень опять разразился с невероятной силой.

Среди дня наступила полная тьма. Зажгли факелы, но буря и ливень их тут же погасили. Под скалой, прижавшись друг к другу, сидели укрывшиеся от ливня моряки и малайцы. И о чем только не передумали в тот день озябшие и промокшие до нитки моряки! Но все они верили в то, что скоро благополучно вернутся домой, на Родину.

17. В МАНГРОВЫХ ЗАРОСЛЯХ

Месяц за месяцем тянулось время. Давно прошла пора дождей. Погода установилась. Люди повеселели. У многих зажили ранения, ожоги; лишь малярия трепала то одного, то другого.

Марк Друт с Петром Чулыниным, Ильей Бахиревым и Евгением Берданом побывали в восточной части острова, чтобы выяснить, нет ли там удобных бухточек для стоянки шлюпок. Здесь в скалах они обнаружили много пещер. Они обследовали одну пещеру, освещая ее своды факелами. Ход в пещеру, усеянный обломками камней, шел вниз, потом круто поворачивал вправо. Вскоре проход разделился на два, и каждый из них в свою очередь густо разветвлялся. В одном из ходов в красных отблесках факелов сверкнула вода. Это было подземное озеро, довольно глубокое, с прозрачной чистой водой. Озеро с трудом обошли по карнизам стены и по обвалившимся камням. Огромный зал пещеры был настолько высок, что потолок терялся где-то вверху. Оттуда свисали белоснежные сталактиты, а им навстречу поднимались сталагмиты самой причудливой формы.

В пещере было много летучих мышей. Потревоженные огнем факелов, они покружились и улетели куда-то дальше в темноту.

Моряки повернули к выходу, но скоро обнаружили, что они заблудились. Несколько раз они возвращались на прежнее место — и всё не могли найти те кучки камней, которые они сложили для ориентировки на своем пути в глубь пещеры. Попробовали кричать, но откликалось лишь эхо, оно повторялось многократно и слышалось со всех сторон. Во вре-

мя этих блужданий в одном из ходов нашли старую медную гильзу от снаряда. Два зажженных факела вот-вот должны были догореть. Последние, запасные факелы Марк Друт не разрешил пока зажигать. Интерес к пещере сменился беспокойством. Лишь через несколько часов нашли ориентиры — небольшие кучки по пяти камней.

Когда выбрались из пещеры, над островом уже опустилась ночь. Марк Друт вспомнил рассказы малайцев.

— Когда-то в этих пещерах жили пираты. В первую мировую войну где-то здесь, в одной из бухт острова, скрывался немецкий военный корабль «Эмден». Этот пират совершил предательское нападение на Пенанг, затем, замаскировавшись под английский корабль, он потопил русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец «Мускат».

Союзники тщетно искали «Эмден» у острова Маврикий и мыса Гвардафуй, между островами Явой и Борнео. А в это время «Эмден» трусливо прятался в одной из укромных бухт Натуну.

Гильза от снаряда, найденная в пещере, очевидно была с немецкого крейсера.

Восточное побережье Натуну было так же пустынно, как и другие части острова. Только изредка в устьях небольших рек, впадающих в океан, встречались малайские поселки в две-три хижины. В центре острова, в джунглях, никто не селится — туда нет дорог, нет даже троп. Лишь в двух-трех километрах от побережья морякам иногда попадались хижины охотников или искателей каучука.

Возвращаясь из похода, моряки заметили костер среди деревьев. Подошли ближе и увидели малайца. Он сидел у дерева, на стволе которого виднелась вырезанная полоска коры, а внизу у жестяного лоточка стояла чашечка из скорлупы ореха и в нее стекал тягучий каучуковый сок. Деревья были молодые — года по три-четыре.

Малаец всё время отмахивался от москитов. Его звали Пулунгул.

Пулунгула спросили, почему он собирает каучук ночью, а не днем.

— Только ночью сок и идет. Это дерево плачет о солнце. Каучук — слезы дерева, — сказал малаец. — Ночью нехорошо: москиты, змеи. Но ничего не поделаешь... Не будешь собирать каучук или копру — попадешь в должники. За долг голландцы заберут и увезут на другой остров, где добывают олово и свинец. Голландские купцы жадные. Наши молодые люди почти все увезены на другие острова. Малайцы боятся рудников. Оттуда редко кто возвращается. Да и здесь не легче. Видели, сколько копры и каучука приготовлено для вывоза?

Моряки вспомнили, что вблизи одной из бухт на востоке они действительно видели огромные кучи копры, приготовленной для вывоза. От этих куч далеко разносился сладковатый гнилостный запах. Тучи мух клубились над складом копры. Рядом лежали пачки белого прозрачного каучука.

Пулунгул тем временем брал сок из наполненной скорлупы на деревянную палку и затем подсушивал и коптил его над огнем.

— Когда приходит пароход, привозит немного рису, соли, рому и забирает всё, что собрали малайские люди, — продолжал Пулунгул. — Я вот собираю каучук много лет — и всё идет голландцам... А у меня, кроме бамбуковой хижины, ничего нет... Было два сына, их насильно увезли добывать олово и свинец. Оба умерли там... не вернулись. А я уже не молод. Школ у нас нет. Малайские люди темные... Но они думают: почему на острове хозяева голландцы? Почему малайцы сами не хозяева?.. Почему?

Малаец замолчал, убрал чашечку из-под желобка, поставил на ее

место другую. Подошел к костру и поправил дрова. Вспыхнувшее пламя осветило его коричневое лицо с черными блестящими глазами.

Бахирев вспомнил, что и у старика, которому он помогал собирать кокосовые орехи, сын тоже погиб на свинцово-оловянных рудниках...

Расположившись на куче веток около костра, моряки уснули. Проснулись они от утренней прохлады. Рассветало. Море сверкало в первых лучах; кое-где на нем дымились сизые полосы.

Распрощавшись с Пулунгулом, моряки углубились в джунгли. Петр Чулынин, выйдя на маленькую лесную полянку, внезапно почувствовал, что какая-то гадина быстро обвилась вокруг его ноги. Он закричал и увидел небольшого удава. На помощь матросу поспешили его товарищи. Услышав крик, подбежал к ним Пулунгул. Он схватил удава чуть пониже головы и потянул его в сторону, затем ударил параном по хвосту змеи. С большим трудом удалось освободить ногу Чулынина от крепких объятий удава.

Это происшествие заставило моряков быть осмотрительнее.

Вернувшись в лагерь, Марк Друт подробно рассказал товарищам о результатах обследования восточной части острова и всех приключениях, которые выпали на долю разведчиков. Удобные бухты были найдены, но далеко.

Как-то Александр Африканович Демидов попросил Датука сводить его в мангровые* заросли. С ними также пошли Бакалов, Друт и Байдаков. Они рассчитывали на удачную рыбную ловлю, так как слышали от малайцев, что там в реках много рыбы.

Проникновение в мангровую чащу — дело сложное. Здесь вокруг основных стволов растет целый частокол дыхательных и ходульных корней и подпорок, преграждая путь человеку. Вместе со стволами и ветвями деревьев они представляют трудно проходимое препятствие.

Водные пути в мангровых зарослях очень узки, извилисты, и пробираться по ним трудно даже не раз побывавшему здесь человеку. Если попытаешься выскочить из шлюпки, ноги вязнут в зловонном иле. Нередко ил засасывал людей, и это наводило суеверный страх на малайцев.

Но не легче двигаться и пешком по внешнему краю мангровых чаш, по песчаной косе, намытой прибоем. Песок мягок и зыбуч, он прикрывает смертельные ловушки, топи. Итти мешают корни и полусгнившие остатки мангровых стволов.

В мангровых зарослях сыро и сумрачно. Стоит жуткая тишина. Ветви и корни деревьев неподвижны, словно мертвые. Воздух наполнен тучами москитов и слепней. Они миллиардами размножаются в дуплах деревьев, где застаивается вода от дождей.

— Вот где очаг лихорадки, — сказал Демидов.

Пройдя дальше, они заметили несколько птиц — то были цапли, красноносые ибисы и фламинго. На незалитых водою прогалинах виднелись усеченные конусы, сложенные из затвердевшего ила, — это и были гнезда фламинго.

Капитан рассказывал морякам:

— Я еще в Ленинграде читал, что японцы получили ряд концессий на разработку мангровых зарослей. Кора этих деревьев — хороший дубитель. На концессиях были вскоре обнаружены бетонные площадки, построенные якобы для занятия спортом. На самом деле это были замаскированные аэродромы и площадки для орудий. Малайцы говорят, что и здесь, на Большой Натуне, тоже была японская концессия. Да, давно

* К мангровым растениям относится несколько пород деревьев и кустарников, приспособленных для существования в сильно затопленных и заболоченных местах.

Япония готовилась к захвату островов Тихого океана, — задумчиво закончил капитан.

Итти становилось всё труднее.

Вдруг Датук остановился и тихо сказал:

— Капитан, вон колонги — летучие собаки.

И действительно, на ветвях мангровых деревьев моряки увидели парящих в воздухе диковинных летающих собак. Издали они походили на летучих мышей. Они расправляли крылья и усаживались на ветви. Сверху доносились звуки, похожие на шипение гусей. Летучие собаки вели ночной образ жизни.

Поймали в реке длинную, похожую на змею рыбу. Водилась она здесь во множестве, и Датук сказал, что эта рыба съедобна.

Вечерело. Начался отлив, и вода отступила. На илистой земле сверкали в зеленом лунном свете небольшие лужи, оставшиеся в углублениях. Спускающиеся с вершин деревьев воздушные корни казались ходулями вокруг основных стволов. Молодые корни свисали со стволов, не достигая грунта.

Долго моряки пробирались еще среди страшных в вечернем сумраке мангровых зарослей. Марк Друт увидел лиану, которая при толщине около четырех сантиметров имела в длину не менее двухсот метров. Она оплела несколько деревьев сразу. Датук сказал, что это ратанг — самое длинное растение на острове.

На обратном пути Датук рассказал морякам сказку, объясняющую, почему малайцы не ходят в глубь зарослей, к вершинам вулканов.

Сказка была короткой:

— В джунглях есть поселок, в котором все хижины построены из человеческих костей, а крыши покрыты длинными волосами женщин. — Датук сопровождал свой рассказ скупыми жестами. — Поселок построили тигры и живут в нем. Амир Кампонга — злой дух — ночью становится тигром, а днем принимает облик человека. Он выходит на тропинку и, встретив путников, приглашает их отдохнуть в поселке. Там много духов в виде красивых девушек. Они приветливо встречают гостей. Но это тоже тигры... А ночью хищники съедают людей... Ничего не поделаешь! Такова участь тех, кто слишком доверчив... — закончил сказку Датук. — Зачем человеку ходить далеко в джунгли? Хватит ему и берега. А джунгли зверям нужны.

— Человеку надо всё познать, весь мир, — заметил капитан. — А друзьям нужно доверять.

Вечером, вернувшись в хижину, Александр Африканович рассказывал морякам о том, что они видели в мангровых зарослях. Потом Бударин вспомнил о своем плавании еще задолго до войны по Иртышу и его притокам.

Ефим Кириллович Погребной по просьбе машинной команды продолжал и здесь, на острове, проводить занятия с кочегарами и машинистами.

— Самое главное — надо добиваться, чтобы пар при чистке топок не падал и держался на марке, тогда ход судна будет ровным, — говорил он. — Следует отказаться от одновременной чистки всех топок. Чистить топки следует в шахматном порядке.

Продолжались и занятия по изучению английского языка. Иногда старший механик рассказывал о своей встрече с Алексеем Максимовичем Горьким:

— Был я в Италии на постройке и спуске траулеров для нашего флота. Вот и поехали мы однажды к Алексею Максимовичу в Сорренто. Алексей Максимович вспоминал Арсеньева и Борисова. Послал внучек

принести книги и показал нам. «Вот куда дошли... В Италии и Германии изданы».

Затем улыбался, расправлял пальцами усы, легонько кашлял.

«Прекрасный климат, — говорил Горький о Сорренто. — Чувствую себя хорошо. Болезнь свою забыл... А знаете, как соскучился по России! Вы, моряки, можете меня понять... Ведь Родина... Дороже всего Родина, служение своему народу. Вот и я тут посадил деревья и цветы, привезенные из России... Поправлюсь — и домой, на Родину. Встретимся на русской земле».

«А скоро ли мы попадем домой, на русскую землю?» — подумал Ефим Кириллович, заканчивая свой рассказ.

18. РУССКИЙ ДОКТОР

Евдокия Васильевна сидела на берегу и смотрела на рыбок, плавающих среди коралловых рифов.

Она вспоминала родное село в Шмаковском районе, приморскую весну и цветущий багульник.

Размечтавшись, Евдокия Васильевна забыла о том, что она находится на далеком чужом острове, забыла голод... Три дня, кроме сока кокосовых орехов, у нее во рту ничего не было. Варено неунывающего Тимофея Захаровича давно уже всем приелось. Рыбы ловили немного и давали ее только раненым и больным.

Ветерок чуть шевелил ее побелевшие от солнца волосы. Евдокия Васильевна взглянула на море и замерла, пораженная величественным зрелищем.

Над морем поднимался огромный столб дыма или воды. Вверху он был тоньше, чем у основания. Столб вращался и двигался быстро. Вода внизу его пенилась, подхватывалась ветром и уносилась ввысь. Плывшие еще недавно в небе спокойные облака теперь сгрудились, сбились и образовали черную тучу с повисшими вертикальными полосами.

Евдокия Васильевна догадалась, что перед нею смерч. Смерч качивался из стороны в сторону и быстро уходил на северо-восток. Через несколько минут он уже скрылся за горизонтом. На море поднялась сильная зыбь; волны с шумом накатывались и рассыпались пеной по коралловым отмелям.

— Русский доктор! Русский доктор! — тревожно звал кто-то Евдокию Васильевну.

На берег вышли Илья Радченко и малаец Пулунгул.

— А я ищу вас, — торопливо заговорил Радченко.

— Что случилось, Илья?

— Пулунгул просит вас скорее итти в поселок. У них какое-то несчастье. Я не совсем понял в чем дело... Что-то случилось с его женой.

— Так идем скорее...

И Евдокия Васильевна быстро пошла к поселку. Радченко уже довольно свободно объяснялся с малайцами на их языке. Он часто ходил вместе с Евдокией Васильевной как переводчик.

— Я сейчас видела на море смерч, — сказала Евдокия Васильевна, когда Радченко догнал ее и зашатал рядом.

— Мы тоже видели... Пулунгул говорит, что это был злой дух.

Уже не раз малайцы обращались за помощью к Евдокии Васильевне. Авторитет «русского доктора», как ее называли в поселке, был велик. Две недели тому назад Евдокию Васильевну позвали к умирающему малайцу Русену. Его лечили все знахари острова, но безрезультатно.

татно. Шесть суток больной ничего не ел, так как в горле у него образовался нарыв. Вокруг больного, лежавшего на циновке, сидели родственники и шептали заклинания, готовя его к смерти. В глиняном кувшине горел огонь.

— Русен, лучший шкипер острова Натуна, уходит в другую жизнь, — горестно говорили малайцы.

Евдокия Васильевна осмотрела нарыв и вскрыла его. Вот когда пригодился ей скальпель! Потом она развела в воде несколько крупинок марганцовки и объяснила, как применять этот раствор.

Русен сразу же почувствовал себя лучше, а вскоре и совсем выздоровел. Все родственники во главе с Русеном пришли к русскому доктору и предложили ей деньги. Евдокия Васильевна отказалась:

— Русские за лечение не берут платы...

Малайцы ушли. А слух о том, что русский доктор воскресила умиравшего шкипера Русена, облетел весь остров.

Когда Евдокия Васильевна, Радченко и Пулунгул пришли в поселок, там шла обычная работа. Девочки и мальчики вязали пальмовые листья и подавали их мужчинам, которые крыли ими крыши хижин, потрепанные во время вчерашней бури.

Из хижины Пулунгула доносились душераздирающие крики и стоны. У входа толпились растерянные женщины. Они расступились перед Евдокией Васильевной.

Радченко и Пулунгула женщины в хижину не пустили.

На полу хижины среди грязных лохмотьев лежала молодая малайка. Евдокия Васильевна сразу поняла всё. Это были трудные роды, и немалых усилий стоило ей, чтобы довести их до счастливого конца. Лишь на заходе солнца, когда все увидели на руках Евдокии Васильевны новорожденного ребенка, женщины в хижине облегченно вздохнули.

Старухи приняли ребенка от Евдокии Васильевны и сразу же вынесли его на улицу и передали мужчинам.

— Мальчик!

По малайским обычаям, рождение мальчика означало счастье. Все заулыбались.

На циновке лежала ослабевшая, но счастливая мать.

Евдокия Васильевна и Радченко пошли к себе. Встречные малайцы, поднимая руки, приветствовали Евдокию Васильевну. А она шла по освещенной отблеском вечерней зари тропинке среди пальмовой рощи и тихо, вполголоса напевала.

19. ПРАЗДНИК

Однажды вечером под пальмами, залитыми лунным светом, на праздник лета собрались все жители поселка Ранай. Они пригласили моряков. Гремели барабаны, слышались удары гонга. Местные музыканты дули в скорлупы кокосовых орехов с просверленными дырочками, извлекая резкие, пронзительные звуки. Другие неистово потрясали бубнами. Все собравшиеся были разодеты в причудливые одежды и выглядели очень живописно.

В круг вышел молодой малаец. Подойдя к девушке, он запел шутливую песенку, приглашая ее танцевать. Он пел, что у него много кокосовых орехов, сага, убикаю, но нет у него хозяйки. Не хочет ли девушка стать хозяйкой?

Девушка улыбнулась, подернула плечами и ответила другой задорной песенкой, обещая стать хозяйкой, если он хорошо танцует, и заку-

жилась в стремительной пляске. Юноша начал ее догонять. Словно в вихре, пронеслись они круг за кругом.

Бахирев долго смотрел на танцующих, наконец не вытерпел и сам вышел в круг. Подойдя к одной из девушек, он бойко спел малайскую песенку.

Девушка лукаво рассмеялась и ответила:

— У тебя много только соли.

Она прошла с ним один круг, затем отошла в сторону. А Илья под звуки гонга и дробь барабанов пошел в присядку и лихо станцевал гопачок.

Восхищенные малайцы вскочили со своих мест, подхватили плясуна под руки и усадили на почетное место. Его начали угощать лучшими кушаньями и напитками, приготовленными для праздника. Морякам особенно понравилось одно блюдо, приготовленное из сока пальм, которое малайцы называли гулу*.

Демидов, Бударин и Погребной сидели среди стариков. Они беседовали с Амиром, Датукон, Русеном и другими малайцами.

Когда Русен заметил Евдокию Васильевну и Илью Радченко, он бросился к ним и повел к столу. Жена Пулунгула немного смущенно подошла к Евдокии Васильевне и положила ей на руки своего мальчика. ЕВДОКИЯ Васильевна обняла малайку и поцеловала ее.

Старики подали Евдокии Васильевне большой отполированный кокосовый орех со срезанной верхушкой, наполненный гулу. Раздались восторженные крики. Евдокия Васильевна смутилась.

— Ну что вы, что вы! Я делала то, что была обязана делать...

Моряки и малайцы сидели вперемежку. Погребной затянул украинскую песню о зеленом гае. На далеком, затерявшемся в океане острове эта песня звучала так же, как дома. Когда песня умолкла, моряки задумались.

Их думы оборвал резкий звук барабанов. В круг вышли, обнявшись, малайские девушки и закачались в танце. Они танцевали и пели грустную девичью песню. Стройные и гибкие, они легко бежали, словно плыли по кругу, и свет костров красноватыми бликами освещал их полуобнаженные фигуры.

Девушек сменили мужчины. Размахивая зажженными факелами, они делали широкие прыжки и быстро неслись в воинственном танце. Прыгали через костры...

Праздник длился до рассвета. Душевно веселились с малайцами и советские моряки. Это был праздник лета и дружбы.

20. ДАТУК ПРИНОСИТ ДУРИАН

Возвратившись с праздника почти на рассвете, все быстро уснули. Лишь Александр Африканович сидел и писал. Перед ним стояла тусклая коптилка, сделанная из половинки ореха и заправленная кокосовым маслом. Капитану хотелось записать всё, что он увидел во время праздника. Писать было трудно: чувствовались озноб и боль во всем теле — предвестники лихорадки. Утром капитан лежал без сознания на тонкой пальмовой циновке.

Встревоженный Бударин послал Бахирева в малайский поселок за Датукон, а сам присел возле Демидова и попытался сосчитать пульс.

— Вероятно, опять малярия, — тихо сказала Евдокия Васильевна.

* Вид патоки.

Демидов бредил: вспоминал книгу о путешествии Магеллана, бесвязно говорил что-то о плавании по Тихому океану.

Пришедший вскоре Датук огорченно посмотрел на лежащего капитана и покачал головой.

— Надо итти в джунгли, искать дуриан.

— А что это такое?

— Дуриан — дерево. Очень редкое дерево.

На следующий день Датук передал Евдокии Васильевне какие-то пупырчатые плоды, сказав, что их надо дать больному, и ушел в свой поселок.

Мякоть плода была нежной, сладковатой и с терпким запахом. Очнувшийся Демидов съел плод с удовольствием. Вскоре он почувствовал заметное облегчение. Голова не была уже такой тяжелой. Плоды дуриана улучшили состояние и других больных тропической малярией.

В скором времени капитан уже мог, опираясь на палку, выйти на морской берег. Здесь на песке и в лужах, оставшихся после отлива, копошилось множество крабов ярко-красного или голубого цвета. Но только Александр Африканович приближался к ним, они быстро скрывались в норах в самой полосе прибоя.

Берег весь был усеян раковинами. Глядя на них, Александр Африканович вспомнил просьбу сына Вадима привезти ему из тропиков красивых ракушек. Сколько же ему лет?.. Двенадцать скоро будет. Уже пошел второй год разлуки с семьей. И сердце капитана сжалось от острой тоски. Когда еще удастся встретиться с родными? Взглянул на лужу Демидов и увидел в ней свое отражение: на него смотрело исхудавшее лицо с глубоко запавшими глазами, с длинными космами светлых волос. «Вот я какой стал!» — с горечью и болью подумал он.

Песок обжигал подошвы босых ног. Вдали на отмелях вместе с малайцами ходили моряки, собирали ракушки, водоросли.

Демидов прошел к месту ремонта бота и шлюпок. Одна шлюпка была готова.

— Ну что, ребята, скоро в море?

— Скоро, Александр Африканович. Вот бы паруса раздобыть, на веслах далеко не уйдешь.

— Завтра мы с Борисом Александровичем сходим к Петеру Энгерсу, может, добудем у него клочок парусины — вот и будет парус. Сержант Янсон говорил, что у них есть парусина.

Глядя на людей, на шлюпки, капитан тоже повеселел. По дороге к хижине он заглянул еще на участок, где недавно они корчевали пни. Теперь на участке шелестела листьями кукуруза, поднимались аккуратные рядки убикаю.

Группа моряков производила здесь посадку бананов. Они рубили на части стебли растений и зарывали эти куски в землю, как их учили малайцы.

Недалеко от хижины Николай Плиско, Василий Макаренков и Илья Бахирев разделявали ствол саговой пальмы. Из ее съедобной сердцевинны кок Тимофей Захарович варил кашу и пек лепешки в печке, сделанной из железной бочки. Сага, как и кокосовые орехи, давно стала основной пищей моряков, так же как и у малайцев. Хотя каша из саговой крупы больше была похожа на кисель, все и ей были рады.

Капитан думал: «Теперь многие выздоровели, рабочих рук хватает. Может быть, попытаться послать одну шлюпку на Борнео?»

Он поделился этими мыслями с Бударинным.

Днем пришел сержант Янсон и сказал, что Петер Энгерс получил очень важные сообщения и хотел бы срочно увидеть русских.

Демидов предложил Бударину вместе пойти к Энгерсу. Бударин как раз собирался на комсомольское собрание, где должен был обсуждаться вопрос о приеме в комсомол. Он много времени и внимания уделял молодежи, заботился о том, чтобы правильно нацелить и использовать ее кипучую энергию.

Понимая важность встречи с голландским комендантом острова, Бударин разыскал Погребного и попросил его сходить на собрание к комсомольцам.

...Петер Энгерс сообщил Демидову действительно важную весть: японцы захватили многие острова Тихого океана. Следовало ожидать их появления и на Большой Натуне. А от японской военщины хорошего нечего ждать.

Возвращаясь, Демидов и Бударин размышляли о последствиях появления японцев на острове и вновь обдумывали вопрос о посылке хотя бы части людей на Борнео.

Вечер был лунный, на море сверкала серебристая полоса. Черной сеткой лежали на земле причудливые тени пальм и лиан.

Николай Самойленко встретил капитана и старшего помощника на берегу.

— Борис Александрович, меня приняли в комсомол. Вы понимаете, что сейчас на сердце творится! — сказал он Бударину. — Теперь и я — комсомолец.

— Поздравляю от всей души. А Николая Нечаева приняли?

— Тоже приняли...

Они вместе вернулись в хижину. Капитан коротко рассказал команде о новостях, сообщенных Петером Энгерсом.

После ужина Бударин, как и в предыдущие вечера, пересказывал на память главы романа Островского «Как закалялась сталь». Память у Бориса Александровича была великолепная: он помнил книгу почти страница в страницу. Слушали его, затаив дыхание.

«...Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной», — эти слова Павки Корчагина крепко запали в сердца моряков.

21. НА БОРНЕО

Шли дни, и становилось ясно, что моряки на острове Большая Натунa отрезаны от мира. Надо было искать какую-либо возможность сообщить о себе.

На общем собрании решили послать людей на отремонтированном боте на остров Борнео. Из-за недостатка материалов шлюпки еще не были отремонтированы. Было ясно, что на боте следует отправить самых крепких и сильных людей, так как итти придется на веслах суток десять.

Погода благоприятствовала переходу, и надо было торопиться. Коммунисты решили послать на Борнео Бударина и Олейникова.

Всю ночь накануне ухода в море Олейников и Гасюк пекли убикаю и лепешки из саги. В бот наносили кокосовых орехов. Петер Энгерс посоветовал выходить часов в пять утра, ВО время прилива.

— Вот вам карта для ориентировки, шлюпочный компас у вас есть, — сказал он. — А я больше ничем помочь не могу... — Он грустно улыбнулся и тихо сказал Бударину: — Пять процентов в вашу пользу, что живы будете. Под веслами, в жару дойти до Борнео — это почти невозможно...

Проводить отходящих В море пришли все. С грустью смотрели то-

варищи на усаживающихся в бот моряков. Вот прыгнул туда Бударин, за ним Самойленко, Сухонос, Зубов... Захов, Баранов, Нечаев и Олейников взяли за весла. Бот отошел от берега.

— Держитесь поближе к островкам. Если с ботом что-нибудь случится, сможете тогда вытащить его на сушу и починить, — посоветовал напоследок капитан Демидов.

...Сначала плавание протекало благополучно. Но на пятые сутки бот дал течь. Еле удалось добраться до маленького островка Мидай. Пока одни чинили бот, другие пополнили запас кокосовых орехов, собрали черепаши яйца, запасли свежую воду.

Местные жители островка Мидай — малайцы каким-то образом узнали опередившую моряков весть о том, что на Большую Натуну высадились японцы. Они рассказали даже, что всем оставшимся там русским связали руки и посадили их на корабль...

Пусть скудны и недостоверны были эти сведения, но и они сильно встревожили всех.

Что же делать? Возвратиться на Большую Натуну или продолжать курс на Борнео? Моряки твердо решили двигаться дальше.

— Если вернемся, чем мы поможем? А на Борнео попробуем разыскать наших людей, куда бы японцы их ни упрятали.

Ночью моряки оставили островок Мидай и вновь продолжали путь к Борнео.

Всю ночь гребли, подменяя друг друга. Погода стояла тихая. Ярko светила луна. Днем же невыносимо жгло солнце. Люди выбивались из сил, не могли грести и подолгу отдыхали. Но потом, подбадриваемые Будариным, опять брались за весла. Хотелось пить, но приходилось экономить воду. К счастью, на другой день пошел дождь. Над шлюпкой натянули брезент и собрали немного воды. Люди приободрились, с новой силой налегли на весла.

На заре одного из многих дней пути моряки заметили, что вода вокруг уже не светлосиняя, как в открытом море, а мутная. Когда стало еще светлее, увидели на воде радужные пятна мазута и нефти. А к вечеру моряки подошли к берегу и вошли в устье широкой реки. Это был остров Борнео.

Но едва моряки успели высадиться на берег, как к ним подошли вооруженные японцы. Они впрыгнули в бот и приказали плыть вверх по реке.

Против течения плыли почти сутки, пока на берегу не засверкал электрическими огнями какой-то небольшой городок. У причала японцы всех высадили из бота и повели на допрос.

— Откуда вы? Что за люди? — допытывался японский офицер.

— С острова Большая Натунa. Мы советские моряки, — отвечал Бударин.

— Почему были там?

— Потому что японцы потопили наш пароход «Перекоп». Нам удалось спастись, и мы высадились на этот остров.

Японский офицер сделал огорченную гримасу, покачал головой, а затем резко прокричал что-то.

Переводчик переводил:

— Японцы не могли потопить русское судно. Мы с Россией не воюем...

В тот же день моряков посадили в лагерь, обнесенный кругом колючей проволокой. Здесь находилось человек сто военнопленных голландцев и много китайцев. Они рассказали, что Борнео и Сингапур захвачены японцами.

22. ДЫМКИ НА ГОРИЗОНТЕ

Петр Чулынин поймал на отмели тропического рака — пальмового вора. Все собрались в кружок и с интересом рассматривали эту диковинку. В это время дозорные на скале закричали, показывая руками на море. Далеко на горизонте поднимались в небо дымки. Они росли и приближались. К острову шли корабли.

Позабыв о пальмовом воре, все неотрывно смотрели на море. Бахирев побежал к хижине с радостной вестью о появлении кораблей.

Корабли подошли ближе, отдали якоря. Но определить их национальную принадлежность еще нельзя было — слишком далеко стали они от берега. Но вот шлюпки, спущенные с кораблей, направились к берегу. И тут все увидели на них японские флаги!

С криками «банзай» из шлюпок выскочили японцы и сразу же открыли из винтовок стрельбу, обстреливая заросли.

Всё население поселка Ранай скрылось в джунглях.

Через несколько часов среди пальм дымились догоравшие хижины. К вечеру японцы окружили моряков. Связав каждому за спиной руки, они затем выстроили их друг другу в затылок, привязали всех к длинной веревке и повели.

Под тенью пальм, у походного стола, сидел, картинно опираясь на рукоять шашки, японский офицер. Его вспотевшее лицо лоснилось. Он прищуренными глазами высокомерно осматривал стоявших перед ним людей.

Один из японских матросов подбежал к офицеру и что-то доложил. Моряки разобрали только слова: «русски» и «Мацубара-сан» — очевидно, это была фамилия офицера.

— На колени! — вдруг закричал офицер по-английски.

Группа связанных моряков стояла не шелохнувшись.

— На колени! — еще раз прокричал Мацубара.

Но никто с места не двинулся, все продолжали стоять, хотя хорошо понимали, чего требует от них японец.

— Американцы? Англичане? Голландцы? — тыкая пальцем в грудь передних, продолжал выкрикивать Мацубара.

— Развяжите нас. Мы русские с потопленного вашими летчиками торгового судна «Перекоп». Развяжите, иначе не будем вам отвечать, — с достоинством заявил Демидов.

— О! Я понимаю вас! Вы остроумны! Но мы вас расстреляем!

— Вы не имеете права. Мы — мирные люди, — сказал Погребной по-английски.

Но офицер неожиданно заговорил с ним по-русски.

— Пока Япония не воюет с русскими. Но если мы сейчас расстреляем вас, тем лучше — меньше останется. Я с русскими встречался на Дальнем Востоке двадцать лет назад, — и Мацубара расхохотался. Все же он приказал развязать пленникам руки и продолжал допрос: — Кто же потопил русское судно? Как оно называлось?

— «Перекоп». Потопили японские самолеты в декабре 1941 года, — ответил капитан Демидов.

— Вы безумец! Это, может быть, верно, что вас потопили. Но потопили вас американцы, англичане, может быть, даже голландцы, но не японцы. Вы поняли, что я сказал, что я хотел сказать?

— Нет. Нас потопили японские самолеты. Это все подтвердят.

— Хорошо. Подумайте, что я уже сказал. Вас потопили американцы, англичане, может быть, голландцы. Лучше, если вас потопили немцы. Япония не воюет с Россией. Это вы знаете, вы поняли.

Все поняли, чего добивался от них японский офицер Мацубара.

— Провоцирует, — произнес топотом Погребной, и это слово облетело всю шеренгу моряков.

Мацубара начал допрашивать малайцев, приведенных японскими матросами.

— Я спрашивал русских, кто потопил их судно? Ты не знаешь? — по-малайски спросил он у Датука.

— Японские самолеты. Я хорошо видел, как вижу вас, господин офицер, как вижу эту пальму. Японские самолеты летали над островом, затем они стреляли в пароход, бросали бомбы. Там потопили, — и Датук показал рукой на море.

Раздалась пощечина, другая. Наступило молчание. Оно нарушалось только доносившимися издали выстрелами. Мацубара неистовствовал, раздавая пощечины малайцам. Датук еле стоял на ногах. Но черные его глаза блестели гордо. И вдруг в тишине послышался его ясный звучный голос:

— Я уже старый человек и не вру. Японский самолет потопил русский пароход... Что видели глаза, то и говорит язык. Что хорошо знает сердце малайца, то и говорит его язык.

Японский офицер после этих слов жестоко избил Датука. Затем он избил Амира, Пулунгула и еще двух малайцев. После этого офицер отдышался, закурил сигарету и опять заговорил по-русски:

— Теперь этот остров принадлежит японскому императору. Всё — Сингапур, Борнео — всё принадлежит японскому императору, — выкрикивал он. — Я заявляю: скоро мы вас отсюда заберем, если бог не успеет раньше забрать.

Повернувшись к своим солдатам, Мацубара приказал им разбить и сжечь шлюпки русских и лодки малайцев.

Солдаты быстро исполнили его приказание.

Теперь все надежды на скорое спасение рухнули. Боль и негодование кипели в сердцах советских моряков.

Японские матросы разбрелись по берегу острова.

Малайская девочка Ласа связывала циновки из листьев пальмы в тени своей хижины. Увидев японцев, она испугалась и бросилась в заросли. Но скрыться она не успела. Мацубара поднял пистолет, — спокойно выстрелил в нее. Девочка упала мертвой. Илья Бахирев хотел было броситься на японца, но его во-время остановил Погребной. Японцы хватили и вешали малайцев, насиловали женщин, срубали под корень кокосовые пальмы.

Вечером японцы переправились на свои корабли и оттуда освещали берег прожекторами. Потом корабли ушли в море.

Утром на берегу нашли трупы голландского лейтенанта Петера Энгерса и сержанта Янсона. Возле них валялись пустые японские патроны. Домик голландцев был сожжен.

Малайцы хоронили убитых. Во всем поселке слышались вопли, стоны и плач. Петера Энгерса и Янсона похоронили на берегу русские моряки. Над могилами устроили холмики и поставили кресты.

Демидов и Погребной собрали коллектив и предложили всем итти в поселок помогать малайцам строить хижины.

С горечью думали моряки о своих погибших шлюпках; столько было надежд на уход с острова. Жестоко обманули их эти первые дымки на горизонте!

23. ПРОЩАЙ, БОЛЬШАЯ НАТУНА!

Через несколько месяцев после первого разбойничьего налета японцев на острова они снова высадились на Большой Натуне.

Прежде всего японцы собрали малайцев и потребовали от них каучука, кокосовых орехов, бананов, рыбы, кур и яиц. Добычу они складывали в корзины, ящики и увозили с острова. Несколько малайцев были повешены за то, что ничего не дали грабителям. Среди них был хорошо знакомый морякам Пулунгул. Мацубара буйствовал. Многие хижины малайцев опустели: хозяева скрывались в джунглях, в мангровых зарослях.

Моряков опять мучили допросами. Мацубара слащаво улыбался и обещал каждому, кто скажет «правду» о потоплении «Перекопа», предоставить возможность выехать с острова. «Пока вас еще не забрал бог, но очень скоро заберет», — говорил он. Ему отвечали, что «Перекоп» потопили японские самолеты.

— Что вы нашли хорошего среди этих дикарей? Вы понимаете, что здесь вас ждет смерть, — запугивал Мацубара. — А если вы скажете правду, — вкрадчиво продолжал он, — скоро будете дома.

Видя, что советских моряков угрозами не сломить, Мацубара распорядился забрать на корабль одного капитана.

Японские матросы схватили Демидова за руки и поволокли в свой бот, подталкивая его прикладами в спину. Погребной крикнул:

— Или всех забирайте, или никого!

Он попытался вызвать капитана, но японцы его оттолкнули. Капитана уже затащили в бот, но туда, вслед за ним, вскочил и Илья Бахирев. Японцы оставили Демидова и прикладами начали избивать Бахирева, затем они выбросили его в воду.

На помощь Бахиреву бросились Марк Друт и Василий Макаренков. Они подхватили сильно избитого кочегара и вынесли на берег.

Капитан Демидов, воспользовавшись суматохой, выскочил из японского бота и присоединился к своим. Моряки плотно окружили своего капитана. Мацубара сердито закричал по-русски:

— Это есть беспорядок, бунт! Я вас буду учить. Вы сами среди дикарей дикарь стал... Капитан умрет, вы сами будете отвечать... вы все здесь умирать будете...

— Успокойтесь, Мацубара-сан, — спокойно обратился к нему Погребной.

Мацубара перестал кричать и уставился на старшего механика. А тот очень спокойно и твердо говорил:

— Или всех сразу забирайте, или никого. Мы здесь останемся. Дайте нам хлеба, бинтов, лекарств. Вы обязаны это сделать в силу международных законов.

— Хорошо! Вы останетесь здесь. Вас скоро бог заберет, — угрожающе сказал Мацубара. — Лекарства и бинты вам поэтому не нужны. Они нужны нашим раненым. А продуктов нам самим мало...

Затем он что-то резко выкрикнул, обращаясь к своим матросам. Те подтащили к нему Амира — малайского старосту.

— Ты и все малайцы будете отвечать, если русские сбегут с острова. Понял, что я сказал? Это закон императорской Японии!

Шлюпки ушли. Вскоре японский корабль снялся с якоря и скрылся за горизонтом.

Опять потянулись дни за днями на острове Большая Натуна.

Как ни старались Демидов и Погребной подбодрить людей, — теперь настроение у моряков заметно падало. Люди тосковали. Всё чаще велись разговоры о том, как вырваться из тропического плена. Жизнь на острове тяготила каждого. Вспоминали о Бударине и его группе: где они? живы или нет?

Малайцы старались помочь морякам, облегчить их участь. Однажды прибежал Датук и сообщил, что с острова Борнео тайно пришли два прао — небольшие малайские парусные суда. Через день они уйдут обратно и согласны забрать и увезти с собой русских.

Моряки поблагодарили Датуха. Радости не было конца. Разговоры о близком отъезде уже не прекращались. Бахирев отдал Датуху все поддоны для выварки соли. Некоторые моряки совали малайцу пуговицы на память. Датук подарил Бахиреву хорошо отполированную скорлупу кокосового ореха с дырочками внизу и сверху — водяные часы.

В день отъезда провожать русских пришло много малайцев. Старая малайка схватила за плечи Евдокию Васильевну и стала громко причитать.

— Я самый старый и самый старший на острове, — глядя на русских, сказал староста Амир. — Я много видел. Но никогда не видел таких людей, как русские. Вы не обижали малайцев. Землю сами расчистили, посадили убикаю, бананы. Научили нас соль добывать. Нас грабили голландцы, пришли японцы — тоже стали грабить, убивать... На нашей земле — мы не хозяева. Только вы и считали нас людьми, помогали нам хижины строить... Спасибо вам, большое спасибо, — растроганно закончил он.

Капитан Демидов от имени всех русских горячо поблагодарил малайцев за приют, за помощь и добрые слова.

24. С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ

Когда все уселись, в прао вскочил шкипер Русен.

Раздалась команда. По звуку гонга с берега малайские матросы подняли косые паруса и запели какую-то протяжную песню. Шкипер, как изваяние, стоял на носовой части судна, поднимая руки вверх. Радченко пояснил, что малайцы спрашивают себе попутного ветра и успешного плавания.

Суденышки тронулись мимо белой песчаной отмели, на которой еще недавно ремонтировались шлюпки. Теперь здесь виднелись лишь их обгорелые шпангоуты. Прошли мимо скалы — памятника пароходу «Перекоп». Вскоре берега слились в одну синюю узкую полоску, а затем и вовсе исчезли с глаз, и только потухшие вулканы Большой Натуны еще долго маячили на горизонте.

Остров Борнео находился за сотни миль от Натуны.

Шли курсом на юго-восток. Один из малайцев постоянно сидел у руля, следил за парусами и выкрикивал время, показываемое водяными часами.

Водяные часы — изобретение малайцев. Они одинаково хорошо действуют и в тихую и в штормовую погоду. Представляют они собой ведро, сделанное из толстого бамбука и наполовину наполненное водой.

Сверху в нем плавают хорошо выскобленная и отполированная скорлупа кокосового ореха. На ее нижней, более тяжелой стороне просверлено отверстие определенного размера. Когда скорлупа лежит на воде в ведре, в нее тонкой струйкой устремляется вода и постепенно наполняет всю скорлупу. Размер отверстия рассчитан так, что ровно через час скорлупа тонет. И так час за часом. Время отсчитывается с восхода до захода солнца.

Марк Друт с интересом рассматривал малайский компас, направленный в углубление большого деревянного круга, который плавал в воде.

Дни во время перехода стояли солнечные, только в конце пути налетел сильный шквал. Сначала пронесся едва заметный ветерок. Малайские матросы стали быстро крепить паруса. Вскоре поднялся сильный ветер. С каждой минутой он крепчал: Малайские суденышки стремительно неслись вперед. Мачты скрипели, паруса наполнились ветром. Малайские матросы были спокойны, как и их шкипер.

Но вот раздалась отрывистая команда шкипера, и малайцы кинулись к парусам. Огромные волны с шумом накатывались на маленькие суденышки. Но те, легко рассекая волны, попрежнему неслись вперед. Ветер выли и ревел.

На рассвете ветер утих так же внезапно, как и поднялся. Волны еще вздымались высоко, но ярость их постепенно слабела. Прао прекрасно вели себя в штормовую ночь и вызвали искреннее восхищение советских моряков.

Вскоре показался небольшой скалистый островок. Шкипер направил к нему судно, и оно ткнулось в береговую отмель. Через несколько минут рядом встало второе прао.

— Не разбрелись, не потерялись в море. Молодцы малайские моряки! — воскликнул старпом Байдаков.

Моряки с наслаждением напились холодной воды из ручейка. Затем отдохнули, пополнили запасы воды, кокосовых орехов и набрали черепаших яиц. После нескольких суток полуголодного плавания обед казался особенно вкусным.

— Борнео недалеко, — сказал Русен, когда они снова вышли в море, и показал на огромных мух, облепивших паруса и борта прао. Большие прозрачные крылья этих насекомых, прямые, как у стрекоз, имели в размахе не менее десяти сантиметров.

На десятый день плавания показался гористый берег Борнео. Постепенно приближались вершины выдающихся в море мысов, покрытые пальмами и разнообразной тропической растительностью. Суденышки вошли в бухту и стали подыматься по реке. Река текла среди низменных берегов, у которых стояла густая стена мангровых деревьев.

Вдали зеленели кроны высоких пальм. Кое-где по берегу виднелись плантации кофе, а также каучуковые деревья с белыми надрезами на коре.

Подойдя к городку, оба прао стали на якорь. Прибыла малайская администрация. Когда шкипер Русен объяснил ей, что пассажирами прао являются русские моряки с потопленного японцами парохода «Переконп», малайцы тотчас пригласили русских сойти на берег. Они впервые видели русских, но много слышали о них и знали, что Советский Союз воюет с гитлеровской Германией.

Илья Бахирев первым заметил на берегу высокие мачты радиостанции.

— Смотри, Николай Федорович, радио, — сказал он радисту Плиско. — Уж теперь мы сообщим о себе.

Морякам казалось, что уже близок день возвращения на Родину.

25. ОПЯТЬ НАТУНА

Из попыток послать радиogramму ничего, однако, не вышло: на острове хозяйничали японцы, и радиостанция находилась в их ведении.

Всего несколько часов советские моряки пожили на свободе. Японцы взяли их под стражу и заключили в лагерь для военнопленных.

Вскоре к ним присоединили и ту группу моряков во главе с Будариным, которая первой на боте ушла на Борнео.

Однажды в лагерь явился японский офицер и с ним кинооператор. Они начали угощать моряков сигаретами. Японский офицер что-то кричал, показывая на кинооператора. Как поняли моряки, он предлагал им улыбаться, чтобы кинооператор мог заснять их радостно приветствующими японского офицера. Но советские моряки повернулись спиной, к кинооператору, как только тот начал съемку. Офицер с досадой махнул рукой, и кинооператор, пятась, скрылся. А русских окружили вооруженные японские матросы и повели их к берегу. Вскоре всех перевезли на военный корабль и бросили в темный трюм.

На следующую ночь пленники почувствовали, что корабль куда-то идет.

Несколько раз Марк Друт и Иван Байдаков пытались подняться на палубу, чтобы по звездам определить курс корабля, но часовой не выпускал их наверх.

Прошли еще сутки, в трюм спустился японский матрос и приказал всем выходить. Моряки поднялись на палубу, осмотрелись.

Слева тянулась длинная отмель. За нею черной стеной поднимался утес с черными силуэтами пальм на нем. Всем это место показалось очень знакомым.

— Да ведь это Натуна! — воскликнул Марк Друт.

И он не ошибся. Это действительно был остров Большая Натуна. На рассвете всех высадили на остров.

Малайцы радостно встретили моряков. Датук принес целую корзину кокосовых орехов. Японский офицер подошел к Амиру и долго кричал на него. Он строго-настрого наказал следить за русскими, чтобы они не убежали. Вскоре японский корабль ушел.

Последующие два месяца жизни на острове были особенно тяжелыми. Малайцы, правда, попрежнему хорошо относились к русским, снабдили их продуктами, поселили опять в прежней хижине, вернули Олейникову его кастрюлю.

Но на острове было необычайно тихо. И жителей встречалось мало.

— А где же ваши люди? — спросил как-то Бударин.

Датук пригладил прямые жесткие волосы и долго молчал. Его желтое скуластое лицо выражало столько печали, что всё ясно стало и без слов. Оказалось, что японцы насильно увезли с острова многих малайцев для каторжных работ в рудниках.

— Плохо, очень плохо стало у нас, — вздохнув, заключил Датук.

26. В ТЮРЬМЕ

Через несколько месяцев к острову вновь пришел японский военный корабль. Всех советских моряков посадили в шлюпки и перевезли на корабль.

Шлюпки еще несколько раз ходили на берег, возвращались они, нагруженные каучуком, кокосовыми орехами, бананами.

Под вечер корабль снялся с якоря и пошел на юго-запад.

Моряки с грустью смотрели на остров, на его скалистые берега и розовеющие в отблеске вечерней зари коралловые отмели. Стало прохладнее, и накаленная солнцем палуба корабля уже не обжигала подошвы босых ног.

На вторые сутки, сидя в трюме, все услышали грохот отдаваемого якоря. Оказалось, что корабль прибыл в Сингапур.

Когда моряков увозили с территории порта, Илья Бахирев заметил возле кинотеатра невысокие елочки в кадках.

— Смотрите, елочки! Как наши! Зеленые! — радостно воскликнул он.

Все повернули головы, и у людей потептели глаза. Их до глубины души взволновали эти ничем не примечательные елочки в кадках. Люди увидели в этих деревьях что-то родное и близкое. У Дуси даже слезы показались на глазах, и она их торопливо вытерла, проговорив:

— Фу ты, какая-то пыль в глаза попала...

Моряков привезли на окраину города и посадили в тюрьму. Здесь находились военнопленные англичане, американцы, голландцы. Они снабдили русских кое-какой одеждой. Через три дня всех русских моряков отправили в Джахар, севернее Сингапура.

Машина бежала по блестящей асфальтированной дороге. Проехали мост. Потянулись сады, богатые виллы. Везде расхаживали японские офицеры. Но вот показались голые, пустынные места. Моряков отдали под надзор военной комендатуры. Посадили их в такое тесное помещение, что буквально нечем было дышать. Першило в горле. Оказалось, что пол и стены помещения были обсыпаны молотым перцем.

— Да что они, очумели! Ведь дышать нечем! — сказал Олейников. — Видно, раньше тут был склад перца.

Бударин подошел к двери и начал колотить в нее. Когда часовой открыл дверь и заглянул в помещение, он тут же начал чихать.

Бударин потребовал позвать коменданта.

Тот вскоре прибыл, выслушал очень вежливо протест моряков и заявил с улыбочкой:

— К сожалению, нет другого помещения. Очень много скопилось военнопленных англичан и американцев.

— Но мы не военнопленные, мы моряки с потопленного советского парохода, — настаивал Бударин. — Сообщите о нас в Токио нашему послу.

Но офицер был невозмутим.

— Я буду докладывать начальству, — спокойным тоном сказал офицер и ушел.

Несмотря на энергичные протесты, ничего добиться не удалось. Правда, комендант разрешил изредка выходить на прогулку. Выйдя на прогулку, моряки достали ведра, принесли воды и обмыли все стены. В помещении стало легче дышать.

Почти каждый день моряков водили на допрос. Им предлагали подписать какие-то бумаги, очень любезно угощали сигаретами, вкрадчиво спрашивали:

— Не помните, голубые были звезды на плоскостях самолетов, потопивших русский пароход «Перекоп»?

— Нет, на самолетах были японские опознавательные знаки — красные круги.

И вновь моряков отправляли в опостылевший лагерь. Люди кашляли, из-за сильного истощения постепенно превращались в тени.

Но вскоре пришла радость: от пленных англичан узнали, что в районе Сталинграда были окружены и разгромлены две гитлеровских армии.

Пленников оставили в покое и больше не вызывали на допрос.

Однажды пришел офицер и, улыбаясь, сообщил:

— Я докладывал начальству. Здесь действительно помещение нехорошее. Теперь переведем вас в Сайгон.

27. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Первым заметил вновь прибывших Женя Бердан.

— Наших привезли, Борис Александрович, смотрите кто прибыл! — закричал он и побежал к воротам.

Из грузовой машины высаживались на мостовую те раненые, которых увез голландский летчик. До сих пор остальным ничего не было известно об их дальнейшей судьбе.

Анна Николаевна прихрамывала, по ее щекам текли слезы, остальные выглядели сравнительно неплохо. Все обрадовались тому, что теперь наконец-то собрались вместе.

В эту ночь никто не мог уснуть. Андрианов рассказал о злоключениях, которые испытали раненые моряки после вылета на голландском самолете с острова Большая Натуна.

Самолет доставил моряков в город Понтианак на острове Борнео. Городок небольшой, с шумным восточным базаром. Дома в нем деревянные, на сваях, утопают в зелени. Вдоль главной улицы вырыты каналы. Жители передвигаются по ним на лодках.

Русских поместили в госпиталь. Там оказалось много раненых, так как японцы часто бомбили город.

Врач-голландец не скрывал своей симпатии к русским. Тем более хорошо относился к ним обслуживающий персонал из малайцев и китайцев. Только пастор люто ненавидел всех. Его побаивался даже врач. Однажды врач украдкой от пастора показал Андрианову голландскую газету с маленькой заметкой о потоплении японцами советского парохода «Перекоп» вблизи острова Большая Натуна.

Узнав, что в госпиталь привезли русских, туда приходили местные китайцы, приносили в подарок морякам связки бананов и другие фрукты. Пришел проведать их и чех Ян Эдвард Рихард — владелец маленькой гостиницы. С ним легко было разговаривать, так как он знал немного русский язык. Да и многие чешские слова были понятными без перевода. Рихард был общительный и подвижной человек с ясными, живыми глазами. На висках у него поблескивала седина. Он говорил, что ненавидит гитлеровцев и давно уже живет на Борнео, а раньше жил на острове Ява. Приходилось ему работать поваром и батраком на каучуковых плантациях, кулинаром; сейчас он стал владельцем гостиницы на восемь номеров.

Через несколько дней городок был занят японцами.

Однажды врач сообщил Андрианову, что чех Рихард — хозяин гостиницы «Прага» — согласен взять всех четверых русских моряков к себе жить.

— Дальше вам нельзя оставаться в госпитале. Японцы часто увозят отсюда европейцев и расстреливают их. Они везде кричат: «Азия для азиатов!» Да и пастор с японцами уж очень дружен. А он вас ненавидит, — сказал врач.

— А вы сами остаетесь здесь? — спросил Андрианов.

— Я не могу оставить больных.

В тот же день вечером все четверо перешли в гостиницу «Прага».

Гостиница была маленькой, и в ней останавливались приезжавшие с других островов моряки и рыбаки.

Сначала, несмотря на просьбы моряков, Рихард даже не разрешал им работать. «Поправляйтесь», — говорил он. Затем, узнав, что Анатолий Михневич машинист, хозяин гостиницы очень обрадовался и предложил русским перебраться и привести в порядок станок для изготовления конфет.

— У вас, русских, теперь всюду машины, справитесь.

Моряки с охотой принялись за работу. Рихард работал вместе с ними.

Анна Николаевна производила только уборку гостиничных номеров, где жили свои моряки.

Ян Эдвард Рихард любил поговорить.

Однажды он рассказал морякам историю своей жизни. Еще в дни своей молодости он сделал предложение богатой девушке. Невеста оказалась алчной к деньгам и не мыслила себе жизни без богатства. И Рихард уехал на остров Ява — зарабатывать деньги.

Конфет там тогда еще никто не делал, и Ян, работавший у себя на родине кондитером, стал готовить конфеты и разные сладости. Ему удалось приобрести примитивный станок.

Дело оказалось прибыльным. Все заработанные деньги Ян переводил своей будущей жене. Так длилось много лет. Наконец был сделан последний перевод к обусловленной в брачном договоре сумме. Рихард тотчас же выехал в Прагу... Там жениха «не узнали» и выставили за дверь — у невесты давно был другой, более подходящий муж.

Обманутый Рихард вернулся на Индонезийские острова и обосновался в городе Понтианак. Пришлось вновь начинать с работы батраком, позднее он стал кондитером. Но разве можно было ему теперь конкурировать с фабрикантами!

Рихард, закурив, выпустил дым и, глядя на рассеивающееся облачко, печально заметил:

— Вот так и гонялся я всю жизнь за богатством. А на старости лет остался ни с чем. Всё рассеялось, как дым, — горько улыбнувшись, заключил Рихард. — Нет счастья, и молодость не вернешь. У вас всё по-другому. Вы верите, что будете счастливы, вернувшись домой. — Помолчав, Рихард продолжал: — Закончим ремонтировать станок — поедем в глубь Борнео, там дешевле участки. Думаю с вашей помощью завести себе ферму. А когда освободят Чехословакию от немцев, вернусь на родину...

Как-то раз наши моряки оказались свидетелями казни, организованной японцами. Всё население городка было согнано японцами на берег реки. Вскоре туда привели группу пленных английских и голландских летчиков. Руки у них были связаны за спиной. Среди летчиков моряки узнали и того голландского офицера, который на самолете вывез их с Большой Натуну.

Японцы поставили пленных на колени лицом к воде. Затем офицер, обращаясь к малайцам, закричал что-то, и летчиков зверски обезглавили, а трупы столкнули в воду.

Казнь произвела на всех тяжелое впечатление...

Однажды из глубины острова Борнео в город прибыла группа даяков. Это — вымирающее племя. Даяки были в набедренных повязках, орнаментированных камнями и металлическими блестками. На руках и ногах они носили браслеты из белого металла. У них были луки и колчаны, полные стрел.

Японцы увели даяков в свою резиденцию... А потом стало известно, что некоторых из них они посадили в железные клетки и отправили

в Токио. Остальных даяков вывели в пальмовую рощицу за городком и отрубили им головы. В газетах же японцы опубликовали сообщение, будто по медицинскому заключению все пришедшие в город даяки оказались неизлечимо больны и представляли опасность для жителей острова.

На чердаке гостиницы «Прага» моряки с помощью Рихарда установили радиоприемник и слушали Москву, Хабаровск и Владивосток. Когда же японцы сделали обыск и забрали приемник, сведения о событиях в мире приносил малаец Санд — друг Рихарда.

Андрианов уже несколько месяцев ходил к японцам и добивался отправки их к советскому консулу в Токио или в Советский Союз. Но всё безрезультатно.

Как-то Санд сообщил, что в порт пришло прао с двумя китайцами. С ними можно было уехать в Сингапур. Незадолго перед этим в городок приехал новый комендант. Ян Рихард посоветовал Андрианову сейчас же итти к нему.

— А если не разрешат уехать, оставайтесь у меня до конца войны, — предложил он.

Комендант принял Андрианова, долго рассматривал его и велел притти через неделю и принести по два гульдена за каждого человека. Через неделю паспорта с разрешением выезда во Владивосток через Сингапур были получены.

Комендант, потирая руки, хвастливо говорил:

— Видите, как велика императорская Япония! Я выдаю вам паспорта для поездки с Борнео через Сингапур во Владивосток. Борнео, Сингапур, Маньчжурия — везде Япония... Эти паспорта будут годны целых десять лет, — любезно добавил он... — Это выдаю я — японский императорский офицер.

Шкипер небольшого судна китаец Ли Сань-мо также попросил написать бумагу, в которой было бы указано, что он имеет право взять с собой русских и доставить в Сингапур... Была получена и такая бумажка.

Рихард снабдил моряков питанием на дорогу и дал сто гульденов, чтобы заплатить за проезд.

Прощаясь с ними, он сказал:

— Оставайтесь-ка лучше у меня до конца войны... В море теперь беспокойно. Хватит вам испытывать судьбу... Впрочем, вы в судьбу не верите, — засмеялся он. — Ну, желаю вам счастливого пути!

Суденышко оказалось так загружено, что морякам совершенно негде было поместиться. Но шкипер Ли Сань-мо заявил:

— Вы — русские, а русских я уважаю, — и отвел их в маленький кубрик, где жили и оба китаецца.

Путь был далек и опасен: в это время года на море часто бывают штормы.

Однако первые шесть суток погода благоприятствовала плаванию. Но на седьмые сутки джонка попала в жестокий шторм. Волны захлестывали суденышко. Моряки не успевали черпаками вычерпывать воду. К счастью, показался островок Тамбелана, и они укрылись в одной из его бухточек, где и отсталивались всё время, пока бушевал шторм.

На двенадцатые сутки на пути джонки, плывшей под одним парусом на запад, встала целая группа маленьких островов. А их не должно было здесь быть.

— Мало-мало заблудились, — сказал Ли Сань-мо, подойдя к Андрианову.

— Нет ли у вас какой-нибудь карты этого района?

— Сейчас, сейчас!

Нашлась английская карта района, прилегающего к Сингапуру и Суматре. Оказалось, что джонку снесло в сторону Суматры.

Определившись, они пошли от острова к острову и через двое суток благополучно пришли в Сингапур. Но в Сингапуре моряков схватили японцы. Японский офицер, увидев у них паспорта, тут же изорвал их в мелкие клочья. Затем он начал допрашивать каждого.

— А потом нас привезли сюда... Вот мы и встретились, — закончил Андрианов.

В свою очередь моряки рассказали товарищам, как они прожили это время на острове Большая Натуна.

Вдали виднелись исхлестанные дождем пальмы. И сердце каждого тосковало по северу, по Родине.

Через шесть месяцев всех наших моряков перевезли в Сайгон.

28. НА ЯПОНСКОМ КОРАБЛЕ

Советское правительство решительно потребовало от японских властей возвращения на Родину моряков с парохода «Перекоп».

Пока шли переговоры, советские моряки жили в Сайгоне за колючей проволокой. В помещении было тесно, негде повернуться. Что происходило за пределами лагеря, — они не могли видеть. Но отголоски событий на фронтах Великой Отечественной войны достигали и этой тюрьмы. Однажды во дворе японский солдат ломаным русским языком сообщил молодым морякам об отступлении немецкой армии.

Вечером того же дня морякам принесли бульон, рыбу, кофе и даже несколько бутылок пива.

Моряки переглянулись между собой:

— Что это значит? Не провокация ли?

Пива не тронули.

Пришел офицер и спросил, почему русские не пьют пива? Ведь их угощают офицеры японской императорской армии.

— Сообщите советскому консулу о нас, — потребовали моряки.

Офицер ничего не ответил и ушел. А на следующий день моряков вывезли из лагеря и посадили на корабль.

Поднимаясь по трапу, Бударин, Бахирев и Андрианов переглянулись между собой. Моряки не знали, куда их повезут. Возможно, опять высадят на Большую Натуну и оставят там на произвол судьбы.

На палубе они увидели знакомого японского офицера — Мацубару. Мацубара сперва с безразличным видом отвернулся, но затем подошел ближе к советским морякам.

— Здравьете, знакомые!.. Опять встретились.

Илья Бахирев взглянул презрительно на Мацубару и отошел от него. Бударин поддерживал под руку Анну Николаевну. Погребной, еле державшийся на ногах от истощения, помогал идти больному матросу.

Вдали зеленели берега, виднелись пальмы и высокий бамбук. В долинах выделялись маленькие квадратики рисовых полей. Солнце нещадно палило. На ботдеке под натянутым тентом стояли японские офицеры и смотрели на русских. Раскаленная солнцем палуба обжигала ноги. Море, отражая солнечные лучи, слепило глаза.

Загрохотала выбираемая якорь-цепь. Японские матросы ловко исполняли работы.

Советские моряки наблюдали, как проходит отшвартовка.

— Быстро работают, но наши матросы ловчее, — заметил Буда-

рин. — Эх, соскучился я о сыновьях. Двое у меня... А может, скоро сами начнем плавать, а?..

Море словно дышало. Корабль шел быстро. За кормой оставался белый след вспененной воды. Морьякам приказали перейти в трюм.

— А не собираются они потопить нас в море, чтобы замести следы? — спросил Бахирев.

— Нет, не думаю. Мацубара уж очень любезен, — возразил Бударин.

— Знаем мы японцев, — улыбаются, а что у них на душе — не поймешь.

Трюм кишел крысами. Воздух был раскален так, что люди, особенно больные, дышали с трудом. Многие теряли сознание.

— Будем, товарищи, надеяться на лучшее, — успокаивал своих друзей Бударин.

Вскоре в трюм спустились японские солдаты. Они принесли воды, угостили морьяков сигаретами. Один из солдат немного говорил по-русски. Он задержался в трюме и тихо сказал Бударину:

— Сейчас русские везде наступают... Они храбрые солдаты.

Оглянувшись, солдат добавил, что многие японские солдаты ждут, чтобы война скорее кончилась и они смогли бы заняться своим делом. Этот солдат прежде был рыбаком и не раз встречался с русскими.

Солдат поднялся из трюма.

— Теперь всё ясно, — сказал Бударин, проводив его глазами. — Если уже солдаты знают о большой победе под Сталинградом, то японцы не посмеют что-либо сделать с нами. Ясно и то, что японские солдаты думают о мире, а не о войне...

— Корабль идет на север. Я ночью узнал это по звездам, — сказал капитан Демидов.

Сообщение капитана вызвало общее оживление, начали высказывать различные предположения. Все думали о скором возвращении на Родину. Многие вспоминали свои семьи, жен и детей.

— Почти два года прошло. Да меня дочки теперь не узнают, — говорил Марк Друт.

— А Илья Бахирев, верно, кокосовый орех сыну везет.

— Это водяные часы. Датук мне подарил, — сказал кочегар.

Развязав свой узелок, он достал голубую детскую рукавичку, которая прошла с ним путь по всем тюрьмам.

— А как там, на западе? Мои дети остались на оккупированной территории, — сказал кто-то в дальнем углу. — Радостно узнать, что наступают наши.

Илья Бахирев почему-то вспомнил малайскую девочку Ласу, которую застрелил японский офицер на острове Большая Натуна.

За бортом беспокойно шумела вода.

Через несколько дней загредел отдаваемый якорь, послышался топот ног на палубе. Все замолчали прислушиваясь. Вскоре морьякам приказали выходить наверх. Все переглянулись. Куда же их привезли и для чего? Может, это — конец?

Поднялся капитан Демидов, молча оглядел морьяков и первым спокойно пошел к трапу. За ним на палубу поднялись Бударин, Погребной и другие морьяки.

Корабль стоял на рейде. Вдали на острове виднелся город с трехэтажными домами и множеством балконов. Это был порт Гонконг.

Со всех сторон корабль облепили китайские джонки. На палубе началась торговля рисом. Японский боцман продавал китайцам куль за кулем. Поднялся гвалт, крик. Тут же стоял старший помощник капи-

тана — низенький и толстый японец. В течение часа было продано до двухсот тонн риса. Боцман собрал серебряные деньги в мешочки и вместе со старпомом ушел в каюту.

Корабль прошел дальше за остров и пришвартовался у причалов Каулуна.

Моряки сидели на палубе и смотрели на гору Виктория. Многие японские офицеры и солдаты уехали на рикшах в увеселительные заведения.

На пароход прибыл какой-то чин из японской жандармерии и прямо на палубе стал чинить суд и расправу. Он кричал, а старший помощник капитана униженно кланялся ему и оправдывался в чем-то. Разговор шел на японском языке, но смысл его был ясен: речь шла о рисе и деньгах. Затем жандарм начал хлестать по щекам старпома. Делал он это не торопясь, размеренно и методично.

Старпом крикнул что-то боцману. Тот, кланяясь, скрылся в каюте и скоро принес полмешочка серебряных монет. Увидя это серебро, жандарм пришел в еще большую ярость и стал бить боцмана. Тот униженно кланялся, но молчал.

— Ишь, честный жандарм, за взятку бьет, — сказал Бахирев.

— Или за то, что ему мало дали, — отозвался Бударин.

Видя, что из боцмана ничего больше не выколотишь, жандарм опять принялся хлестать по щекам старшего помощника. Тот вновь послал боцмана в каюту. На этот раз он принес уже полный мешочек серебра. Жандарм этим не удовлетворился. Сцена повторилась еще несколько раз, пока перед жандармом не оказались три с половиной мешочка серебра — то есть вся выручка. С ботдека за действиями жандарма с холодным спокойствием наблюдал капитан парохода. Впрочем, с каждым новым мешочком серебра лицо японского капитана всё больше вытягивалось.

Принесенные боцманом деньги жандарм разделил пополам: одну половину он взял себе, а другую небрежно оттолкнул ногою к старпому и удалился весьма довольный.

— Приемка судна японскими властями закончилась, — сказал Бакалов.

Моряки рассмеялись.

— Одни грабят завоеванные районы, а другие обирают своих же воров. Вот тебе, Илья, и честный жандарм.

Четвертого июля 1943 года пароход, на котором находились советские моряки, вошел в широкую дельту реки, текущей среди низменных берегов. По реке плыли китайские джонки под прямыми парусами на бамбуковых реях, медленно двигались среди судов сампаны с целыми семьями на борту. Вдали виднелись высокие дома Шанхая.

Пароход пришвартовался к причалу.

Яркое солнце, зеленые деревья, желтые черепичные крыши с загнутыми углами, крики рикш. Доносилась тягучая музыка, удары барабана.

Моряки начали сходить на берег. Мацубара, стоявший у самого трапа, улыбаясь, произнес:

— Теперь до свиданья!

Моряки ему не Ответили. Один за другим сходили они на причал и тут остановились, изумленные и обрадованные.

На причале стоял советский автомобиль «ЗИС», а рядом с ним — автобус с родным алым флажком на радиаторе. Возле автомобиля, держа в руке шляпу, прохаживался седой мужчина в светлом костюме.

Моряки стояли и неотрывно глядели на просвеченный солнцем алый флажок. У многих на глазах были слезы. По одному взгляду на них человек, ждавший их у советской машины, понял, сколько выстрадали и перенесли эти одетые в лохмотья и босые люди. Он быстро подошел к ним и сказал на родном русском языке:

— Здравствуйте, товарищи! Вы моряки с «Перекопа»? Я — советский консул.

Вместо ответа раздались всхлипывания женщин. У мужчин спазмы перехватили горло...

— Не нужно волноваться. Теперь уже скоро попадете домой. Поедете отсюда на Родину, — успокаивал их консул. — Кто из вас, товарищи, капитан Демидов и первый помощник Бударин?

Демидов и Бударин подошли к консулу.

— Это все люди?.. А было-то вас сколько? — спросил он.

— Восемь человек убиты во время японского обстрела и гибели судна. Остальные все здесь.

— Хорошо, что сохранили людей, — тоже взволнованный этой встречей, сказал консул. — Слухи о вас дошли до Австралии, а оттуда сообщили в Москву. Было ясно, что на островах живут советские моряки... Наше правительство приняло все меры, чтобы поскорее вернуть на Родину команду «Перекопа».

О, Родина! В тяжелые дни испытаний ты не оставила своих детей в беде, вырвала их из плена на далеком острове. Морякам стало теперь понятно, почему был так «любезен» с ними циничный убийца Мацубара. Он боялся советских людей, показавших свое непревзойденное мужество и стойкость у стен Сталинграда, на берегах великой русской реки Волги.

О, Родина! Чувство глубочайшей любви к тебе особенно понятно тем, кто так долго был от тебя вдали...

29. НА РОДИНУ

Закончив в порту все формальности, консул пригласил моряков садиться в автобус.

И вот уже порт позади. Машины мчались по улицам Шанхая, и моряки с интересом разглядывали город. На левом берегу реки высились заводы и огромные серебристые резервуары нефтяных компаний.

По улицам, освещенным разноцветными бумажными фонариками, бежали рикши. В колясках восседали высокомерные японские офицеры и китайские богачи в черных или белых шелковых халатах. Светились иероглифами вывески магазинов и ресторанов. А рядом, на притоке Янцзы—Хуанпу, были целые городки сампанов, в которых рождалась и умирала городская беднота.

Со звоном пробежал трамвай.

Проехав двухпролетный мост и набережную вдоль реки, машины остановились перед домом советского консульства. Среди зелени виднелось строгое здание с балконом и алым флагом над высокой башенкой.

Несколько часов ушло на то, чтобы привести себя в порядок — помыться и побриться. После двух лет жизни на острове Большая Натуна и долгих скитаний по японским тюрьмам приятно было вновь надеть приличную одежду вместо лохмотьев и почувствовать, наконец, себя дома в уютной обстановке консульского помещения.

Моряков осмотрел врач.

— У всех крайнее истощение, — доложил он консулу.

Прежде всего моряки просили рассказать им о положении дел на фронтах Великой Отечественной войны. Ведь с 18 декабря 1941 года они пользовались лишь отрывочными сведениями.

Все очень обрадовались, узнав об успешном наступлении советских войск на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Люди жадно набросились на газеты.

Консул пригласил всех к столу.

— Врач советует вам есть сначала понемногу, зато почаще, — с улыбкой сказал он.

На столе лежал настоящий хлеб, которого моряки не видели со дня гибели судна.

...Пошел четвертый месяц с момента прибытия команды «Перекопа» в Шанхай, а японцы всё еще не дали разрешения на поездку моряков через Маньчжурию.

Шестого ноября 1943 года все моряки вместе с работниками консульства собрались у радиоприемника. Радист Плиско настраивал его на волну московской радиостанции.

И вот, когда над Шанхаем уже стояла глубокая ночь, раздался спокойный голос Иосифа Виссарионовича Сталина:

«— Товарищи! Сегодня народы Советского Союза празднуют двадцать шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий раз наша страна в обстановке Отечественной войны отмечает годовщину своей народной революции...»

Моряки были настолько взволнованы, что спазмы подкатывали к горлу. Люди сдерживали дыхание, боясь пропустить хотя бы одно слово. Все вытирали слезы, слезы радости.

Над Шанхаем забрезжил рассвет, но никто не уходил от приемника...

Только четырнадцатого ноября моряки распрощались с гостеприимным домом советского консула. На пароходе они выехали в порт Дальний. Из Дальнего поезд повез моряков на север. За окнами мелькала плодородная равнина. Вдали поднимались синие горы. Трава уже порыжела. Но в низинах еще зеленели акации.

Мукден. В сине-черном дыму потянулись бесконечные склады, цехи заводов с рыжими стенами.

Затем остался позади и Харбин. Пошли деревни с глинобитными фанзами, крытыми рисовой соломой или серой и красной черепицей.

Покачиваясь, поезд мчался дальше и дальше на север.

Горы и холмы опять начинают сменяться степью, домиками, зарослями леса.

Около Читы впервые за два последних года моряки увидели снег, шумно порадовались его ослепительной белизне.

Дышалось легко. Свои, родные люди и русские дома, и снег, и березы, и ели, и морозный воздух радовали моряков. И всё пережитое ими

На острове казалось теперь далеким, кошмарным сном.

На запад шли встречные эшелоны. Вот легендарная Волочаевская сопка с меркуровской скульптурой красноармейца, разбивающего прикладом проволочные заграждения. Широкий Амур и величавый многопролетный мост через реку. Город Хабаровск... А еще через сутки показались сверкающие воды Амурского залива и дома родного Владивостока. Из порта доносился грохот судовых лебедок. У причалов раз-

гружались свои, советские пароходы. Над бухтой Золотой Рог раскинулось чистое ясное небо.

После встречи с родными моряки направились к памятнику Ленина в городском сквере, откуда хорошо был виден порт. На сером граните пьедестала четко выделялись ленинские слова: «Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький...»

Погребной по дороге купил в киоске свежий номер «Красного знамени», развернул газету и задумался, глядя на дату — 25 ноября 1943 года.

А Бударин то смотрел на жену, то обнимал и целовал сыновей, ласково ероша их волосы. Все счастливо улыбались.

30. ЭПИЛОГ

Однажды осенью 1953 года, через десять лет после описанных здесь событий, на квартире Ильи Бахирева во Владивостоке собрались моряки с «Перекопа». Многие из них стали теперь капитанами, штурманами, механиками.

Из окна квартиры открывался чудесный вид на бухту Золотой Рог. Порт жил своей кипучей жизнью. У причалов высились белые громадины пассажирских судов. Швартовался загруженный до ватерлинии пароход «Родина». А в море уходил новый пароход, на флагштоке которого гордо реял алый флаг. И назывался этот пароход «Перекоп».

— Живет, плавает наш «Перекоп»! Прав был тогда Бударин, — воскликнул взволнованный хозяин.

И все вспомнили давно пережитое.

Помянули моряки добрым словом старшего механика Погребного, погибшего в 1945 году. Помянули и трагически погибшего Бударина, вспомнили капитана Демидова, который теперь плавает где-то на Балтике. Вспомнили и своих островных друзей, трудолюбивых малайцев, которые еще борются за свою свободу и независимость и добьются свободы, как это сделали их братья в Китае и во Вьетнаме.

Многое с тех пор изменилось в мире. Миллионы людей в Азии ясно увидели зарю новой, свободной жизни.

Пароход «Перекоп», выйдя в пролив Босфор восточный, взял курс на север. А море тихо дышало. На берег, усыпанный галькой, с плеском набегали прозрачные волны, пронизанные солнечными лучами.

Марк Сергеев

У НАС НА БАЙКАЛЕ

ВETERАН

Где Байкал крутые волны катит,
Где прибой от пены бородат,
На причале стал рыбацкий катер —
Демобилизованный солдат.

У него на палубе зеленой,
Полинявшей от морской воды,
Как на гимнастике от полонов —
От орудий темные следы.

Он в боях немало поработал,
И теперь ему не привыкать
На Байкале до седьмого пота
День-деньской с волною воевать.

И с особой дружескою лаской,
В знак его заслуг, трудов и ран,
Кто-то вывел бронзового краской
На борту у носа: «Ветеран».

Лишь проснется солнце наливное, —
Станет за пустующий штурвал

Мой приятель Колька Бороноев.
Правда, он в боях не побывал.

Он еще пройдет дорогой длинной
И поспорит не с одной бедой:
Рифы, словно вражеские мины.
Головы подымут над водой,

Хищные метели и бураны
Не дадут ни охнуть ни вздохнуть.
Ледяные горы-великаны
Белой грудью загородят путь.

Но, рожденный на земле героев,
Сызмалу испытанный моряк,
Не сробеет Колька Бороноев...
А пока, едва растает мрак, —

На заре он держит путь к бригадам.
Всё мечтая выйти в океан.
Носит он на зависть всем ребятам
Бескозырку с лентой «Ветеран».

ПЕСНЯ

Под вечер в полуторке тесной
С избытком людей набралось.
С протяжной сибирскою песней
Мы ехали в дальний колхоз.

А песня звенела печалью,
Рожденной в далеких годах:
«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах»...

Я злую бродяжью судьбину,
Тоску бесконечных дорог
Представить хотел. Но картину
Такую представить не мог.

Где беглый, судьбу проклиная.
Ташился с сумой на плечах, —
Пшеницы краса наливная
Алела в закатных лучах.

И, золото роя в откосах,
У горной студеной реки,
Вода бушевала в насосах.
Дробила породу в куски.

Раздвинуло ночь перед нами
Электроогнями село...
А песня? А песня лишь память
О том, что навеки ушло.

Ся Янь

ИСПЫТАНИЕ

Пьеса в 5 действиях, 6 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- ДИН ВЭЙ — директор завода «Синьхуа», 37—38 лет. Среднего роста. Густые брови, крупные глаза. У висков пробивается седина.
- ЧЖЭН Ю-ЦИН — его жена, свыше 30 лет. Среднего роста. Слегка выражена полнота. Одета в форменную одежду кадровых работников.
- ДИН СУН — их дочь, около 15 лет. Одета в светлозеленую кофту и темносиню юбку, две коротких косички. Быстрая, энергичная.
- ЯН ЧЖУН-АНЬ — помощник директора завода «Синьхуа», около 40 лет. Холерический характер. Начинает полнеть. Голос высокий.
- СЕ ВЭИ-ДЭ — начальник цеха, около 40 лет. Сидит. Одет в одежду кадровых работников. Чист, опрятен.
- СЮЙ ДА-МИНЬ — помощник начальника цеха, 28—29 лет. Высокий, худой. В глазах юношеский задор. Носит очки.
- ЦЯНЬ ПЭИ-ЧЖЫ — главный инженер, 55—56 лет. Почти седой. Крепок.
- Юй ЦЗЯ-ХУА — секретарша, 23 года. Одета в форму кадров и темносиней юбке.
- ВАН ХОЙ — жена Ян Чжун-аня, 33 года. Невысокого роста. Уставшая.
- ФАН КЭ — секретарь партийного комитета завода, более 40 лет. Выглядит молодо.
- МА СЯО-БАО — бригадир, свыше 50 лет. На вид крепок.
- ХЭ ФУ-ЦИН — помощник начальника цеха, 30 лет. В промасленной, грязной рабочей одежде.
- ЧЖУ ФАНЬ — служащий.
- РАССЫЛЬНЫЙ.

Время действия — 1953 год.

Место действия — промышленный город «Н».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Весна 1953 года. Последняя декада марта. Вечер. Квартира Дин Вэя. В центре задней стены — окно. Перед окном письменный стол. Кушетка старого типа. Справа книжная полка, чайный столик, прочая простая мебель. Слева у стены небольшой письменный стол — место занятий дочери Дин Вэя. Впереди круглый стол, стулья, прочее.

При открытии занавеса сцена пуста. Свет луны через окно падает на письменный стол Дин Сун. Слышен звонок голос Дин Сун и ее шаги. Затем она входит с букетом распустившихся персиковых цветов. Поет. Ставит букет в вазу.

Входит Дин Вэй, через руку перекинута верхняя одежда, вешает одежду на спинку стула. Дин Сун поет.

ДИН ВЭЙ (*садится, вынимает сигарету, обрывает дочь*). А мама? Нигде не вижу.

ДИН СУН. Пошла в детсад. (*Из проволочного сачка вынимает стеклянную банку, наполненную насекомыми.*)

Входит молодой рассыльный с запиской в руках. Дин Сун подходит к нему.

РАССЫЛЬНЫЙ. Только что был начальник отдела Ли, оставил для вас вот эту записку. (*Подает записку. Уходит.*)

Дин Сун берет записку, свернутую углом, разворачивает, читает.

ДИН СУН. Я сама прочитаю тебе. Это ведь не секретно. (*Становится рядом с ним, читает.*) «Товарищ Дин Вэй, заходил повидаться с тобой, но вы, пользуясь хорошей погодой, гуляли в парке. Заходил, чтобы сообщить новость: просьба твоя удовлетворена. Согласны направить тебя на завод. Необходимо там наладить работу. Документы оформляются. Если на ваших курсах всё пойдет быстро, надеюсь — на следующей неделе доложишь о прибытии».

Дин Вэй возбужден, хочет заглянуть в записку.

ДИН ВЭЙ (*про себя*). Наладить работу на заводе.

ДИН СУН. Ты будешь налаживать работу на заводе?

ДИН ВЭЙ. А почему ты смеешься? Разве я — не справлюсь?

Дин Сун возвращается к своему письменному столу, приводит в порядок коллекцию.

ДИН ВЭЙ (*про себя*). Быстро дело решилось.

ДИН СУН (*с обидой отцу*). Я же просила тебя сачком ловить бабочек, а ты рукой. Вот, смотри, какая большая бабочка, а из-за тебя крылья поломаны.

ДИН ВЭЙ. Это ты с сачком носилась за бабочками — даже лоб вспотел, а ни одной не поймала. А я рукой — ррраз! — и готово! (*Наблюдает за ней.*) Одинаковые бабочки — чего же с ними возиться.

ДИН СУН. Одинаковые? Вот и не одинаковые. Это же репница. Задние подкрылышки у нее круглые, а здесь тянутся продолговатые подкрылышки. Называется это большой мотылек! (*Капризно.*) Одинаковые?

ДИН ВЭЙ. О! А еще тут какие особенности?

ДИН СУН. Много всяких особенностей.

Дин Вэй, наблюдая за тем, как дочь, волнуясь, возится со своей коллекцией, садится за письменный стол, вынимает сигарету.

Через минуту Дин Сун, видимо проголодавшись, выбегает в другую комнату, выносит слоеное печенье, несколько кусочков подает отцу.

ДИН ВЭЙ. Ведь только что насекомых руками хватала. Где же гигиена?

Дин Сун, улыбаясь, берет полотенце, вытирает руки.

ДИН ВЭЙ. Сун!

ДИН СУН. Я!

ДИН ВЭЙ. Покажи мне свою тетрадь по алгебре.

ДИН СУН. Что, задача не получается, да?

ДИН ВЭЙ. Кто сказал, что не получается! Вчера вечером все двадцать упражнений сделал.

ДИН СУН. А зачем же тебе моя тетрадь?

ДИН ВЭЙ. Сверить немножко хочу.

ДИН СУН. Обманываешь меня. В квадратных уравнениях всё просто. Надо только найти икс! Правильно — значит правильно, а непра-

вильно, значит — неправильно. *(Озорно.)* Я знаю — не получается. Так ведь? Тогда еще поупражняйся, а попозже я тебя поучу.

ДИН ВЭЙ *(с горькой усмешкой)*. До чего ж ты вредная.

ДИН СУН *(задумавшись)*. Папа, а для чего ты алгебру учишь? Мама смеется над тобой, говорит: «Нашел под старость лет заботу!»

ДИН ВЭЙ. Ничего ты не понимаешь. Математика — это ключ к дверям любой науки. И тебе надо как следует изучать ее. Пусть ты будешь биологом, пусть мать считает, что ты станешь певицей. Всё это хорошо. Но математика — самый лучший помощник из всех научных средств. Поняла? Если в детстве не заложишь основы...

ДИН СУН *(капризно)*. Ну вот, а я, видно, плохо учусь. На этих экзаменах...

Внизу слышны голоса.

ДИН ВЭЙ. Мама вернулась.

ДИН СУН. А с кем она разговаривает? *(Направляется к двери.)*

Появляются Чжэн Ю-цин и Ян Чжун-ань.

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(открывает двери)*. Дин, ты чувствуешь, кто пришел?

ДИН ВЭЙ *(устремляется вперед, глаза блестят, крепко пожимает руки)*. О, старина Ян!

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(горячо, обеими руками трясет Дин Вэя за плечи, рассматривает его)*. Ты совсем не изменился, только...

ДИН ВЭЙ. А ты толстеешь.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Семьдесят два с половиной килограмма! Как раз. А ты ничуть не изменился. Зато вы, Ю-цин, поправились! *(К Дин Вэю.)* Прямо у дверей столкнулись с ней. Если б она не окликнула меня, я б, наверное...

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Постарела, так много лет прошло...

ДИН ВЭЙ. Где там поправилась! Только за последнее время столько пьес посмотрела, что сама даже собирается в артисты записаться.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Слушайте, как он чепуху мелет! *(К Дин Сун.)* Ты зови его «Ян — старший брат». Не узнаешь его?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. О! Сун, Сун! Как быстро бежит время! Ведь ты уже совсем взрослая девушка. Не помнишь меня? Да я ж тебя еще на руках нянчил. Ха-ха-ха...

Дин Сун смотрит несколько растерянно, ничего не может вспомнить.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(энергично берет стул, садится)*. Значит, вы всё время здесь?

ДИН ВЭЙ. Нет, на юге месяц пробыли, потом два с половиной года на разных крупных постах, а в прошлом году решили, что мне учиться надо — направили на курсы переподготовки. А ты?..

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Был военным представителем на заводе, а затем стал помощником директора завода.

ДИН ВЭЙ *(радостно)*. Значит, ты тоже на заводе работаешь?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Не похоже?

ДИН ВЭЙ. Похоже, очень похоже. *(Искренне.)* Старые друзья снова вместе. Прекрасно!

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Вы поговорите, я пойду чаю приготовлю.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. А я, как только узнал, что ты здесь, думал еще вчера зайти к тебе, но решил, что лучше сегодня — в воскресенье. Ты когда выходишь к нам на работу?

ДИН ВЭЙ. Что?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Притворяешься. Не знаешь?

ДИН ВЭЙ. Нет, нет, постой, ты о чем говоришь?..

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Есть приказ о твоём назначении директором наше-

го завода. Мы снова вместе. *(Искренне радуясь.)* С твоим приходом мне станет спокойней.

ДИН ВЭЙ. Нет, ты правду говоришь?

Входит Чжэн Ю-цин, наливает чай.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я ведь не такой шутник, как ты. *(Смеется. К Чжэн Ю-цин.)* Он таким и остался? Пошутить бы, поиграть бы. Так и не изменился еще?

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Стар уже стал — трудно меняться. *(Смеется.)* Когда проводилась кампания против взяточников, расточителей и бюрократов, нашелся человек, который выступил против Дин Вэя: у него, говорит, манеры не степенные, даже, говорит, с детьми дома играет — несолидно это для руководителя.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ну что ж, неплохо. Это у него — революционный оптимизм.

ДИН ВЭЙ. Ян, давай-ка о другом поговорим... Вот ты сказал — завод...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Завод? Завод «Синьхуа» — выпускает электродвигатели, моторы, трансформаторы...

ДИН ВЭЙ. А как там дела с производством?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Будь спокоен. Там — я. В прошлом месяце услышал я, что горком хочет прислать к нам директора. Заволновался я. Знаешь, ведь у меня характер такой — боюсь не сработаемся. А вчера сообщают — оказывается, назначен ты. Ха! Прекрасно! Старый боевой друг, старый товарищ! Лучше быть не может. А заводские дела пусть тебя не волнуют. Я ведь три года трудился там, всё до дна изучил.

ДИН ВЭЙ. Конечно, то, что мы вместе будем работать, — прекрасно. Но я-то ничего не знаю, совершенно не готов. Ты расскажи мне хоть немного...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Куда ты торопишься? Через день-два я представлю тебе подробный доклад, потом вызовешь руководителей цехов, они дополнят.

ДИН ВЭЙ. Нет, именно сейчас удобней всего поговорить об этом. Ты же знаешь меня.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Знаю, пока не выяснишь — не заснешь. Так ведь? Ну, с чего начинать рассказ?

ДИН ВЭЙ *(берет со стола записку, присланную начальником отдела Ли)*. Посмотри, получил за пять минут до твоего прихода. И буквально три слова: «Наладить работу завода». А я даже не знаю какого завода. Вот и расскажи — большой ли завод, профиль производства, планы?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Сказать, чтоб большой завод — нельзя. Конечно, не больше тех, которые по новому плану строятся. Но маленьким назвать тоже нельзя. Больше тысячи рабочих. Завод особый, находится в непосредственном ведении горкома партии.

ДИН ВЭЙ. А производство как?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Теперь, можно сказать, хорошее положение. А вот когда я приступал к работе — неразбериха, запущенность. Хоть и тяжело было, но я провел кампании — против бюрократов, взяточников, расточителей, демократические преобразования осуществил, производство революционизировал — положение, конечно, изменилось. Посмотри, как поседел за эти годы.

ДИН ВЭЙ. Да, нелегко. И откуда ты научился так работать? *(Похлопывает Ян Чжун-аня по плечу.)*

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(улыбается, довольный)*. Узнаю похвалу друга.

Голова моя седеет, а он радуется. А знаешь, люди-то ведь по-другому смотрят. До чего же в наше время трудно руководить — сверху ревизуют, снизу критикуют. Сделаешь хорошо — велят еще лучше. Выполнишь задание — требуют доложить, что надо сделать, чтоб перевыполнить. А ведь на заводе не в армии — все хотят демократии, даже требуют демократии. Я такой человек — конечно, с демократией нельзя не считаться. Но вот на последнем партийном собрании такую критику развели... В общем, Дин, как раз для тебя — со свежими силами. *(Нарочито громко смеется.)*

ДИН ВЭЙ. Критика! Так это всюду одинаково! Так и должно быть...

Чжэи Ю-цим подает печенье, наливает чай.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Нет ничего к столу. Угощайтесь тем, что есть. Чжунань, а как ваша маленькая Ван поживает, как ее здоровье?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Маленькая Ван? О! Она теперь уже не маленькая Ван, постарела, мать пятерых детей...

ДИН-ВЭЙ. Пятеро?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Два мальчика, три девочки. Пока здесь находимся за три года четверо родилось...

ЧЖЭН Ю-ЦИН. За три года четверо?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. В январе прошлого года - мальчик, четвертый. И в декабре того же года — девочка, пятая.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. А сама Ван работает?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. На заводе, по старой специальности, в профсоюзе. И ребят дома много, и с работой нехорошо получается. Я уже решил — пусть лучше за детьми смотрит. А она не согласна.

ДИН ВЭЙ. За три года — четверых родила. Да! Тебя, брат, не догонишь!

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Как на производстве. Давай, давай, — больше и больше — всё мало. А как дашь двести процентов — как раз в точку попадешь.

Чжэн Ю - цин уходит.

ДИН ВЭЙ. Ты, кажется, говорил, что с производством на заводе всё в порядке. Ну, а план-то выполняется?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Вообще говоря, дела на заводе идут неплохо. Ведь техника у нас старая, кадры те же, а объем производства из года в год растет. На других заводах более легко.

ДИН ВЭЙ. Почему?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Потому, что по пятилетнему плану производство электродвигателей в первом году занимает важнейшее место. *(Достаёт из кармана записную книжку и говорит, заглядывая в нее.)* Рост производства электродвигателей в этом году по сравнению с прошлым годом выше роста производства любых других видов продукции. Рост производства динамомашин — сто девятнадцать процентов, моторов — сто сорок один процент. Из восемнадцати важнейших видов нашей продукции увеличение производства этих двух видов — самое значительное.

ДИН ВЭЙ. Да, нелегко.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Задача трудная, но дело не только в ней. Более сложный вопрос — кадры. Ведь, назначая тебя директором этого завода, городской комитет партии подчеркивает его важность. За три года к нам не присылались новые кадровые работники. Вместе со мной только прибыло пять человек, и то из них кого перевели, а кого выгнали.

ДИН ВЭЙ. Выгнали?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Конечно. Двоих выгнали! Одного ты, наверно,

помнишь. Сяо Цзян, который вместе с тобой в восточном Шаньдуне работал. Разоблачили.

ДИН ВЭЙ. Слышал, люди поговаривали. *(Пауза.)* Но за три года разве на заводе не создано нового кадрового костяка?

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(качает головой)*. Молодежь! Только что из школы прибыла — дела еще не знает.

Дин Вэй, как будто вспомнив о чем-то, заглядывает за дверь.

ДИН ВЭЙ. Цин! *(Ответа нет. К Дин Сун.)* Позови маму!

ЯН ЧЖУН-АНЬ. О, ты еще по-старинке жену свою зовешь — Цин!

ДИН ВЭЙ. А как ее по новым правилам называть? Не знаю. Назвать «товарищ Чжэн Ю-цин» — вроде мы с ней не на службе. Назвать ее... «мать Сун Сун» — по-феодалному получается. Назвать "любимая" - года уже не те. Не придумашь, как и жену-то называть.

Входит Чжэн Ю-цин. Шепчется о чем-то с Дин Вэем.

ДИН ВЭЙ. Старина, мы так давно не виделись. Давай-ка поужинаем вместе, выпьем по рюмочке. Ю-цин знает твоё пристрастие. Ты еще не отвык — вечером по рюмочке?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Нет, нет, нет! Сегодня никак нельзя. У меня еще дела есть.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Не стесняйтесь...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ну, что вы? У вас да стесняться. Правда. У меня совещание. *(Смотрит на часы.)* Времени нет.

ДИН ВЭЙ. В воскресенье — и совещание?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хо! Дин! Ты оптимист. А на заводе — не так, как на учебе: и воскресенье не в воскресенье.

ДИН ВЭЙ. Ян, я смотрю, у тебя всё тот же характер. Сам покоя не знаешь и людям отдыха не даешь. Ну, хорошо. Можно и без ужина. Просто посиди еще минутку.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(смотрит на часы)*. Нельзя. Время вышло. Занят. Что поделаешь? В другой раз — пожалуйста.

ДИН ВЭЙ *(встает)*. Ну, если действительно дела, силой задерживать не буду. В другой раз заходи вместе с женой, вместе со своим четвертым и пятым. Хорошо? Говори — когда?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Трудно точно сказать. Но из многих дней — один найдется. Ха-ха! До свидания.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Чтоб точно было. Правда. *(К Дин Сун.)* Дай руку брату Яну. Прощайся.

ДИН СУН. До свидания.

Дин Вэй идет проводить Ян Чжун-аня.

ДИН СУН *(к матери)*. Кто он?

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Ты еще не вспомнила?

Дин Сун качает головой.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Ян Чжун-ань! Самый лучший друг твоего папы. Во время событий на юге он на своих плечах вынес твоего папу из окружения.

ДИН СУН. Это он?

ЧЖЭН Ю-ЦИН. А как же!

ДИН СУН *(быстро подбегает к окну, высовывается)*. До свидания, старший брат Ян!..

Возвращается Дин Вэй. Из задней комнатки выходит Чжэн Ю-цин.

ДИН СУН *(показывает два пальца)*. Взяла — два.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Взяла такие хорошие яйца...

ДИН СУН. Они уже два дня как у нас в Доме пионеров в инкубаторе лежат. Скоро цыплята появятся. *(Идет к своему письменному столу, листает книги, включает свет.)*

Дин Вэй возбужденный ходит по комнате. Повернулся, смотрит на Чжэн Ю-цин.

ДИН ВЭЙ. Удивительно быстро идут дела.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Удивительно?

ДИН ВЭЙ. Я говорю о наших отношениях с Яном. Я был во главе агентства, он — управляющим. Я стал инструктором — он моим помощником, а сейчас снова на одном заводе...

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(глубокомысленно смеется)*. Но ты будь осторожен с его вспыльчивым характером, ведь вы, как родные братья, один груз понесете вместе, чтоб никто слова лишнего не осмелился сказать о вас...

Дин Вэй смеется.

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(ласково)*. Несколько лет не виделись. Другие изменились за это время. И ты отвыкай от своих привычек. Другие уже по три года директорами заводов работают. И ты начинай.

ДИН ВЭЙ. Правильно говоришь.

ДИН СУН *(вдруг громко)*. Папа! *(Оборачивается.)*

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Что такое? Перепугала меня.

ДИН СУН. Решила! Икс равен половине! Посмотри!

Чжэн Ю-цин выходит. Дин Вэй подбегает к дочерн. Оба сосредоточенно смотрят в тетрадь. Темнеет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло воскресенье. Конец марта. Ясное утро. Канцелярия-кабинет директора завода «Синьхуа». Служащий общего отдела Чжу Фань вместе с двумя другими служащими и секретаршей Юй Цзя-хуа хлопочут вокруг письменного стола, предназначенного для нового директора завода.

На задней стене сцены окно, через которое можно видеть заводскую трубу, часть здания завода, водонапорную башню. Перед окном друг против друга два больших письменных стола; два винтовых стула. Слева выход, еще левее полка для документов, сейф и т. п. Справа, спереди, небольшой стол — место секретарши Юй Цзя-хуа.

Доносится голос человека, выступающего перед микрофоном.

ЧЖУ ФАНЬ. Юй, посмотри, чего еще здесь нехватает. *(Не дожидаясь ответа — к двум служащим.)* Можно итти. *(Двое служащих уходят.)*

Юй Цзя-хуа осматривает стол, проверяет ключи.

ЧЖУ ФАНЬ. Неважно — большой или маленький. Вот только *(показывает пальцем)* старый уже. А новый покупать тоже нехорошо. *(Смотрит на Юй Цзя-хуа.)* Сегодня приходит?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Слышала, что сегодня. Ян так говорил.

ЧЖУ ФАНЬ *(намереваясь уходить, к Юй Цзя-хуа)*. Проверь всё как следует. Если что-нибудь еще потребуется, скажи мне.

Юй Цзя-хуа кивает головой. Чжу Фань уходит. Юй Цзя-хуа приводит в порядок документы, отбирает те, которые ожидают решения, кладет на стол Ян Чжун-аня. Как обычно, отрывает листок календаря, висящего на стене, над ее столиком. Дата — 25 марта.

Телефонный звонок. Юй Цзя-хуа берет трубку.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Алло, алло! Да. Директора Яна нет. *(Внезапно встает.)* Что? Несчастный случай? Опять ударило током? В трансфор-

моторном? Как? Тяжело? Кто? Мастер? Отправили в больницу? Неопасно? *(Делает карандашом пометку на листке календаря.)* Так же, как и вчера в электромоторном? Опять забыли выключить? Директор Ян в зале заседаний беседует с бригадами ударных бригад. Хорошо, пощите...

Еще до окончания телефонного разговора Чжу Фань вводит в кабинет Дин Вэя.

ЧЖУ ФАНЬ. Директор Ян еще проводит совещание — скоро закончит. *(Дин Вэй внимательно слушает разговор Юй Цзя-хуа по телефону.)* Это канцелярия завода, сзади есть небольшая приемная. Это секретарша, товарищ Юй Цзя-хуа.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(вешает трубку, выходит вперед)*. Директор завода Дин?

ДИН ВЭЙ *(жмет ей руку, неожиданно спрашивает)*. Вы сейчас говорили о несчастном случае?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Да, в трансформаторном цехе опять ударило током мастера.

ДИН ВЭЙ. Как его состояние?..

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Говорят, неопасно... *(Не успела закончить фразу — снова телефонный звонок. Берет трубку.)* Алло! Да. Директора Яна нет. Вы откуда? Из трансформаторного? В чем дело? А! Подождите. *(Записывает.)* Отдел технического контроля забраковал партию катушек... А если вы позвоните еще минут через... десять. Директор Ян вернется,

ЧЖУ ФАНЬ *(к Дин Вэю)*. Сегодня — двадцать пятое. Месяц кончается. В такие дни всегда суета, а пройдет несколько дней, начнется новый месяц — и станет спокойней. Вы отдохните. Директор Ян вот-вот вернется. *(Уходит.)*

Юй Цзя-хуа приносит к столу Дин Вэя закрытый бокал и термос.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Директор Дин, вы что будете пить — чай или просто горячую воду?

ДИН ВЭЙ *(с улыбкой)*. Даже чай есть? *(Юй Цзя-хуа кивает головой.)* Тогда выпью чаю. Спасибо.

Ветер доносят голос из репродуктора, Дин Вэй, осматривая канцелярию, прислушивается.

Голос из репродуктора: «Эта задача поставлена перед нами свыше. Задача очень трудная, но и очень почетная. Для выполнения и перевыполнения этой почетной задачи, во имя чести нашего завода, мы должны напрячь свои усилия. Товарищи, я приветствую вас от имени администрации завода, от имени партийных органов. Я приветствую ударные бригады. До конца марта осталось шесть дней. Выполнение задания намарт месяц и выполнение всего квартального плана необходимо закончить именно в эти шесть дней. Давайте же все вместе умножим свои усилия с хозяйским подходом, с полной решимостью выполнить задачу, поставленную перед нами свыше.

Я кончил». *(Слабые аплодисменты.)*

ДИН ВЭЙ *(с удивлением)*. О! Всё равно как на поле боя!

Стремительно врывается Хэ Фу-цин.

ХЭ ФУ-ЦИН. Директор Ян не пришел?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Сейчас придет.

ХЭ ФУ-ЦИН. Ну, я его здесь подожду. *(Расстроен.)* Это несправедливо! Посмотрим, что скажет директор завода.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А в чем дело?

ХЭ ФУ-ЦИН. Старое дело. Отдел технического контроля придирается. Молчали, молчали, а сегодня, когда до конца месяца осталось пять-шесть дней, придрались — опять лишний расход металла, перегрев при трансформации, нарушение стандартных норм, а ведь металл-то при-

слали второсортный. Хотят, чтоб трава осталась цела и лошадь сытой была. *(Высказал всё одним махом, вздохнул, заметил, что Дин Вэй внимательно слушает его.)*

Юй ЦЗЯ-ХУА *(знакомит)*. Это директор завода — Дин Вэй.

ХЭ ФУ-ЦИН *(с чувством раскаяния за только что сказанное им)*. Извините. Я — Хэ Фу-цин, из трансформаторного цеха.

ДИН ВЭЙ *(пожимает руку)*. Я только что прибыл, не в курсе дел. Подождите директора Яна...

ХЭ ФУ-ЦИН. Хорошо, хорошо. Я подожду здесь. *(К Юй Цзя-хуа.)* А тот доклад Ян рассмотрел или еще нет? Ведь вопрос очень важный. Если его сегодня не решат, то трудно думать о выполнении месячного плана.

ДИН ВЭЙ *(задумчиво)*. В вашем цехе только что произошел несчастный случай?

ХЭ ФУ-ЦИН. Да, со старым мастером. За последние дни так устали день и ночь работа. Внимание ослаблено, всё это и ведет к срывам...

Входит Ян Чжун-ань. Вместе с ним главный инженер Цянь Пэй-чжы, начальник цеха легких электродвигателей Се Вэй-дэ и помощник начальника цеха Сюй Да-минь.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(увидев Дин Вэя, радостно)*. О! Прибыл! Прекрасно! *(Горячо жмет ему руку.)* Посмотри, до чего я закрутился, во что превратился. Подходите, подходите — буду знакомить. Директор завода Дин — товарищ Дин Вэй, мой старый боевой друг, вместе с тридцать восьмого года, вместе форсировали Янцзы, вместе работали. *(Добавляет.)* Хороший товарищ. А это главный инженер завода товарищ Цянь Пэй-чжы, это начальник цеха товарищ Се Вэй-дэ, это его помощник товарищ Сюй Да-минь. *(Смотрит на Юй Цзя-хуа.)* Ну, а вы, наверное, уже познакомились. Правильно. Вот еще товарищ Хэ Фу-цин — помощник начальника трансформаторного цеха. Прошу всех садиться.

СЕ ВЭЙ-ДЭ *(к Дин Вэю)*. Директор Дин, очень рад, очень рад с вами познакомиться. Вас с таким нетерпением здесь ждут. Садитесь, пожалуйста. *(К Юй Цзя-хуа.)* В чем дело? Что это за стол? Разве нового стола нет?

ХЭ ФУ-ЦИН *(к нему)*. Директор, прошу вас решить вопрос, о котором я вам докладывал вчера.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(к Юй Цзя-хуа)*. Разве я еще не решил?

Юй ЦЗЯ-ХУА. Нет. Вы решили по цеху тяжелых электромоторов. *(Подает ему один из документов.)* А этот еще не смотрели.

ХЭ ФУ-ЦИН. Это вопрос насчет контрольных стандартов обмотки катушек. Забраковали целую партию.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Что говорит отдел технического контроля?

ХЭ ФУ-ЦИН. Он не подписывает. А мы не можем смонтировать восемь кожухов в тысячу киловатт каждый, мы не уложимся в срок, а значит, и выполнение месячного задания будет сорвано.

Дин Вэй, внимательно слушая разговор, вынул пачку сигарет. Се Вэй-дэ предупредительно вытаскивает сигарету из своего портсигара, подает Дин Вэю, зажигает спичку, подносит ему.

ДИН ВЭЙ. Спасибо, спасибо!

Услужливый, находчивый, манерный Се Вэй-дэ представляет в этот момент прямую противоположность скромному и замкнутому Цянь Пэй-чжы.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Значит, ты считаешь...

ХЭ ФУ-ЦИН. Главное кроется в том, что контрольные стандарты находятся в противоречии с реальными возможностями, с условиями работы. И это характерно для всего завода в целом.

СЕ ВЭЙ-ДЭ (*согласно кивает головой*). Правильно, в нашем цехе то же самое...

ХЭ ФУ-ЦИН (*продолжает*). Всё это необходимо решить. Но в нашем цехе, учитывая обстановку, считают, что надо срочно решить вопрос об этой партии катушек, потом о месячном задании, а вопрос о контрольном стандарте можно перенести на следующий месяц.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*почти не задумываясь*). Правильно, так и делайте. Начинайте монтировать такие трансформаторы, какие можете.

ХЭ ФУ-ЦИН. Но отдел контроля ни за что не подпишет.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Они не подпишут, я подпишу.

ХЭ ФУ-ЦИН. Ну, что ж, хорошо. (*Вздыхает.*)

СЮЙ ДА-МИНЬ (*вставая*). Директор, это плохо.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Почему плохо?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Будут аварии. Ведь установлено «Правилами» одна тысяча киловатт. А сейчас, при таком перерасходе металла...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я советовался с Се Вэй-дэ (*Се Вэй-дэ кивает головой*.) Он — знаток. Советовался и с главным инженером Цянем. Он тоже говорит: при проектировании любого трансформатора гарантируется безопасность. То есть допустимо, что реальная мощность может быть несколько больше или меньше мощности, обозначенной в «Правилах». Так что не беспокойтесь.

Цянь Пэй-чжы пытается что-то сказать, но не решается.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Это бесспорно. Но ведь проект предусматривает полную гарантию, а здесь даже частичной гарантии нет. Пускать в эксплуатацию такие трансформаторы опасно.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*не обращая на него внимания, к Хэ Фу-цину*). Вот так, идите работайте. (*К Сюй Да-миню*.) Не забывайте — какое сейчас время? Конец марта, план всего квартала...

СЮЙ ДА-МИНЬ. Но, директор Ян, ведь это опасно, ведь с научных позиций...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Любите вы эти два слова — «научные позиции». Как будто только я один не считаюсь с наукой. Дело в том, что здесь не лаборатория. (*Смотрит в сторону Цянь Пэй-чжы. Тот молчит.*) Здесь — завод, который должен выполнять месячные, квартальные задания. По плану этого месяца трансформаторный цех должен выпустить продукции на десять тысяч киловатт. Не выпустит — кто отвечает?

СЕ ВЭЙ-ДЭ (*видя, что Ян Чжун-ань говорит очень решительно*). Прежде всего, конечно, задание. Особенно в начале года — первый квартал. Ведь если мы не выполним квартальный план, наверху подумают, что мы плохо старались.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Почтенный Цянь! Вы имеете что-нибудь сказать по данному поводу?

СЕ ВЭЙ-ДЭ (*вмешивается*). Мы уже говорили с ним. Никаких вопросов не возникло. Конечно... (*Смотрит на Цянь Пэй-чжы, тот порывается что-то сказать.*)

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Вообще говоря, нельзя сказать, что нет вопросов...

ЯП ЧЖУН-АНЬ (*перебивая*). Вообще говорить об этом нам не позволяет задание свыше. Правильно? (*К Хэ Фу-цину*.) Хорошо. Вот так и делайте. (*Хэ Фу-цин, махнув рукой, вздыхая, уходит.*) Старина Дин...

С юй Да-минь хочет сказать что-то еще. Юй Цзя-хуа тихо подает ему знак
Желая разрядить обстановку, делает шаг вперед.

Юй ЦЗЯ-ХУА. Директор Ян, так хорошо расставлено? Это стол
Дин Вэй. С двух сторон свет. Хорошо?

ЯМ ЧЖУН-АНЬ. Я не возражаю.

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Товарищ Юй Цзя-хуа. А вы всё до мелочей продума-
ли — здесь у окна ветерок бывает, летом прохладно. *(Пытаясь вы-
звать улыбку окружающих.)* Наш директор Ян пополнил, побаивается
жары.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо, поговорим о другом. *(Садится на свое
место. Юй Цзя-хуа кладет перед ним большую пачку документов.)* Что?
Всё еще так много? Посмотри, Дин Вэй, ну что с ними делать? *(Перели-
стывает одну за другой.)* Заявка, отчет об исполнении сметы, заявление
об отпуске. Каждый день просматриваю груды бумаг, а их всё так же
много. Всего и не пересмотришь. Вот с сегодняшнего дня ты, старина
Дин, приступаешь к работе. Наладить работу завода не так просто. За-
нят по горло, голова кругом идет. И кто бы на мое место ни пришел,
этого не избежит. *(К Юй Цзя-хуа.)* Ты разобрала их?

Юй ЦЗЯ-ХУА. Это — срочные, ждут немедленного разрешения. Эти
могут подождать еще. *(Подает ему газету.)* Это сегодняшняя газета, по-
смотрите.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(перелистывает бумаги, затем берет газету, смот-
рит последнюю полосу).* Дела, дела — целый день. Газету — и ту по-
читать некогда. Ты извини, Дин, я сейчас посмотрю срочные бумаги.
(К Юй Цзя-хуа.) Эти ждут резолюций? *(Юй Цзя-хуа кивает головой.)*
Начальники отделов печати поставили? *(Юй Цзя-хуа кивает головой.)*
Не напутали здесь? *(Юй Цзя-хуа молча улыбается.)* Они ставят печати,
я расписываюсь. *(Берет перо, подписывает бумаги.)*

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Директор Ян, вы будете говорить с Дин Вэем.
Я пройду, еще дела есть. *(Ян Чжун-ань кивает головой. Дин Вэй и
Цянь Пэй-чжы жмут друг другу руки. Последний уходит.)*

Се Вэй-дэ увлеченно шепчет о чем-то Дан Вэю.

Телефонный звонок. Юй Цзя-хуа берет трубку.

Юй ЦЗЯ-ХУА. Алло! Да! Подождите минутку. Директора Яна к
телефону.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Алло! В чем дело? Я? Что? Запчастей не получи-
ли? А куда же они делись? В прошлом месяце простояли из-за них. По-
чему раньше не подумали? Неужели я должен вам запчасты подгонять?
Что? Какая обстановка! Не обязательно приходить. Можно и по телефо-
ну. Высказывают недовольство? *(Дин Вэй внимательно слушает.)* Пусть
бригадиры запишут тех, кто высказывает недовольство. Что? *(Громко.)*
Тебя это не касается. Скажи им, что сегодня двадцать пятое. До конца
месяца шесть дней осталось. За эти шесть дней — зубы в кровь разбить
надо, а дело сделать. Не к чему излишне демократией заниматься! *(Ве-
шает трубку.)*

СЕ ВЭЙ-ДЭ *(к Дин Вэю).* Справедливо говорят, если бы не Ян ру-
ководил нашим заводом, если б не его решимость, не его энергия
трудно было бы планы выполнять.

ДИН ВЭЙ *(задумчиво).* И всегда такая суета?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Нет, сегодня двадцать пятое — конец месяца, самая
суета. До начала месяца...

ДИН ВЭЙ *(медленно шагает по канцелярии. К Юй Цзя-хуа).* Де-
вушка, извините, я не расслышал тогда вашу фамилию...

Юй ЦЗЯ-ХУА *(с улыбкой).* Меня зовут Юй Цзя-хуа.

ДИН ВЭЙ. Товарищ Юй Цзя-хуа. У вас имеются данные о выполнении месячных планов завода?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Есть. *(Быстро вынимает пачку документов.)* Вот материалы за два месяца этого года. *(Читает.)* Первая декада января — выполнено девять процентов месячного плана, вторая декада — двадцать один процент, третья — шестьдесят два процента. *(Остановилась.)* Февраль месяц...

ДИН ВЭЙ. Подождите минутку. Девять, двадцать один, шестьдесят два *(подсчитывает)* — итого девяносто два процента. Значит, план не выполнен. Февраль...

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Февраль месяц. Первая декада — четыре процента, вторая — девять процентов, последняя декада — семьдесят семь процентов. Итого девяносто процентов. *(Разъясняет.)* Этот месяц по старому календарю — новогодний. Многие рабочие по нескольку дней праздновали — вот и отразилось.

ДИН ВЭЙ *(слегка задумавшись)*. Да!

СЮЙ ДА-МИНЬ *(нетерпеливо)*. Но это только проценты, цифры, а если говорить о качестве, то...

Ян Чжун-ань, просмотрев бумаги, бросил взгляд на Сюй Да-миня. Встал.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(возмущенно)*. Именно так налаживается работа завода. Особенно работа нашего завода. Продукция разнообразная, образцов много, задание большое. Ты, старина Дин, посмотришь и увидишь — как тяжело нести такой груз. *(К Се Вэй-дэ)*. Хорошо, вот скажите о том, что надо срочно решать.

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Гм... обстановка... директор завода Ян знает ее очень четко. Моя точка зрения была вам доложена вчера. Дополнить, я ничего не имею. Я абсолютно согласен с той руководящей линией, которую вы определили. Думаю, что ошибок нет. Только вот профсоюз возражает. *(Коллебаясь, к Сюй Да-миню.)* Товарищ Сюй Да-минь, как ты смотришь?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Речь идет о двух вопросах. Во-первых, рационализаторское предложение товарища Ма Сяо-бао, касающееся качества обмотки катушек. Во-вторых, о штурмовщине в конце каждого месяца. Рабочие говорят, что это увеличение рабочего дня. Что касается первого вопроса, то можно перенести его обсуждение на начало следующего месяца. Но второе откладывать нельзя. От него зависит выполнение плана. Если его не решить, всё чаще будут возникать несчастные случаи.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(возражая)*. Кто жалуется на увеличение рабочего времени?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Когда сверху велят штурмом выполнять задание, то внизу это рассматривают как незаконное увеличение рабочего времени.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я знаю — есть такие говоруны. Но это маленькая группа людей, это отсталые элементы. Надо критиковать такую категорию рабочих, надо их воспитывать, надо разбить их идеологию, заставить их вспомнить, как было до освобождения и как стало теперь. Чуть добавишь нагрузку, уже недовольство. Если это не отсталость, так как же это назвать? *(Раздражен, возбужден, говорит повышенным тоном.)*

СЮЙ ДА-МИНЬ. Не совсем так. Когда вы выступали с речью по радио, я слышал, как Чжан Да-мэй, рядом со мной, сказал: «Машины могут не спать, а человеку сон необходим». *(Смотрит на Се Вэй-дэ, надеясь на поддержку.)* А, как известно, Чжан Да-мэй — один из активных рабочих бригады Ма Сяо-бао.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(перебивая его)*. Правильно. Активисты-то и высказывают недовольство. Это свидетельствует о том, что у вас в цехе плохо поставлена политическая работа. Так или не так? Что делает

профсоюзная, молодежная организация? *(Горячо.)* Вы думаете, что вы — руководители цеха — не несете ответственности за ту путаную идеологию, которая формируется у вас в цехе?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Да, да. Здесь, конечно, работа у нас ослаблена. Прежде всего я должен отвечать за это. *(К Сюй Да-миню.)* Как ты смотришь, если мы завтра созовем совещание бригадиров и активистов, попросим директоров выступить.— поднимем настроение рабочих. Пойдет или нет?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(просто)*. Собраний всяких и без того много. Настроение рабочих и так поднято. Нажимать на настроение — это не решение вопроса. Лучше дать возможность людям отдохнуть. Честно говоря, устали они за эти несколько дней.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Устали? А кто не устал? Кто не загружен? Хотите показать, что вы идете в гущу масс? *(Холодно.)* Руководители цехов заботятся о рабочих, а руководитель завода не заботится. Так?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Я так не думаю. Но то, что многие рабочие изматались, — это факт.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(сбивчиво)*. Слушай, юноша, ты слишком просто смотришь на всё, ты смотришь с позиций одной бригады, одного участка, одного цеха. Я не могу так смотреть. Надо, конечно, считаться с массами, но надо смотреть с позиций всей страны. Рабочие имеют восьмичасовой отдых. А спроси, сколько часов отдыхаю я — директор завода? Разве я ежедневно не увеличиваю незаконно свое рабочее время? Я, Ян Чжун-ань, с пятнадцати лет встал на путь революции — я ли не был в гущу масс?..

Звонит телефон.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Алло! Да. *(Тревожно.)* Что? Опять авария? В цехе легких моторов? Здесь. Все здесь. *(К Се Вэй-дэ и Сюй Да-миню.)* В вашем цехе. Что? Медленней немножко... Придавило руку? Люди возмущаются?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(тревожно)*. Се, пойдите быстрее... *(Поворачивается, уходит.)*

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(в трубку)*. Се Вэй-дэ сейчас придет!

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(озабоченно)*. Я сейчас иду. *(Повернулся, смотрит на Дин Вэя.)* Я пойду, посмотрю, ты подожди меня здесь. *(Уходит вместе с Се Вэй-дэ.)*

ДИН ВЭЙ *(курит, шагает)*. И так каждый день?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Да, часто. Несчастные случаи. В эту неделю особенно много. За три дня уже четыре-пять случаев...

ДИН ВЭЙ. Не видно, чтоб на заводе боролись за соблюдение правил техники безопасности.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А тогда... *(Телефонный звонок.)* Откуда? Я. Секретарь Фан? Директор Ян только что вышел — в цехе легких моторов опять авария. Правильно. Директор Дин здесь. Да. Сегодня прибыл.

ДИН ВЭЙ. Кто это?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Секретарь заводского партийного-комитета — Фан Кэ. *(В трубку.)* Алло! Алло! Вы придете? *(К Дин Вэю.)* Он говорит, что придет повидаться с вами.

ДИН ВЭЙ. Не надо. Я сам пойду.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Директор Дин говорит, что он зайдет к вам. А, хорошо, подождите. *(Передает трубку Дин Вэю.)* Хочет поговорить с вами.

ДИН ВЭЙ. Алло! Товарищ Фан Кэ? Хорошо, спасибо. Да, только сегодня. Заходил к тебе в кабинет — не застал. Нет, я сам приду. Что? Людей много? Шумно? Хорошо. Жду. *(Вешает трубку.)*

Юй ЦЗЯ-ХУА. Вы давно знакомы?..

ДИН ВЭЙ. Знакомы давно, но не очень близко. На совещаниях встречались.

Пауза. Юй Цзя-хуа подает Дин Вэю пачку документов.

Юй ЦЗЯ-ХУА. Директор Дин, здесь общие данные по заводу, трехлетние итоги, протоколы и другие документы. Будете смотреть?

ДИН ВЭЙ. Очень хорошо. Я как раз о них и думал. *(Берет, листает документы.)* Чтобы разобраться — просто перелистать документы, конечно, недостаточно.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Вы еще побеседуете с Фан Кэ. Он всё в деталях знает.

ДИН ВЭЙ. Верно. *(Садится, продолжает читать документы.)*

Фан Кэ тихо открывает дверь. Входит.

ФАН КЭ *(горячо)*. О! Товарищ Дин Вэй! Как хорошо, что ты прибыл. Заждались уже. *(Жмет руку. Задумчиво.)* Особенно сейчас.

ДИН ВЭЙ. Так ты на этом заводе?

ФАН КЭ. Да, с конца сорок девятого. *(Кивает головой, садится. Как бы жалуюсь.)* В пятидесятом году сняли прежнего директора. Мы стали требовать другого — сильного. Ну и вот, наконец, добились своего. Ты прибыл как раз во-время. *(Горько смеется.)* Наверное, видел уже, какая тут неразбериха.

ДИН ВЭЙ. Конечно, назначение на такой пост меня радует, но, честно говоря, положение тяжелое. Страшновато. Ведь такого груза я еще не носил.

ФАН КЭ. Ну, а я верю, что ты наладишь работу, и все возлагают на тебя, как на руководителя, большие надежды.

ДИН ВЭЙ. Не надо так говорить. И не надо ожидать слишком многого. Только честностью и решимостью работу не наладишь. Нужны еще знания промышленности, производства. А каждый шаг на пути к этим знаниям требует очень много времени.

ФАН КЭ *(тяжело кивает головой)*. Да, надо вникать и вникать. И всё пойдет. В прошлом месяце на заседании парткома один товарищ сказал, что теперь всё готово для того, чтобы поднять наш завод. Нужно только глубокое проникновение в процессы производства, нужно грамотное руководство. А именно здесь мы и отстаем. Именно в этом. *(Взглянул на Юй Цзя-хуа. Она, поняв взгляд, берет папку с документами, подписанными Ян Чжун-анем, выходит.)*

ДИН ВЭЙ. Ты говоришь об административном руководстве?

ФАН КЭ. Да.

Дин Вэй молча курит, смотрит на Фан Кэ.

ФАН КЭ. Ты должен понимать...

ДИН ВЭЙ. Речь идет... *(Пауза.)* Речь идет о Ян Чжун-ане.

Фан Кэ кивает головой. Пауза.

ФАН КЭ. Конечно, на первый взгляд, целая куча вопросов, и вопросов очень серьезных: несчастные случаи, низкое качество продукции, штурмовщина и так далее. Но ведь всё это разрешимо. *(С силой.)* Надо только думать об изменении процессов производства, прочно опираться на массы, верить рабочему классу, тогда...

ДИН ВЭЙ. Всё это Ян Чжун-ань должен...

ФАН КЭ. Ты его знаешь лучше меня. Он за три года сделал много для завода. Его приход был очень большим вкладом в заводские дела. Партийная совесть его чиста, в быту он строг. Об этом и говорить не

стоит. Но сейчас, выражаясь твоими словами, одной только честности недостаточно.

Дин Вэй молчит.

ФАН КЭ (*улыбается*). Может, и не следует говорить о нем, ведь вы с ним...

ДИН ВЭЙ. Нет. Все мы... старые товарищи.

ФАН КЭ. Через некоторое время ты увидишь, что если будет так продолжаться, — Ян Чжун-ань превратится в препятствие на пути революционного преобразования производства.

ДИН ВЭЙ (*курит. Пауза*). А партийный комитет... по этому поводу...

ФАН КЭ. Борьба у нас обострена до предела. Сначала он всю ответственность брал на себя и пытался прибрать к рукам секретаря парткома. Потом поговорили с ним о правах и обязанностях, но положение не изменилось. (*Смотрит на Дин Вэя*.) Твой приход сейчас нужен, как никогда. Во-первых, ты настроен глубже вникнуть в производство, во-вторых, ты скорее поймешь плохие и хорошие стороны Ян Чжун-аня, сможешь ему стать таким, каким требуется.

За кулисами опять голос из репродуктора — вновь выступает Ян Чжун-ань.

ФАН КЭ. Слышишь, опять кричит. Наставления, доклады, всё это, как он говорит, «пробивание идеологии» — превратилось у него в ведущий метод руководства. А ведь сознание-то рабочих за три года после освобождения и без того выросло. И одним «пробиванием идеологии», «подъемом настроения», без решения конкретных вопросов ничего не сделаешь. Он действует так: «я бью, ты познавай», «я велю, ты выполняй». Народ умно высмеивает его.

ДИН ВЭЙ (*грустно, после паузы*). Знаю я характер Ян Чжун-аня. Его излюбленный принцип: «Сам отвечаю...»

ФАН КЭ (*кивает головой*). Правильно.

ДИН ВЭЙ. Может быть, ты поговоришь с ним — не обязательно на собрании...

ФАН КЭ. Сколько раз уже говорил. Бывает, деремся, ругаемся так, что уши краснеют. А всё на ветер. Однажды, в присутствии других, заявил вдруг что, я хочу подорвать его авторитет, возвысить себя. Разве это... (*Не договаривает*.)

Дин Вэй молчит.

ФАН КЭ (*встает*). Люди надеются на тебя.

ДИН ВЭЙ (*задумался*). Я понимаю это, как свой партийный долг. Приложу все силы. Но ведь я только что прибыл, в обстановке не разобрался. Поработаю немного, тогда смогу сделать свои выводы.

ФАН КЭ. Конечно. (*Пауза*.) Ты сумеешь быстро освоиться. (*Пауза*.) Товарищ Дин Вэй!

ДИН ВЭЙ. Да?

ФАН КЭ. Если хочешь, чтоб легче тебе было разговаривать с народом, я не могу умолчать перед тобой...

Дин Вэй смотрит на него.

ФАН КЭ (*с усилием*). Люди верят в то, что ты именно тот директор, который может решать практические вопросы производства. Но как только стало известно о твоём назначении, пошли многочисленные разговоры, и многих грызет сомнение.

ДИН ВЭЙ (*удивлен*). Сомнение?

ФАН КЭ. Да. Ян Чжун-ань беспрерывно говорит о том, что новый директор завода — его давнишний приятель, боевой друг, что эта дружба

скреплена кровью, что в одной из операций он на своих плечах вынес тебя из окружения... Говорит, что ты всегда поддержишь его.

ДИН ВЭЙ (*изумленно*). Это всё он говорил?

ФАН КЭ. Говорил не однажды. Может быть, и без умысла...

ДИН ВЭЙ. Да, он спас меня от смерти. Это факт. Я благодарен ему. (*Отворачивается, не может скрыть своего волнения. К Фан Кэ.*) Но... я благодарен и тебе за то, что ты сейчас сообщил мне об этом. (*Жмет Фан Кэ руку.*)

ФАН КЭ. Семь раз отмерь — один раз отрежь. (*Пауза.*) В конце месяца думаем собрать партийный комитет. Там ты можешь услышать больше новостей.

ДИН ВЭЙ. Хорошо. (*Жмет руку.*)

ФАН КЭ. До свидания.

ДИН ВЭЙ (*вспомнив что-то, останавливает его*). Чуть не забыл. Вот рекомендательное письмо из горкома. (*Подает.*)

ФАН КЭ. Хорошо. (*Уходит.*)

Возвращается Юй Цзя-хуа с пачкой корреспонденции. Сталкивается с Фан Кэ.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Товарищ Фан Кэ уже уходит?

ДИН ВЭЙ (*делает несколько шагов, останавливается*). Юй Цзя-хуа! (*Преображается, морщинки на его лице исчезают.*)

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Что, директор Дин?

ДИН ВЭЙ. Как давно вы пришли на этот завод?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Скоро два года...

ДИН ВЭЙ. Значит, обстановку хорошо изучили?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*скромничая*). Нет, еще не достаточно...

ДИН ВЭЙ. Если вы согласитесь, то я думаю поэксплуатировать вас в свободное от работы время.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*недоуменно смотрит на него, не знает, что ответить*). Это...

ДИН ВЭЙ. Это именно после работы или в воскресенье. Вы проводите меня, покажете мне цеха, отдельные участки завода, послушаете наши беседы, например, со старыми рабочими, с техниками и с тем молодым человеком, которого Ян Чжун-ань называет «юноша»...

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. С Сью Да-минем.

ДИН ВЭЙ. Да, с ним. А кроме того, с товарищами из аппарата управления, с руководителями профсоюза.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Хорошо, можно в любое время.

ДИН ВЭЙ (*качает головой*). Нет, в любое время нельзя. Надо именно в свободное время, например, в воскресенье. Поэтому я и говорю, что буду эксплуатировать вас в нерабочее время. (*Улыбается.*) Это, конечно, не в обязательном порядке. Тем более для молодой девушки.

Юй Цзя-хуа улыбается.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина I

Первое воскресенье апреля. Ясное утро. Заводской малый Зал заседаний. Задний план — стена. На стене картина маслом — «Сталин и Мао Цзэ-дун в Кремле». Слева входные двери. Левее на боковой стене портрет Мао Цзэ-дуна. В центре накрытый белой скатертью стол для совещаний, разносортные стулья, скамейки. Справа, сзади небольшая боковая комната. У окна маленький столик, телефон, на столе термос чайный прибор и т. п.

Из окна пробивается солнечный свет, освещает переднюю часть сцены, поэтому маленькая задняя комната затемнена.

Занавес открыт. Сцена пуста. Только с трудом угадывается, что в задней маленькой комнате перед книжной полкой находится человек. Он бесшумно листает книга. Временами слышно его дыхание.

После паузы входит Дин Вэй в сопровождении Юй Цзя-хуа. Воскресенье. Дин Вэй на руке держит уже замасленную верхнюю одежду, вытирает платком пот с лица.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*объясняет*). Это малый зал совещаний. Здесь обычно директор завода созывает начальников цехов и других ответственных работников.

Дин Вэй кивает головой, осматривает помещение, видит плакат, микрофон на чайном столике возле стены.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Это одновременно и радиокomната. Директор завода дает отсюда указания по всем цехам или делает доклады. (*Указывает на радиоустановку.*) Во всех цехах имеются такие.

ДИН ВЭЙ. Да! Так это отсюда доносились громкие слова? (*Смеется.*) Честно говоря, боюсь я громких слов.

Юй Цзя-хуа, видимо уже привыкнув к манере Дин Вэя — шутить, улыбается. Намеревается итти дальше.

Человек, находящийся в комнате с книгами, прислушался.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*на ходу*). Пойдемте посмотрим клуб, столовую, детсад... Вы хотели поговорить с Сюем (*поправляется*)... с товарищем Сюй Да-минем. Вот здесь и можно поговорить. Сегодня воскресенье, и никаких совещаний в этом зале не будет.

ДИН ВЭЙ. Хорошо. (*Собирается повернуться к выходу, но замечает, что кто-то находится в задней комнате. Останавливается.*)

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*проходит туда, смотрит удивленно*). О! Почтенный Цянь! Вы здесь!..

Дин Вэй направляется туда же, Цянь Пэй-чжы берет очки с полки, надевает, здоровается.

ДИН ВЭЙ. Прекрасно. А я хотел нанести визит вам. Вот кстати и встретились.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Не смею так думать... Директор завода — занятый человек...

ДИН ВЭЙ. А почему же это инженер Цянь в воскресенье не отдыхает? Какие нужды привели его так рано сюда?..

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ (*смущенно*). За молодежью спешу — учусь, учусь.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА (*заметив, что у него в руках книга на русском языке*). Учите русский язык... почтенный Цянь... Вы...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Это я только что начал. Сказать — так директор смеяться будет. Меня старший сын подстрекает. Он на электростанции практику проходит. Два года изучал русский язык, а читать по-русски еще не умеет. Вот я и спросил его: а правда ли трудный русский язык? И вы думаете, что он ответил? Он сказал: и трудный, и легкий. В зависимости от того, твердо ли решил ты его изучать. И еще добавил, что, мол, для молодежи учить легко, а для стариков — трудно. Тут я запротестовал. Значит что ж? С возрастом человек уже не может твердо решать? Ерунда. (*Качает головой.*) Не верю. И начал тайком от него учиться. Через некоторое время я ему покажу. Переведу статью с русского да и положу перед ним. (*Начинает листать журналы и книги.*) Вот это способ быстро научиться читать по-русски. Отличный способ.

ДИН ВЭЙ *(улыбаясь)*. Хорош старик! *(Приглашает садиться.)* Садитесь, поговорим.

Юй ЦЗЯ-ХУА. У старого Цяня сила большая. Ни перед чем не остановится. Осенью прошлого года даже в общезаводских соревнованиях по теннису участвовал.

ЦЯНЬ НЭЙ-ЧЖЫ. Ну, что это считать! В молодые вот годы за границей я на дистанцию тысяча метров бегал.

ДИН ВЭЙ *(садится сам, спокойно, издалека)*. Раньше инженер Цянь был...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Это дела давних лет. Тогда я во Франции учился, работал, полы стелил, посуду мыл. Тогда еще молодых сил хватало, а вот после возвращения — за все эти годы — устал, постарел.

ДИН ВЭЙ. Судя по тому, как вы изучаете русский язык, вы еще совсем не постарели. Нашей молодежи есть чему поучиться у вас. Товарищ Юй, вы когда будете называть его почтенный, старый Цянь, так слово «старый» пропускайте. *(Смеется.)* Уважаемый Цянь, если мы не помешаем вашей учебе, хорошо было бы продолжить наш разговор. У нас так много вопросов, в решении которых нужна ваша помощь.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Да что вы, пустяки. Какая это учеба! Это она на меня наговорила. Я ведь и учусь-то всего двадцать дней — по два часа в сутки. *(Показывает книгу.)* Отличный способ. Собственно, я смотрю книги по электротехнике. *(С умыслом.)* Я ведь как инженер почти не отстаю от своего старшего сына. *(Переводит разговор на другое.)* А вы, директор, очень обходительны. Я...

ДИН ВЭЙ. Видите, очень много дел, о которых хотелось бы спросить вас. Знаете, я ведь еще профан, новичок. Даже если б и разобрался в производственных делах, всё равно мне надо было бы идти за советом к специалисту, к вам, уважаемый Цянь. А сегодня вот, думаю, очень удобно побеседовать. Расскажите о заводских делах или просто расскажите о том, что вы чувствуете.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(как бы обороняясь)*. О, нет! Этого я не умею. Тем более о чувствах... Я ведь только учусь быть инженером, говорить не умею. Я принадлежу к тем, которые всегда боятся, что вдруг их заставят выступать на собрании. В прошлом году в день праздника первого октября один почтенный секретарь предложил мне написать свое выступление. Я так ни одного слова и не сумел написать.

Юй ЦЗЯ-ХУА *(смеясь)*. Вы не написали, но вы говорили. Секретарь записал ваши слова и выступил. И один кусочек из этого выступления я и сейчас помню: «Люди говорят, что время Мао Цзэ-дуна — счастливое время для детей, а я еще хочу добавить, что время Мао Цзэ-дуна — счастливое время и для стариков». Так или не так?

ДИН ВЭЙ. Очень хорошо сказано.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(меняет настроение, становится более словоохотливым)*. Да, это мои слова. Директор, мы старые люди, или, как говорят, бывшие работники гоминдановских властей, оставленные на своих должностях. Ничего не поделаешь — мы отстали. Но ведь есть и другое — видели мы больше молодых, всё можем брать в сравнении. Во времена циньской династии я был еще маленький — во многом не разбирался. А потом — Юань Ши-кай, Чан Кай-ши, американцы, — всевозможные формы правления. Я ведь всё видел своими глазами, всё испытал на себе. И, сравнивая сегодняшнее и прошлое, мы, люди науки, не хотим восторгаться подряд всем тем, что только появляется перед нашими глазами. Но и фактов мы не можем отрицать, а именно того, что настоящее время лучше прошлого. Однако люди есть разные, и смотрят и чувствуют по-разному. Я вот, например, спросил свою старуху... *(К Юй*

Цзя-хуа.) Не надо смеяться надо мной, я еще не привык к новым словам. Я спросил ее как любимого человека...

ДИН ВЭЙ. Правильно, в этом я понимаю вас.

НЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Я спросил ее, в чем разница между прошлым-временем и временем после освобождения. И она назвала две разницы. *(Показывает два пальца.)* Она сказала: во-первых, цены наконец-то установились и, во-вторых, воспитание детей упорядочили... *(Все трое смеются.)* Это самое главное — хорошее влияние, воздействие. Но есть ведь и слабые стороны, есть упущения. Но это, может быть, не важно.

ДИН ВЭЙ. Дорогой Цянь, можете ли вы сказать нам о наших слабостях, о наших упущениях?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(опасливо)*. Выражаясь по-вашему, я хотел бы сначала разобраться сам, а потом зайти к вам, к директору, за советами.

ДИН ВЭЙ. Ну, а что же всё-таки вы чувствуете, думаете о положении на нашем заводе...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(подумав)*. Директор завода Ян — из опытных кадров, руководит очень, очень хорошо. *(Пауза.)* Только есть у него, на мой взгляд, кое-что неправильное... Я вообще-то чувствую, что вы, коммунисты, не слишком ли спешите в своих делах?

ДИН ВЭЙ *(интонация заинтересованности)*. В чем же именно?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. А хотя бы в делах нашего завода. За три года произошли такие огромные изменения, что их и сравнить не с чем. Ведь когда начинали работу, завод был растерзан, растрепан... А сейчас? Кто бы мог подумать, что он производит крупные генераторы, моторы и маслявыключатели в тридцать шесть тысяч вольт! Но вся беда в руководстве — нажим, штурмовщина... а сколько потенциальных сил... *(Другим тоном.)* Лимит! Ограничения! Я никак не могу этого уразуметь.

ДИН ВЭЙ *(думает)*. А мне понятно. Торопливость, без учета реальных условий, конечно, не оправдана, она вызывает противодействие. Ну, а если темпы производства соответствуют реальным возможностям, разве в таких случаях не может быть противников?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Верно. Главное-то и кроется в соответствии планов с конкретной действительностью. Китаю нужна промышленность. Это я глубоко понимаю. Китай в промышленном отношении отстал. Но не слишком ли быстры темпы, которые утверждаются сейчас?

ДИН ВЭЙ. Есть у нас целый ряд и других вопросов, которые мы будем решать совместно. Но, дорогой Цянь, об этом скажу коротко темпы развития китайской промышленности должны быть соответственно быстрыми, а не соответственно медленными.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Я об этом тоже думаю. Ни в прошлые свои годы, ни в эти три года я не ориентировался на медлительность.

ДИН ВЭЙ. Правильно. Нельзя на нее ориентироваться. Дело в том, что отсталость-то нам от прошлого досталась, многолетняя отсталость. Очень большая! И сейчас мы в таком положении: «Бей сильней, погонай лошадей, — скачи напролом».

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Я хочу добавить. Ведь, кроме отсталости, у нас более чем тридцатилетняя разруха. Вот наш завод — в тридцать седьмом году пришли японцы, вдребезги разбили.

ДИН ВЭЙ *(тяжело качает головой)*. Да. А сколько разрушений принесли войны — и внутренние и внешние! *(Пауза.)* Вспомните, после Октябрьской революции в Советском Союзе было такое же положение. Говорили, что молодая Советская Россия вышла о поля боя на костылях.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. У нас — то же самое.

ДИН ВЭЙ. Почти одинаково. Но есть и разница. Одинаковое —

отсталость и военные разрушения. Разница в том, что Китай выходит с поля боя на костылях, но не одиночкой. Мы опираемся, нас поддерживает дружеская рука.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(твердо)*. Это рука Советского Союза.

ДИН ВЭЙ. Ведь это очень важно, дорогой Цянь. Это помогает нам ускорять темпы промышленного развития. Вы говорите, что изучаете русский язык не по собственному желанию, а для того, чтобы удивить сына. А я думаю, что есть у вас и другая причина — это изучение советского опыта.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(смеется)*. Ладно уж, разоблачили. Да, есть такая мысль.

ДИН ВЭЙ. Это очень хорошая мысль.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. А ты, девушка, не болтай — пусть это останется и секрете.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Хорошо, даю слово.

В это время, не думая, что о комнате кто-то есть, Сюй Да-минь толчком открывает дверь, входит и видит Дин Вэй, разговаривающего с Цянь Пэй-чжы. Растерян. Смотрит на часы.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Извините, я пришел на целый час раньше...

ДИН ВЭЙ. Нет, как раз вовремя. Здесь вот и главный инженер Цянь, мы только что начали беседу... *(Подвигает стул.)*

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(возражая)*. Нет, нет... мы уже много поговорили. Вы побеседуйте с Сюй Да-минем *(объясняет)*, а я еще собираюсь побродить со старухой и с детьми. До свидания. *(Протягивает руку.)* Мне очень помог разговор с вами. Ведь мне, собственно, впервые так пришлось беседовать с директором. *(Дин Вэй пытается возразить.)* Можно высказать вам одну мысль?

ДИН ВЭЙ. Конечно, можно.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Я скажу. Очень много на нашем заводе всяких мелких и крупных совещаний, а настоящего обмена мнениями между руководителями, глубокого анализа обстановки почти нет. Иногда ведь хочется высказать свои соображения, да видишь, что директор суетится, мечется, занят. Пусть даже в этих соображениях не всё будет правильно. Но всё равно говорить с директором надо, а у нас таких разговоров почти не было.

ДИН ВЭЙ. Справедливо говорите. И очень важно. Спасибо вам, отныне такие разговоры будут чаще. До свидания. *(Пожимает руку. Цянь Пэй-чжы уходит, Дин Вэй провожает его к двери и возвращается. В это время Юй Цзя-хуа достала записную книжку, вынула из нее два билета в кино и один передала Сюй Да-миню.)*

СЮЙ ДА-МИНЬ *(в затруднении)*. Тьфу, чорт! И можно бы, да времени нет.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А разве не ты заказывал?

Возвращается Дин Вэй. Разговор обрывается.

ДИН ВЭЙ *(к Сюй Да-миню)*. Садись, пожалуйста.

СЮЙ ДА-МИНЬ *(садится, замирает в ожидании. После паузы)*. Директор Дин, я тогда вел себя нехорошо.

ДИН ВЭЙ *(не понимая)*. В чем дело? Когда -- тогда?

СЮЙ ДА-МИНЬ. А вот когда вы в первый раз пришли на завод. Когда я говорил о штурмовщине, о том, что увеличивается рабочее время — я не совсем правильно вел себя по отношению к директору Яну.

ДИН ВЭЙ. А для чего ты мне говоришь об этом?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(не знает, что ответить, задумался)*. Я, наверно, произвел тогда на вас плохое впечатление.

ДИН ВЭЙ (*смеется*). Нет, первое впечатление у меня отнюдь не плохое. (*Задумался*) Ты думаешь, что я вызвал тебя по этому поводу? Чтоб ты признался в своем плохом поведении?

СЮЙ ДА-МИНЬ (*подавленно*). Вы только что прибыли на завод, вызываете меня. Думаю, наверно...

ДИН ВЭЙ. Что — наверно?

СЮЙ ДА-МИНЬ (*прямо*). По моему опыту — директор обычно вызывает для того, чтобы дать задание или чтоб отругать... а больше...

ДИН ВЭЙ. Неправильно. Я тебя вызвал для того, чтоб поговорить с тобой о твоём поведении в тот день! О твоём поведении, о твоём отношении... к работе. (*К Юй Цзя-хуа*.) Товарищ Юй Цзя-хуа, что вы ему говорили, когда вызывали его?

Юй ЦЗЯ-ХУА (*немного смущаясь*). Очень просто — я сказала, что директор Дин вызывает его для беседы. (*Задумалась*.) Да, я говорила ему о его плохом поведении. Только это было после, а ведь на групповом собрании я поддерживала его предложения.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Директор, у меня дурной характер, я это признаю. У меня много недостатков и в работе, и в отношениях с людьми. Я вспыльчив, часто ругаюсь в цехе. Не могу смотреть спокойно, когда люди бесхозяйственно расходуют материалы, в рабочее время забавляются. А вот есть работницы, которые технику не изучают, а замуж выходили. Да, я им говорил: «Разве вы работницы? Идите детей кормите!» Это всё правда. Но всё это я делаю не для того, чтоб стать известным, не для того, чтобы выдвинуться, показать себя, как говорят люди.

ДИН ВЭЙ (*к Юй Цзя-хуа*). Люди так говорят, или вы так думаете?

Юй ЦЗЯ-ХУА. Характер у него плохой — это всему заводу известно. И я лишь говорю то, что слышу о нем от других. (*Смотрит на Сюй Да-миня, как бы осуждая его*.) Это он всё перепутал.

ДИН ВЭЙ. А! Сейчас мне уже понятней стало. Мысль о том, чтобы побеседовать с тобой, — моя, а мысль о том, чтобы поругать тебя за плохое поведение, — ее. Так? И смешивать их не надо. Ну, хорошо, давайте поговорим о другом. (*Небольшая пауза*.) Ты прежде где работал? (*Смотрит пристально на Сюй Да-миня, затем добавляет*.) Давай сегодня откажемся от твоего «опыта» разговаривать с директором. Ведь директор может пригласить человека не обязательно для ругани или для постановки новых задач. Так или не так? Давай же просто поговорим...

СЮЙ ДА-МИНЬ (*благодарно, но вместе с тем серьезно*). Давно еще я учился, но не закончил учебу. До освобождения ведь много неразберихи было — исключили, а после освобождения поступил в рабочую школу.

ДИН ВЭЙ (*к Юй Цзя-хуа*). Вы вместе учитесь?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Нет, он уже окончил.

СЮЙ ДА-МИНЬ. После окончания работал в районе в учреждении, потом с группой техников был направлен на завод, и вот уже два года как фактически не учусь.

ДИН ВЭЙ. Но ведь за эти два года ты дело изучил, и знаешь его лучше, чем такие, например, новички, как я, которые совсем еще ни в чём не разбираются. Ты член союза молодежи?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Да. Уже перерос. В декабре прошлого года подавал заявление в партию. (*Опускает голову*.) Не приняли.

ДИН ВЭЙ. О! (*Пауза*.) Исправишь ошибки — примут. Ты должен как следует учиться. У тебя есть возможность стать партийным специалистом в промышленном строительстве. Нам нужны такие специалисты, Нам в партии нужны люди, знающие технику.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Но на нашем заводе технический кружок с трудом пробивает себе дорогу. Вы слышали, как директор завода Ян упрекал меня за узкотехнический подход к делу?

ДИН ВЭЙ *(доволен его упорством и искренностью. Однако отвечает не сразу)*. Это не совсем правильное выражение. Надо быть против науки и техники, которые оторваны от политики. *(Пауза.)* Конечно, техника очень важна. Товарищ Сталин говорил, что техника в период реконструкции решает всё. А Китай как раз и находится в таком положении.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Ну, а разве я тогда поднял только технический вопрос? Ведь я поднял и политический вопрос. Если в производстве неразбериха, штурмовщина, если возникают несчастные случаи, если продукция выпускается не по установленным образцам и из нестандартных материалов и всё это засылается на заводы и рудники, — разве это не политический вопрос? Разве это не вопрос об идеологии руководителей? *(Возбуждаясь.)* Когда я говорю об этом, я не могу скрыть от вас своей тайны — о производственном хаосе на нашем заводе я написал в партийную газету.

ДИН ВЭЙ *(делает шаг, с трудом сдерживает спокойствие)*. Разве написать в газету — это плохо? Зачем здесь говорить о какой-то тайне?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(решительно)*. Потому что руководство завода рассматривает выступление в партийной печати как подрыв авторитета завода.

ДИН ВЭЙ *(строго)*. Руководство не будет так рассматривать, можешь успокоиться.

Суй Да - ми нь молчит.

Телефонный звонок. Юй Цзя-хуа идет к телефону.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Алло! Кто? Здесь. А ты... *(Смеется.)* А, подожди, пожалуйста. *(К Дин Вэю.)* «Пусть папа подойдет к телефону» — ваша дочка.

ДИН ВЭЙ. Как они меня здесь разыскали? *(Берет трубку.)* Алло! В чем дело? Мама зовет домой? А ты не путаешь? Это не мама, а ты зовешь меня домой. Правильно? А разве дети не могут обманывать? Я знаю. Билеты уже готовы. Три билета. Правильно. Что? Обедать? Что-то рано очень. *(Вешает трубку. Объясняет.)* Ничего не поделаешь. Ребенок зовет в кино. *(К Юй Цзя-хуа.)* У вас какой сеанс?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(задумалась о чем-то, рассеянно)*. Что?

ДИН ВЭЙ. Вы разве не купили билеты?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А, билеты... купили. Через профсоюз. Все на третий сеанс.

ДИН ВЭЙ. Отлично, значит все вместе. Картина очень хорошая, обязательно надо посмотреть. Третья серия «Максима» — «Выборгская сторона». В то время в Советском Союзе было так же, как у нас сейчас. Люди — не специалисты — становились во главе управлений, отделов, заводов... *(Смотрит на Суй Да-миня. Тот неспокоен.)* Что, опять о том же?..

СЮЙ ДА-МИНЬ *(с силой, энергично)*. Я не могу спокойно смотреть. Я хочу говорить. *(Пауза. С болью.)* Я не имею дурного помысла. Я только хочу поднять цех, поднять завод. Не боюсь даже, если меня виноватым назовут. *(Юй Цзя-хуа хочет остановить его, но он продолжает.)* В луже рыбу ловит, а озера рядом не видит. Ни с кем не поговорит, не посоветуется... Вижу я — он как лошадь-одиночка! Так разве социализм строят?

ДИН ВЭЙ. Кто это лошадь-одиночка?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(срыгается с языка)*. Директор завода Ян.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Сюй... ты...

ДИН ВЭЙ *(рукой останавливает Юй Цзя-хуа)*. Пусть всё до конца выскажет, очень хорошо. Но директор Ян...

В двери входит Се Вэй-дэ. Увидел Дин Вэя.

СЕ ВЭЙ-ДЭ *(учтиво)*. О! Директор Дин, вы здесь? Воскресенье, а вы не отдыхаете... *(к Сюй Да-миню)*. Ай-а, товарищ Сюй Да-минь! Однакож, я запарился в поисках тебя. Куда ни приду...

СЮЙ ДА-МИНЬ. Что, дело есть?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Нет, ничего. Только вот директор Ян звонил, искал тебя. Ты пройди, пожалуйста, он ждет тебя у себя.

СЮЙ ДА-МИНЬ *(расстроен. Дин Вэй также что-то предчувствует)*. Я иду. *(Надевает шапку. Как бы про себя, но вслух)*. Быстро ищут — по поводу письма в газету. *(Уходит, забыв попрощаться с Дин Вэем)*.

Юй Цзя-хуа провожает его напряженным взглядом, затем поворачивается, смотрит на Дин Вэя.

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Директор Дин, вы ведь очень устали. Всё это время...

ДИН ВЭЙ *(не отвечая на слова)*. Начальник цеха Се, вы знаете, по какому поводу Ян вызвал его?

СЕ ВЭЙ-ДЭ *(улыбаясь)*. Мне тоже неособенно ясно. Слышал, что по поводу перевода его на другую работу. Вы же должны знать, директор... *(Несколько озабочен присутствием Юй Цзя-хуа, продолжает тихо)*. Отношения Сюй Да-миня с людьми не очень хорошие, в цехе он одинок, вот только я его поддерживаю, отзываюсь о нем хорошо...

ДИН ВЭЙ. Почему его переводят на другую работу?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Может быть, это и не точно. Просто я так предполагаю. Вы же, директор, беседовали с ним. Он ведь хороший товарищ... В работе активен, на всё имеет свой взгляд, только молод еще, безрассуден по молодости. Работает — думает, а говорит — не думает. Легко себе беду наживает. *(Пауза)*. Вы слышали, директор, что партию трансформаторов не рискнули испытывать — вернули.

ДИН ВЭЙ. А какое это имеет отношение к Сюй Да-миню?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Конечно, может быть, и не точно, что он поднял об этом разговор, но директор Ян говорит, что он повсюду уже разнес слух об этих трансформаторах... *(Вдруг замолчал. Пауза)*. Поэтому, директор, лучше дела решать внутри, а вынесешь наружу — и внутри и снаружи запах будет и раны...

ДИН ВЭЙ. Значит, Ян вызвал его...

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Не точно еще — по этому делу или нет. Ян ведь поддерживает и любит Сюй Да-миня, только вот опасно, что тот буйствует, напролом лезет... Поэтому... *(Замолкает)*.

ДИН ВЭЙ *(спрашивает)*. Поэтому?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Как раз в районе требуется человек для техникума. Хотят, чтоб завод послал им учителя — подготовленного кадрового работника... Директор Ян думает...

ДИН ВЭЙ. Послать товарища Сюй Да-миня?

СЕ ВЭЙ-ДЭ *(скороговоркой)*. Это еще не окончательное решение. Директор Ян только звонил по телефону... *(Испытующе)*. А как вы смотрите?

ДИН ВЭЙ. Это плохо. Ян у себя?

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Да, если вы, директор завода, чувствуете, что это плохо, я пойду, поговорю с Яном...

ДИН ВЭЙ. Нет, я сам пойду. *(Берет одежду)*. Так делать нельзя, по отношению к любому человеку — нельзя. *(Открывает двери. Выходит)*.

Затем возвращается. К Юй Цзя-хуа.) Товарищ Юй, позвоните, пожалуйста, ко мне домой, возможно я задержусь, пусть не ждут меня к обеду.

Уходит.

Се Вэй-дэ в оцепенении, не может ничего сказать, поспешно уходит. Юй Цзя-хуа сначала тоже несколько растерянна, но быстро приходит в себя, в глазах выражение возбужденности.

Занавес

Картина II

Время действия то же, что и в предыдущей картине. Квартира Ян Чжун-аня. Комната в нижнем этаже отдельного дома. Прямо — окно. Снаружи видна небольшая поляна, дерево, часть кеба, бамбуковая изгородь. Справа изгиб, входная дверь. Слева дверь в смежные комнаты. Посредине небольшой круглый стол. Справа, сзади, у стены старая кушетка. Вокруг стола несколько стульев. С левой стороны, сзади, небольшая легкая дверь, левее двери плетеная книжная полка белого цвета, на ней в беспорядке несколько книг. У дверей в смежные комнаты на полу детская игрушка, деревянная лошадь. На стене висит порванный бумажный змей.

От всей комнаты веет запущенностью и беспорядком.

Открывается занавес. Сюй Да-минь стоит прямо перед Ян Чжун-анем. Ян Чжуи-ань сидит на плетеном кресле, постукивает пальцами рук по столу, изучающе смотрит на Сюй Да-миня. Мертвая сцена. Пауза.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Садись, поговорим. У тебя есть еще какие-нибудь возражения?

СЮЙ ДА-МИНЬ *(пауза)*. На эту работу я не пойду!

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Не пойдешь? Всё еще не пойдешь?

Сюй Да-минь молчит.

Слышен плач детей, дополняющий тягостность происходящего на сцене.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(громко)*. Эй! Возьмите детей в детскую!

Голос Ван Хой: «Не кричите, не кричите! Папа ругается, идите играть».

ВАН ХОЙ *(входит, чтобы взять валяющуюся на полу игрушку. Увидела Сюй Да-миня. С усилием улыбается)*. Товарищ Сюй! Почему не садитесь? Детишки раскричались до невозможности! *(Берет игрушку, выходит.)*

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(торопит)*. Ну, что, не решился еще?

Сюй Да-минь молчит. Видно, что он думает, по ответу придумать не может.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(понижает голос)*. Это работа очень важная. Очень важная. Воспитание молодых технических кадров...

СЮЙ ДА-МИНЬ. Я не тот, кто не имеет работы и дела. Рационализаторские предложения Ма Сяо-бао за это время уже...

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(сердась)*. На заводе не ты один разбираешься в технике. Найдутся люди, которые будут отвечать за работу с рационализаторами. Товарищ Сюй Да-минь, ведь руководство направляет тебя на эту ответственную работу.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Руководство? А директор завода Дин согласен?

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(злится)*. Это тебя не касается.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Директор завода Дин только что разговаривал со мной, об этом речи не было.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(встает)*. Ты искал директора Дина?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Это он меня искал.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. О чем же вы говорили?

СЮЙ ДА-МИНЬ. О разном. Конечно, и о производственных делах говорили.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*не ожидал этого, начинает волноваться*). Ты думаешь жаловаться? Предупреждаю тебя, не рассчитывай на то, что у руководства могут быть два различных мнения. Не выискивай лазейку... Директор завода Дин вместе со мной.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Я этого не думаю. (*Добавляет.*) Я не такой плохой человек.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*холодно*). Не такой плохой? О, еще подумай! Все говорят, что в тебе глубоко сидят привычки старого, любишь выдвигаться, жалуешься повсюду...

СЮЙ ДА-МИНЬ (*возмущенно и с подъемом*). Неужели если есть своя точка зрения, нельзя о ней говорить?

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*громко*). Можно говорить, можно говорить! Но почему не сказать (*подчеркнуто*) лично мне?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Только что говорил. У меня есть соображения по работе. Я думаю о рационализаторских предложениях по поводу обмотки катушек.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*с трудом сдерживая спокойствие*). Каждый человек может высказать свою точку зрения, но окончательное решение всё таки у руководства. Это надо понимать. Ты член союза молодежи?

Сюй Да - минь молчит.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо, иди еще подумай.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Этот вопрос...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты не подчиняешься... руководству?

Звонок за дверью, выбегает Ван Хой, направляется к двери.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Юноша, я так решаю для того, чтоб тебе же было лучше, не...

ВАН ХОЙ (*в дверях*). Ай-а! Товарищ Дин Вэй! Какая неожиданность! Один? А почему Ю-цин не пришла?..

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*рассеян, торопится скорее отправить Сюй Да-миня*). Хорошо, потом еще поговорим. Иди. Посоветуйся с начальником цеха Се. До свидания.

Сюй Да - минь идет к выходу, через несколько шагов возвращается — забыл на столе шапку.

ДИН ВЭЙ (*как раз лицом к лицу с Сюй Да-минем*). О, товарищ Сюй Да-минь! Почему же сразу уходишь?

СЮЙ ДА-МИНЬ (*глухо*). До свидания.

Уходит.

ДИН ВЭЙ (*проводжает его взглядом, стоит посредине комнаты, оборачивается к Ян Чжун-аню. Здоровается*). Воскресенье, а ты не выходишь на улицу?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Садись здесь. (*К Ван Хой.*) Принеси чаю.

ВАН ХОЙ. А у нас что выходной, что не выходной. (*Перехватила взгляд Ян Чжун-аня.*) Если не по телефону с людьми разговаривает, так сюда вызывает... Правда.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*как будто не слышал*). Ну как, старина, с обстановкой ознакомился?..

ВАН ХОЙ. Ты посмотри! Старые друзья — обстановка, работа... Такая хорошая погода, даже в сад не выйдут. Дин Вэй, ведь это такой человек, который не понимает жизни...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо, хорошо, ты понимаешь, ты понимаешь. (*Присматривается ожидающе к Дин Вэю.*)

ДИН ВЭЙ (*садится*). Всё новое. За один прием не вдохнешь.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*довольный*). Правильно. Завод ведь не то, что от-

дельный участок работы. Сейчас-то уже хорошо—встали на рельсы, а вот когда я вначале пришел...

ВАН ХОЙ. Дин Вэй, позвони Ю-цин, пусть зайдет, вместе покушаем, поболтаем. Хорошо? И еще девочка...

ДИН ВЭЙ (*смотрит на часы*). Спасибо, спасибо! Сегодня нельзя. Но из многих дней — один найдется. (*Смеется*.) Придется нарушить ваши правила отдыха. Побеседуем немного с Ян Чжун-анем — и я пойду.

ВАН ХОЙ. Почему так скоро?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо, поговорим. (*Бросает взгляд в сторону Ван Хой. Та понимает, что надо уйти, уходит за чаем.*)

ДИН ВЭЙ. Давай о Сюй Да-мине. Ты только что...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. А ты откуда знаешь?

ДИН ВЭЙ. Мне Се Вэй-дэ сейчас рассказал...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Верно, только что вызывал его по этому поводу. А ты как смотришь?..

ДИН ВЭЙ. Я считаю, что так делать нехорошо.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Нехорошо? Почему?

ДИН ВЭЙ. Объективно получается, что вы гоните человека, который смело высказывает свою точку зрения...

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*возражая*). Не потому, что он любит высказывать свою точку зрения, а потому, что у него ненормальные отношения с народом, в нем глубоки анархические привычки, с людьми скандалит, много болтает. Особенно не ладят они с начальником цеха Се Вэй-дэ.

ДИН ВЭЙ. Он признает, что характер у него плохой, вспыльчивый, но надо разобраться: ведь он ругается с людьми за определенные идеи. Надо разобраться — правильны эти идеи или ошибочны.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*смеется*). Так еще разбираться, я...

Входит Ван Хой, вносит две чашки чая.

ДИН ВЭЙ. Товарищ Ван Хой, вот, по-твоему... Сюй Да-минь... как его оценивает профсоюз?

ВАН ХОЙ (*задумалась*). Характер у него очень вспыльчивый, говорит слишком резко. А хорошие стороны — в работе горяч, смело мыслит. В прошлом году в цехе пробило провод, так он, рискуя собой, ликвидировал аварию. Был отмечен вышестоящим профсоюзным руководством. С молодыми рабочими у него отношения неплохие. И хотя он часто спорит, — очень многие любят его.

ДИН ВЭЙ. Это значит...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты не слушай ее. Оценка профсоюза однобокая. Есть один факт, а уж раздуют его. Переводя его на другую работу, мы прежде всего считаемся с мнением людей из цеха. Очень решительно на этом настаивает начальник цеха Се Вэй-дэ. Можем ли мы не прислушаться к голосу начальника цеха?

ДИН ВЭЙ. А Се Вэй-дэ только что говорил мне, что идея о переводе — это твоя идея.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*громко смеется*). Ха! Старина! Неужели я буду врать, сидя перед тобой? Можно позвонить ему по телефону и спросить...

ДИН ВЭЙ. К чему это? (*Искренне, убедительно*.) Старина Ян, я, конечно, верю тебе, однако я не обязательно должен верить Се Вэй-дэ. За это время я уже привык и чувствую, что Се Вэй-дэ — это человек не особенно прямой.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*смеется*). Дин, я на этом заводе больше трех лет. Из технического состава Се Вэй-дэ прогрессирует быстрее всех. В работе активен, с людьми в хороших отношениях, на собраниях всегда

проводит лозунги руководства, никогда не выскажет сомнения по поводу заданий, поставленных свыше...

ДИН ВЭЙ. Ян, я в кадровой школе, на курсах провел два-три года и тоже сталкивался с большим количеством старой интеллигенции. Есть такие образцы — на собраниях активны, выступают красиво, но такого сорта люди обычно, проголосовав на собрании обеими руками, после собрания — двурушничают, на две стороны три ножа держат...

Ван Хой пытается что-то сказать, но ее останавливает Ян Чжун-ань.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Конечно, о каждом человеке можно судить по-разному, но политически на Се Вэй-дэ можно опереться.

ДИН ВЭЙ. Хорошо. *(Шутя.)* Мы временно прервем нашу дискуссию о людях, а что касается Сюй Да-миня, то пока решения принимать не будем. Хорошо? Послушаем других людей.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(недоволен.)* Раз ты принял решение, я слов не имею.

ДИН ВЭЙ *(мягко.)* Нет, не так надо говорить. У нас должно быть единое мнение.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Старина Дин, всё ясно. Отныне, когда у нас мнение будет разное, — решающее слово твоё.

ДИН ВЭЙ. Нет, дело не в том, чье решающее слово — твоё или моё, а в том, чтоб оно вытекало из общих интересов, из партийных интересов.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Да что об этом говорить! Хороню. Я согласен, согласен!

ДИН ВЭЙ. Вот и отлично. Завтра мы снова побеседуем с Се Вэй-дэ. *(Встает.)* До свидания, старина. *(Поясняет.)* Сун Сун ждет меня домой.

ВАН ХОЙ. Обязательно надо итти? *(Жмет ему руку, провожает к двери.)*

ДИН ВЭЙ *(в дверях пожимает руку Ян Чжун-аню.)* После обеда в кино не идешь?

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(качает головой.)* У меня к этому интерес не велик.

Дин Вэй уходит.

Ян Чжун-ань возвращается в комнату, делает несколько шагов. Выпил глоток чаю, углубился в раздумье.

Возвращается Ван Хой — в руках газета. Хочет передать ее Ян Чжун-аню, но что-то привлекает ее внимание в газете. Останавливается. Смотрит.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(как бы предчувствуя.)* В чем дело?

ВАН ХОЙ *(читает.)* «Хаос на заводе «Синьхуа» по производству электродвигателей».

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Что? *(Бросается к ней.)*

ВАН ХОЙ. Вот — статья.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(смотрит.)* Это наверняка Сюй Да-минь свинью подложил! *(Гневно.)* Болтун! За четыре месяца — двенадцать несчастных случаев. Добавил!

ВАН ХОЙ *(приближается, смотрит в газету, говорит.)* Я вижу, этот вопрос...

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(раздраженно.)* Что ты видишь? *(Гневно смотрит на нее.)*

ВАН ХОЙ. Думаю, что это точка зрения не только Сюй Да-миня.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Конечно, за его спиной кто-то стоит. *(Снова смотрит газету, расстилает ее на столе.)* Это просто выстрел в спину. *(К Ван Хой.)* Понятен замысел — перед началом майского соревнования напасть на руководство? *(Вновь берет газету.)* О! Так и знал! Не ошибся! Смо-

три! *(Читает.)* «...Главная причина хаоса на производстве кроется в самодовольстве и чванстве руководства...» Подлец! Кто самодоволен? Кто чванлив? Я не раз критиковал идеологические срывы на производстве *(Остановился, сосредотачивается. К Ван Хой.)* Звони секретарю канцелярии Вэю и Се Вэй-дэ. Надо обязательно писать опровержение.

ВАН ХОЙ. Нет, ты не можешь этого сделать.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(гневно)*. Почему?

ВАН ХОЙ. Это партийная газета.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(взбешенно)*. А партийная газета не может ошибаться?

ВАН ХОЙ. Ты остынь немного. Уже напечатано! Партия, союз молодежи, профсоюз — все обсудят эту заметку, и будет ясно, где правда, где неправда.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(в оцепенении смотрит в газету, не может сдержать себя, громко)*. Обсуждать? Не пройдет! Знаю я это обсуждение — семь ртов, восемь языков! Ясно, меня хотят опозорить! Воспользовались приходом Дин Вэя... *(Смотрит на Ван Хой.)*

ВАН ХОЙ. С приходом Дин Вэя будет проведена ревизия, и это на пользу работе. Вот и в статье говорится: «Надеемся, что руководители завода проведут строгую ревизию».

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(громко)*. Я не боюсь ревизии, я не боюсь проверки, я только не могу смотреть на эту болтовню, на эти заводские сплетни! Я не позволю им бить в голову... *(Делает несколько шагов, вдруг хватается за сердце.)* Ой!

ВАН ХОЙ *(испуганно)*. Что такое?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Если никто на заводе не напишет опровержения, тогда ты его напишешь. Хорошо?

ВАН ХОЙ *(совершенно растерявшись)*. Я?

ЯН ЧЖУН-АНЬ! Да. Ты.

ВАН ХОЙ. Я кто?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты — моя жена. Я это знаю. Но Сюй Да-минь не подписал свою статью. И ты можешь не ставить своего имени. Ты выступишь от имени профсоюза.

ВАН ХОЙ *(меняется в лице)*. Ты с ума сошел! На что ты решаешься? Я кто? И ты кто?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я?

ВАН ХОЙ. Ты! Не забыл? Ты — коммунист!

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Что, я сам не знаю? Ты мне напоминать должна?

ВАН ХОЙ. Если б знал, не дошел бы до таких слов, до таких мыслей! Ведь это почти...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Что? Ты? Ты оскорбляешь меня? *(Делает стремительный шаг к ней.)*

ВАН ХОЙ *(громко)*. Стой! Что ты замышляешь? Я оскорбляю, позорю тебя или ты сам позоришь себя?

ВАН ХОЙ. Слушай меня. Терпение кончилось! Я тоже член партии. Я тоже имею выбор. Я не могу закрывать глаза и падать вместе с тобой. Я уже много натерпелась за эти годы.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(устало)*. Ты рассчитываешь, ждешь случая... и тоже...

ВАН ХОЙ. Меньше болтай! Подумай хорошо. Дин правильно говорил. Ты отупел от похвалы таких людей, как Се Вэй-дэ: «директор за вода справедлив, директор мудр». Тебя этим воркованием, этими сладкими словами на небо подняли, ты не чувствуешь себя...

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*глухо*). Что ты сегодня какая-то...

ВАН ХОЙ. Сегодня? Это нужно было раньше сказать. (*Примири-тельно.*) Ты подумай — сейчас какое время? На каком ты посту...

Ян Чжуи-ань молчит.

За дверьми слышны голоса детей: «Дядя Се, дядя Се!»

Оба смотрят на дверь: Се Вэй-дэ услужливо вносит большой кусок свинины.

Входит, открывая дверь локтем.

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Директор, кажется, вы хотели свиную ножку? Я с удовольствием купил ее для вас... сегодня в кооперативе. (*Чувствует, что обстановка неблагоприятная.*) Товарищ Ван Хой... (*Передает ей свинину.*)

ВАН ХОЙ. Много благодарна вам. (*Берет свинину, нарочито громко смеется.*)

СЕ ВЭЙ-ДЭ. Хорошая, очень хорошая свинина... (*Бросил взгляд на Ян Чжун-аня, поспешно ретируется.*) До свидания, до свидания.

Уходит.

Ван Хой смотрит на Ян Чжун-аня. Недвижима. Ян Чжун-ань устало садится.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Спустя несколько дней. Вечереет. На сцене обстановка первого действия. Занавес открыт. Дин Сун раскладывает на длинном разграфленном листе бумаги гербарий. Обклеила гербариями полстены перед своей книжной полкой. Продолжает приводить в порядок гербарий. Напевает про себя мелодию песни «Солнце скрылось за горою».

Дин Вэй возвращается с завода.

ДИН ВЭЙ (*к Дин Сун*). Обедали?

Дин Сун утвердительно кивает головой, не отрываясь от стола и продолжая напевать мелодию.

ДИН ВЭЙ (*рассматривает гербарии, прикрепленные к стене*). Что это тут, выставка открывается? Да еще при музыкальном сопровождении...

Дин Сун не реагирует.

Дин Вэй снимает одежду, кладет портфель, проходит в задние комнаты, умывается, возвращается.

ДИН ВЭЙ. А мама ушла?

ДИН СУН (*прекратила пение. Просто*). Собрание.

ДИН ВЭЙ (*подходит к гербарии*). Это тростник. Я знаю. А это что?

ДИН СУН. Одуванчик.

ДИН ВЭЙ. Это всё я знаю. Редька, горох, лютик. Правильно? А для чего так много кленовых листьев?

ДИН СУН. Ошибся. Это не клен, а лаковое дерево. Посчитай — кленовые листья пятипалые, а эти семипалые.

ДИН ВЭЙ (*утвердительно кивает головой*). Ах, вот тут еще какая разница есть. Это...

ДИН СУН. Ты сам смотри. Внизу же имеются надписи.

Дин Вэй садится на свое место, вынимает сигарету. Взглянул на часы, взял книжку. углубился в чтение.

Темнеет. Дин Сун привела в порядок гербарий, пересчитала. Зажгла свет.

ДИН СУН. Учитель говорил нам, что читать в эти часы книги — очень вредно для глаз.

ДИН ВЭЙ (*смеется*). А если не читать в эти часы, когда же читать?

(Заметил, что дочь уже кончила свои дела.) Сун, сможешь мне немного? Хорошо? (Показывает в книгу.) Откуда здесь вот эта формула получается?

ДИН СУН. Ты учи сам.

ДИН ВЭЙ. Ты не хочешь помочь? Хорошо. Через день ты меня попросишь рассказать что-нибудь о текущих делах, я тоже скажу тебе — учи сама.

ДИН СУН (смеется). Хорошо. Я посмотрю. (Становится рядом с ним, капризно.) Папа, в следующее воскресенье...

ДИН ВЭЙ. Знаю. Есть просьба, так называемая одна: днем парк, вечером кино. Так ведь?

ДИН СУН. Ты согласен?

ДИН ВЭЙ. Сперва объясни мне эту формулу.

ДИН СУН. Да разве она не из предыдущей формулы вытекает? (Пишет что-то карандашом сбоку.) Это же закон Ома — сила тока прямо пропорциональна напряжению тока и обратно пропорциональна сопротивлению.

ДИН ВЭЙ. Ну-ка, объясни подробней.

ДИН СУН. Сила тока и сопротивление — обратно пропорциональны. То есть, чем больше сопротивление, тем меньше сила тока, чем меньше сопротивление, тем больше сила тока.

ДИН ВЭЙ. А! (Утвердительно кивает головой. Сам пишет какую-то формулу.) Значит, сила тока боится сопротивления и выбирает место, где сопротивления поменьше. Правильно?

ДИН СУН (и понимая и не понимая). И наоборот — обратно пропорционально! (Вернулась и остановилась у своей книжной полки.)

Пауза.

ДИН СУН (вспомнив что-то). Папа, только что приходила Маленькая Ван.

ДИН ВЭЙ. Маленькая Ван? Кто это?

ДИН СУН. Я раньше не видела ее. Мама велела мне звать ее женой Яна. А сама называла — Маленькая Ван. Голова у нее уже наполовину седая, а зовут ее еще Маленькая Ван...

ДИН ВЭЙ (задумался). Жена Яна. А! Правильно. Это жена директора завода Яна.

ДИН СУН. Да, да! Они говорили о делах завода. А потом Маленькая Ван плакала.

ДИН ВЭЙ. Почему?

ДИН СУН. Не знаю.

ДИН ВЭЙ. О чем она говорила? О заводских Делах...

ДИН СУН. О, мама не разрешила мне слушать, я только слышала, как жена Яна говорила: люди говорят, что вы двое воюете, нет у вас единства.

ДИН ВЭЙ. Жена Яна сказала или люди говорят?

ДИН СУН. Жена Яна сказала, что люди говорят.

ДИН ВЭЙ. О!

ДИН СУН (испытывая его). Что — «О!» А? (Серьезно.) Папа, разве нельзя, чтоб все были едины?

ДИН ВЭЙ (подавляет улыбку, но безуспешно, улыбается). Еще о чем говорили?

ДИН СУН. Подожди немного. Мама расскажет тебе. (Остановилась.) Потом говорили, говорили — и мама тоже заплакала. Мама сказала... нет, жена Яна сказала, что Ян, старший брат Ян, который в тот раз приходил, придет к тебе сегодня вечером.

ДИН ВЭЙ. Он хочет притти сегодня вечером?

ДИН СУН. О! Жена Яна сказала, что он сначала боялся итти, но она заставила его, и он теперь не боится. *(Серьезно.)* Папа, ты посмотри, какие хорошие люди к тебе идут. Значит, с тобой вместе.

ДИН ВЭЙ *(неспокойно)*. Сегодня вечером? Тогда я сам пойду к нему. *(Смотрит на часы.)* Чорт возьми! Нельзя. Еще другие люди должны притти. *(Идет к телефону.)* Алло! Пригласите к телефону директора Яна. Нет его? Не возвращался? А Ван... *(разговор обрывается. Дин Вэй звонит снова)*. Алло! Завод «Синьхуа»? Дайте кабинет директора Яна... Что? Никто не отвечает? *(Кладет трубку, беспокойно ходит по комнате с книжкой.)*

Возвращается Чжэн Ю-цин. Купила фрукты. Перекладывает их из пакета в вазу.

ДИН ВЭЙ. Приходила недавно Ван Хой?

ЧЖЭН Ю-ЦИН. А ты откуда знаешь? *(К Дин Сун.)* Длинноязыкая, ты рассказала? Торопиться незачем. Расскажу тебе попозже.

ДИН ВЭЙ. Ян сам хочет притти?

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Ван говорила. *(Остановилась, пауза, смотрит на него.)* Вы что, действительно не в ладу живете?

ДИН ВЭЙ *(помедлив)*. Да.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Почему бы не поговорить как следует? Надо...

ДИН ВЭЙ. Вчера на парткоме его здорово разбили. Сегодня я хотел с ним встретиться, да вот на совещание вызвали...

Дин Сун подходит и слушает.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Сун, иди в другую комнату. Помой яблоко. *(Дает ей одно яблоко. Дин Сун, поджав губы, уходит.)* Ты тоже должен быть спокойней. Ведь старые товарищи. Неужели старые друзья не могут решить между собой какого-то вопроса? Снова поговори с ним. Ты новый человек, в обстановке еще не разобрался.

ДИН ВЭЙ *(с чувством)*. Нельзя делать всё только во имя старой дружбы.

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(не понимает его)*. Ну, что это за разговор? *(Пауза.)* Ван очень горько. Она говорит, что Ян считает тебя своим родным братом. Когда он услышал, что тебя назначили директором завода, он так радовался. А вот за эти несколько дней уже по всему заводу идут разговоры, что вы повздорили. *(Садится. Продолжительное время молчит.)* Ты вспомни, когда ты оказался в опасности, он спас тебе жизнь, а сейчас...

ДИН ВЭЙ *(с болью)*. Вот поэтому сейчас, когда он оказался в опасности, я должен спасти его...

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Он? В опасности?

ДИН ВЭЙ *(затягиваясь сигаретой, качает головой)*. Да. Собственно, я ведь всё время думал: дайте разберусь немного — и тогда можно будет решить и этот вопрос. Но события развернулись таким образом, критика дошла до предела, значит, больше медлить нельзя, ждать нельзя. Я отвечаю, если не успею спасти его. Ван Хой не говорила тебе обо всем этом?

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(утвердительно кивает головой)*. Это о статье в газете?

Дин Вэй качает головой.

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(начинает понимать серьезность положения, но произвольно продолжает)*. Неприятно слышать, когда говорят: «Одна чашка молчит, а две рядом встали — звон пошел». Пришел новый директор — и в руководстве раздор. Ван Хой говорила, что Ян, конечно, во многом неправ. Но и ты тоже не будь жестоким. Ты человек новый,

люди уже по три года работают... *(Звонок в дверях.)* Наверное, он пришел. *(Идет к двери. Оборачивается.)* Я, может быть, не разбираюсь, но не надо много говорить об одном и том же. Ведь он пришел к тебе, будь спокойней, пошутите, поболтайте о другом. Ведь он тяжело всё это переносит. *(Уходит.)*

В дверь та смежной комнаты выглядывает Сун Сун.

ДИН ВЭЙ. Сун, не балуйся.

ЧЖЭН Ю-ЦИН *(из-за двери)*. Какая погода! Тепло, как летом. *(Проводит Ян Чжун-аня в комнату.)* Он только что вернулся.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(с трудом сдерживая себя)*. Что, совещание целый день было?

ДИН ВЭЙ *(приглашая садиться)*. Нет, к трем часам закончили. Вернулся на завод, а ты где-то по цехам ходил.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Да, да. *(Пауза. Несколько скованно.)* А сейчас ты свободен?

ДИН ВЭЙ. Свободен. Как раз удобно и поговорить.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. У вас в комнате душно. Почему вы окна не открываете? *(Подходит к окну, открывает одну половину.)*

ДИН ВЭЙ *(подходит)*. Открой лучше вот эту половину. *(Смеется.)* А то у Сун Сун всю траву и всех насекомых разнесет. Скандал будет.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Вот это настоящий отец — обо всем подумать успеваешь.

Молчание. Не знают с чего начать разговор. Чжэн Ю-цин входит, вносит вазу с фруктами.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Вы, как всегда, гостеприимны!

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Я вам очищу яблоко...

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(берет яблоко)*. Нет, нет — я сам! Не утруждайте себя. *(Чистит яблоко. Молчание.)*

ДИН ВЭЙ *(затягивается сигаретой. Ищет случая завязать разговор)*. Я, пожалуй, поторопился в то воскресенье зайти к тебе в гости, когда ты с Сюй Да-минем разговаривал. Не стоило было спорить с тобой. Лучше всего, если бы мы раньше посоветовались.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Не будем говорить о том, что было. Поговорим о том, что будет. Газета уже вышла — дело сделано. Более важно сейчас, как мы будем приводить в порядок производство. *(Тщательно очистил яблоко, но не ест.)* А что касается того воскресенья, то я ведь тоже несколько поторопился. Опасался, что Сюй Да-минь своей запальчивостью, разговорами, скандалами может повредить нашему делу.

ДИН ВЭЙ. Ты думаешь, что Сюй Да-минь — это...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я? Я ведь отношусь к нему совсем не плохо. Ты многого еще не знаешь. Он был прислан горкомом для участия в демократических преобразованиях. После завершения этой кампании хотел уйти. Но я видел, что он еще может поработать. И мне больших усилий стоило оставить его. Именно по моей инициативе он был назначен помощником начальника цеха. *(Оживляется, развивает мысль, разговор непринужденно идет в этом направлении.)* А когда проводили работу по укреплению партийных рядов, хотел я и его вовлечь в нее. Но он запротестовал. Ну что ж, думаю, в любой массовой работе на первых порах находятся такие драчуны. А вот за последнее время — чем дальше, тем больше. В обстановке не разберется, а по всякому поводу лезет со своими доводами. Он вообще не считается с руководством. Хотя бы об этих трансформаторах. Сбивает с толку людей. Неужели сами рабочие не знают, какое у нас оборудование, какие у нас технические условия?.. *(Сильно возбужден.)*

ДИН ВЭЙ (*холодно*). Но разве не он предлагал изменить, усовершенствовать технику на заводе?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты слышал его. Легко сказать! Ведь сколько раз у нас заседали специалисты, инженеры, сколько споров было, а вопрос так и не решили. И вдруг какой-то рабочий Ма Сяо-бао может решить его? Я беседовал с Се Вэй-дэ, Се Вэй-дэ беседовал с Цянь Пэй-чжы — они специалисты! Се Вэй-дэ говорит, что не получится, что это не «способ», не «метод».

ДИН ВЭЙ. Ну, это еще надо доказать, я как-то говорил с Ма Сяо-бао и чувствую, что мысль у него правильная. Конечно, она не приняла еще форму какого-то метода. Я беседовал с Цянь Пэй-чжы. Он заявил, что есть прямой расчет провести испытание. Так вот я решил создать специальную техническую группу для изучения этого вопроса, а во главе ее поставить Суй Да-миня.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты решил сделать так?

ДИН ВЭЙ. Решил так. (*Пауза*.) Пусть он попробует. Разве плохо? Ты хочешь перевести его из цеха легких электродвигателей, а не лучше ли поставить его специально на разрешение отдельного важного вопроса?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Не слишком ли высоко ты поднимаешь его? Характер-то у него дурной, с людьми скандалит, высокомерен, да и политически отсталый.

ДИН ВЭЙ (*смеется*). Старина, я еще в прошлый раз говорил: плохой нрав — это одна сторона. Но есть и другая сторона — большая активность и высокое чувство ответственности. Я считаю, что политически отсталый человек никогда так настойчиво, так последовательно не стремился бы обновить, усовершенствовать производство.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Если б он был политически сознательным, ему не отказали бы в приеме в партию. Всё это от молодости — на словах хорош, а на деле нет.

ДИН ВЭЙ (*с усилием сохраняет спокойствие*). Ян, надо больше присматриваться к молодым людям. Пусть пробуют. (*В горестном раздумье*.) Мы с тобой — одно поколение, мы прошли жизнь в революции и в войнах. А сейчас — новые условия, и знаний наших уже маловато. И на наших плечах лежит огромная ответственность — мы не только сами должны учиться, но, и это особенно важно, мы должны умело, со знанием дела растить молодежь.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Ты уже совсем считаешь, что мы ни к чему не пригодны. Я думаю не так. Если я не знаком с какой-то наукой, плохо разбираюсь в технике, то ведь есть для этого такие люди, как Цянь Пэй-чжы. И всё-таки — кто руководил все эти годы заводом? Доверь руководство им — производственные задания были бы сорваны, а завод не стал бы действительно народным предприятием. Старина, ты еще обдумай, не согласен я, чтоб Суй Да-миню доверить отдельную отрасль работы, этот негодяй... (*Явно раздражен*.)

ДИН ВЭЙ (*молча ходит по комнате, садится, решительно*). Ян, мы с тобой старые товарищи, нас связывает десятилетняя боевая дружба, — мы должны говорить друг другу прямо и обо всем. Можно я скажу тебе несколько неприятных слов?

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Говори.

ДИН ВЭЙ. Я чувствую, старина, что в тебе два разных человека — один человек похож на Се Вэй-дэ. Это сговорчивый, покладистый тип людей. Такой человек никогда не противоречит. Ты скажешь, что сегодня солнце голубое, он согласится, да еще начнет рассуждать, как специ-

алист, о голубизне этого солнца. Ты скажешь, что сегодня вода солоновата — он скажет: ах, как мудр директор, и даже высчитает до тысячной и десятитысячной доли процент солености. Такие люди — как шелк: ошупываешь его — и руке приятно. Но, положившись на таких людей, можно развалить завод и себя же погубить. Другой сорт людей — такие, как Сюй Да-минь. Это люди грубоватые, непослушные, на всё смотрят по-своему. Ты скажешь — «хорошо», а он скажет — «еще неизвестно»; ты скажешь — «правильно», а он скажет — «нет, еще вопросы есть». Такие люди — как грубый холст: начнешь его щупать руке неприятно. Но именно такие люди заставят тебя очнуться, настроиться, помогут тебе и сделают наше общее дело.

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*негодую*). Для тебя Сюй Да-минь прекрасен, а Ян Чжун-ань — глуп, бестолков, ни к чему не пригоден. Я — невежественный, я князек, я бюрократ. Так, что ли? Ты, товарищ, слишком рано выводы делаешь. Слишком просто смотришь на вещи.

Дин Вэй молчит.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Коль скоро ты так говоришь, я тоже молчать не буду. Ты позавчера ходил домой к Цянь Пэй-чжы?

ДИН ВЭЙ. Ходил.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я знаю, что ты был дома у Ма Сяо-бао, беседовал с ним. Это очень хорошо. Но когда член партии, директор завода, руководитель наносит визит бывшему гоминдановскому работнику, пропитанному насквозь англо-американской идеологией, — как это расценивать? Что из этого может получиться? Ты только что пришел, многого не знаешь, не разобрался в нашей трехлетней работе. Знаешь, сколько я приложил усилий, чтоб подавить влияние этих «бывших работников»? И еще трудней было заставить их уважать руководство. А теперь, с твоим приходом, они снова поднимаются.

ДИН ВЭЙ (*подумав*). Вспомни, когда мы в Циндао изучали ленинскую работу «Детская болезнь левизны в коммунизме».

ЯН ЧЖУН-АНЬ. А к чему это сейчас?

ДИН ВЭЙ. Я недавно перечитывал. Ленин говорит нам: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом». Ленин говорит: «Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить». (*Пауза.*) Конечно, у нас сейчас не совсем так, как было тогда в Советском Союзе, мы имеем помощь от советских специалистов, но, старина, мы здесь, на месте, должны растить свои технические кадры, воспитывать их, нам нужны десятки миллионов китайских специалистов.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Я не исключаю старые кадры. Но разве не надо их перевоспитывать?

ДИН ВЭЙ. Надо перевоспитывать. И это очень важно. Но не просто методом давления, а активным, чутким воспитанием и помощью.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. А перед тем, как помочь, надо и нажать, несколько охладить.

ДИН ВЭЙ. Но ведь после освобождения прошло почти четыре года. Нельзя не признать того прогресса технических кадров, который произошёл за эти годы. Я считаю, что политическую работу с кадрами надо увязывать с конкретными проблемами, с производством. А пустые слова о политике без конкретного воспитания — ни к чему.

ДИН ВЭЙ. Цин! Посмотри, кто-то звонит.

Чжэн Ю-цин с выражением серьезности и исполнительности идет к двери.

Дин Вэй и Ян Чжун-ань сидят молча друг против друга.

Входят Сюй Да-минь и Ма Сяо-бао. Сюй Да-минь несет рулон бумаги. Войдя и увидев Ян Чжун-аня несколько теряется. Дин Вэй встает, идет им навстречу, жмет руки.

ДИН ВЭЙ. Садитесь, пожалуйста, почувствуйте себя свободно.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Ма, говори ты.

МА СЯО-БАО. Может, ты скажешь? Я не сумею.

ДИН ВЭЙ. Что, какая-нибудь трудность?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Нет, трудностей -нет. Проект надежный.

ДИН ВЭЙ. Это проект об ускорении обмотки катушек?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Вопрос об ускорении обмотки — это важнейший вопрос для цеха легких моторов. Ма Сяо-бао еще раньше о нем думал. И вот наша техническая группа в качестве испытания обмотала одиннадцать катушек. И возникло много вопросов. Кроме плохой изоляции, появился и такой недостаток: когда производится обмотка, то не налажен учет провода, и порой бывает — на одну катушку наматуют много, а на другую мало. (*Ян Чжун-ань проявляет нетерпеливость.*) Отсюда вывод — надо изменять обмоточную машину. (*К Ма Сяо-бао.*) А дальше говори ты.

МА СЯО-БАО. Обмоточная машина слаба. Не может учитывать количество оборотов. Это и раньше было видно. Но вот директор завода заставил теперь нас изучить всё это. Сверху поддержали — и у рабочих интерес возрос. У нас в бригаде много всяких предложений появилось. А начнем испытывать — не получается. У меня сердце болит, спрашиваю себя: «Как так, болезнь видим, а лекарство найти не можем». Что ни предложение — то впустую. (*Пауза.*) Старуха моя видит, что я чай не пью, ничего не ем — раскрыла рот, спрашивает: «В чем дело? Заболел или раскритиковали тебя?» Я взял и рассказал ей о деле! Ха! Никогда не думал! Она выслушала и говорит: «Приходи на наш завод, посмотри».

СЮЙ ДА-МИНЬ (*поясняет*). Супруга Ма Сяо-бао на чулочной фабрике «Чжэньсинь» работает.

ДИН ВЭЙ (*не совсем понимая*). На чулочной фабрике? Чулки вяжет?

МА СЯО-БАО. Да. Для вязки чулок разве не надо наматывать нитки? Вот там-то и хорошо посмотреть. Мы пошли. Я, начальник Сюй, Чжан Да-мэй. Удивительно просто! Посмотрели на те машины — и соображение наше зашевелилось. Главное нашли. Вернулись, снова стали думать. Весь народ собрался. И сделали чертежи по образцу ткацкого станка.

Сюй Да-минь раскрывает чертеж, Дин Вэй внимательно рассматривает его. Ма Сяо-бао стоит сбоку, разьясняет. Дин Вэй подает чертеж Ян Чжун-аню. Тот в гневе отходит в сторону.

ДИН ВЭЙ. Много времени надо, чтоб это сделать?

МА СЯО-БАО. Ничуть. Постараться - через три-пять дней можно сделать.

ДИН ВЭЙ. А расходы большие потребуются?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Очень маленькие. Некоторые детали есть уже, а другие можно сделать на нашем же заводе.

МА СЯО-БАО. А еще можно и на складе сырья, поискать.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Я подсчитывал — это обойдется примерно в сумму, равную двухмесячному заработку рабочего.

ДИН ВЭЙ. С другими товарищами вы по этому вопросу советовались?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Да, я забыл сказать. Главный инженер Цянь смотрел.

ДИН ВЭЙ. Что он сказал?

МА СЯО-БАО *(смеется)*. Он посмотрел на чертеж и ударил себя рукой по голове. *(Показывает жестом.)*

ДИН ВЭЙ. Почему?

МА СЯО-БАО. Он сказал: «Надо умирать. Умирать надо. Почему такой простой способ нашел не я?»

ДИН ВЭЙ. Он согласен с проектом?

СЮЙ ДА-МИНЬ. Да, он говорит: «Поздравляю вас, наконец-то главное найдено». Потом он сделал несколько дополнений. *(Показывает на чертеже.)* Это его добавления. Очень важные.

ДИН ВЭЙ. Ну, вот и отлично.

СЮЙ ДА-МИНЬ. А директор завода согласен?

ДИН ВЭЙ. Я думаю *(смотрит на Ян Чжун-аня)*, должен согласиться.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Тогда прошу вас — наложите резолюцию.

ДИН ВЭЙ. Нет, такого рода дело не требует резолюции директора завода. Главный инженер согласен. Пусть подписывает — и достаточно. Я ведь уже Цянь Пэй-чжи разъяснял это.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Ну, хорошо. *(С воодушевлением.)* Старина Ма, возвращаемся и приступаем к работе.

МА СЯО-БАО. Хорошо.

ДИН ВЭЙ. Еще что-нибудь хотите сказать?

МА СЯО-БАО. Нет, нет. Люди ждут нашего возвращения.

СЮЙ ДА-МИНЬ. Ма, вот они обрадуются, когда мы скажем, что всё утверждено.

Уходят.

МА СЯО-БАО *(за дверью)*. Больше всех ты должен радоваться.

Пауза.

ДИН ВЭЙ. Разве это не решение вопроса? Катушки будут без дефектов, качество продукции...

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(холодно)*. До чего ж ты наивен! Как легко решаешь зопросы. Таких открытий и изобретений я за три года много видел. На словах пышно наговоряют, на бумаге красиво рисуют, а на деле — дрянь получается. Такие дела не трижды и не пять раз бывали.

ДИН ВЭЙ. А я смотрю на это не так! За три года по отчету городского комитету на заводе было внесено *(смотрит в записную книжку)* шестьдесят восемь рационализаторских предложений, которые могут быть успешно реализованы.

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(упрямо)*. Я не возражаю против того, что ты делаешь, но только такими мелочами не решишь всей проблемы.

ДИН ВЭЙ. И всю проблему надо решать и мелочи забывать нельзя. А решительная поддержка нового — это важнейшее средство в улучшении всего процесса производства. *(Пауза.)* Вчера мы говорили об изменении производства, но говорили не совсем конкретно, вот я как раз хочу послушать. Ты считаешь...

ЯН ЧЖУН-АНЬ *(злобно)*. Я считаю? Я стою на правильной позиции, что еще считать?

ДИН ВЭЙ. Старина, нельзя ли поспокойней немного? В этом-то отношении мы должны быть одинаковы. По заключению комиссии горкома главное — в низком качестве продукции, в большом количестве несчаст-

ных случаев, в том, что из месяца в месяц, из квартала в квартал процесс производства неустойчив. Результаты всех трех лет ведут к одному...

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*взрывается*). Я за тебя скажу — ведут к руководству. Руководство плохое? Так? Я, Ян Чжун-ань, — бюрократ, индивидуалист — так или не так? Хорошо, я не годен, ты попробуй, ты пришел навести порядок, ты пришел изменить...

ДИН ВЭЙ (*с трудом сохраняя спокойствие*). Ян, не говори так. Все мы еще не имеем опыта и все можем ошибиться... Ревизии еще не было, но если и будет — почему не признаться, почему не исправить в интересах партии и народа! Пройдя через ошибки...

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Надо прямо — так прямо, не петляй. Я, Ян Чжун-ань, работал по-партийному. Проработал три года. Факты налицо. Совесть моя чиста. Хотите совесть мою проверить? Хорошо, ревизуйте...

Встал, берет шапку, собирается уходить.

ЧЖЭН Ю-ЦИН (*входит с резким криком*). Дин!

Оба замолкают.

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Разве так должны говорить старые товарищи? (*К Ян Чжун-аню*.) Товарищ Чжун-ань, не надо с ним...

ЯН ЧЖУН-АНЬ (*гучащенно дышит*). Что я с ним? Не я с ним борюсь, а он со мной. Новый начальник вступает в должность...

ЧЖЭН Ю-ЦИН. Дин, ты не должен так относиться к давнишнему другу...

ДИН ВЭЙ. Нет, это не вопрос дружбы. Не вопрос, касающийся только меня. Это серьезный и принципиальный вопрос. Если б он касался только меня, я не был бы так решителен. Я отступил бы на десять, на сто шагов, я отступал бы, пока ноги некуда было б поставить. Но это ясный вопрос об отношении к народному богатству, об отношении к передовым рабочим. И здесь я обязан бороться. Здесь я не *могу отступить* ни на «цунь», ни на «фын», ни на один миллиметр — не могу.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо, борись. Я готов.

ДИН ВЭЙ. Не здесь, на партийном комитете будем бороться. Пусть партия, массы нас рассудят. Такой вопрос не может остаться без ответа.

ЯН ЧЖУН-АНЬ. Хорошо. На парткоме решится. До свиданья.

Не подавая руки, быстро выходит.

Чжэн Ю-цин идет вслед за ним.

Дин Вэй, держа руки за спиной, медленно ходит по комнате.

ЧЖЭН Ю-ЦИН (*возвращается, смотрит на него, с облегчением*). Ложись спать. Время уже не раннее. (*Уходит*.)

В тишине слышна мелодия. Дин Вэй медленно ходит один. Открывает окно. В глубине синем небе — луна. Дин Вэй стоит перед маленьким столиком, медленно садится, вынимает сигарету, разминает ее, затем кладет. Рукой потирает лоб

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Утро перед 1 Мая.

Сцена — кабинет директора завода, тот же, что и во втором действии.

Юй Цзя-хуа одна. Приводит в порядок бумаги. Открывает свежую газету. Видно, как за окном вывешивают красное полотнище. На нем вырезанные из бумаги макеты,

схемы, отражающие производственные успехи. Плакат: «1 Мая—праздник трудящихся». Через некоторое время в дверь просовывается голова Чжу Фаня. Он огляделся.

Входит

ЧЖУ ФАНЬ *(тихим голосом)*. Юй, ну и дела!

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(растерянно)*. В чем дело? Опять чего-то хитрое придумал?

ЧЖУ ФАНЬ. Ты не знаешь?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А ты чего знаешь?

ЧЖУ ФАНЬ. О! *(Таинственно.)* Вчера на собрании всё решилось.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(нетерпеливо)*. Чего ты мелешь?

ЧЖУ ФАНЬ *(долго смотрит)*. Сегодня утром звонит директор Ян, Я беру трубку. Он тяжело дышит и говорит мне, чтобы я прислал ему все личные вещи, оставшиеся в кабинете.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А! *(Понимающе.)* Еще что говорил?

ЧЖУ ФАНЬ. Я спросил, не позвать ли тебя. Он вздохнул и повесил трубку.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(спокойно)*. Ну, так бери, пока директор Дин не пришел.

Ч жу Фань подходит к столу Ян Чжун-аня. Собирает в кучу вещи.

ЧЖУ ФАНЬ. Ключи есть? *(Юй Цзя-хуа подает ключи. Он вынимает из ящичков остальные вещи)*. Я смотрю, волны на этот раз большие пошли. Вчера ведь на собрании начальник отдела Ли присутствовал. Говорил. О! Учил, учил. Научил. После собрания голоса Ян Чжун-аня уже не слышно было.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Откуда ты знаешь?

ЧЖУ ФАНЬ. Я же из общего отдела! А мимо него разве что-нибудь пройдет? Я одиннадцать с половиной часов потратил на это.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А, подслушиваешь и разносишь! Нехорошо.

ЧЖУ ФАНЬ. Гм, но ведь я еще никому постороннему не говорил.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. А я разве не посторонняя? Почему мне сказал?

ЧЖУ ФАНЬ. Хорошо, молчу, молчу! Всё это я после обеда отправлю ему. *(Уходит.)*

Через некоторое время входит Фан Кэ.

ФАН КЭ. Директора Дина еще нет?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(смеется)*. Нет, еще время не настало.

ФАН КЭ *(смотрит на часы)*. Дома? *(Поднимает трубку, набирает номер.)*

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Сейчас придет. Не надо его беспокоить. Я позавчера видела у него дома распорядок дня. У него перед началом работы полчаса — чтение газет, час — алгебра, после работы час — физика.

ФАН КЭ. При таком распорядке когда же работать?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Чжэн Ю-цин рассказывала: он так серьезно учится, что даже своей любимой дочери не позволяет отвлекать его. И здесь режим установил. Вчера Сюй Да-минь от него инструкцию получал.

ФАН КЭ. Он инструктировал Сюй Да-миня!

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(смеется)*. Конечно, инструкция необычная. Прибегает Сюй Да-минь и докладывает ему, что в цехе после применения нового изобретения такой подъем, что Чжан Да-мэй и мастер Чжан из бригады Ма Сяо-бао окончили работу, а домой не идут и ужинать не собираются. Сюй Да-минь докладывает и ждет, что Дин Вэй обрадуется. А Дин Вэй пронзил его взглядом и говорит — нельзя так. Надо строго выполнять режим. Задерживаться нельзя и раньше уходить нельзя. Только так можно ставить честные рекорды.

ФАН КЭ. Очень правильно. Ведь если человек даже и добровольно

не уходит с работы, всё равно получается повышенное рабочее время, лишние часы. Такой рекорд не считается. *(Показывает рукой на бумагу.)* Уменьшилось?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Намного уменьшилось. По крайней мере наполовину. Теперь и работа разделилась между отделами. Доклады упростились. Куриные перья и кожуру от чеснока уже не несут сюда на утверждение. И я теперь имею время книжку почитать, газету посмотреть.

ФАН КЭ. Вот и хорошо. Так. Когда он придет, позвони мне. Я буду в парткоме. *(Уходит.)*

За окном идут люди. Слышны голоса. Кто-то аплодирует.
Через некоторое время входит Дин Вэй.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Вы не встретились с Фан Кэ? *(Дин Вэй отрицательно качает головой.)* Он только что ушел, просил, чтоб позвонили ему, когда придете. Позвонить? *(Берет трубку.)*

ДИН ВЭЙ. Подождите немного. Сводка была?

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(подумав)*. Нет, еще не было.

ДИН ВЭЙ. Надо побыстрее. *(Сам наливает чай в чашку, садится, медленно что-то напевает.)* Это же распорядок дня, который установлен твердо. С моим приходом на столе должна быть, прежде всего, сводка за день. До этого — никаких других дел.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(смеется, берет трубку)*. Алло! Дайте статистический отдел. Из кабинета директора. Да, дневную сводку. Уже выслали? Нет, еще не поступила. Хорошо. *(К Дин Вэю.)* Выслали.

ДИН ВЭЙ. Товарищ девушка, почему вы смеетесь? Наверное думаете, что я с этим распорядком дня на автомат похож, на машину? Наверно. Это только на первых порах. А потом привычкой станет.

Кто-то стучится в двери. Юй Цзя-хуа открывает дверь, принимает дневную сводку. Передает Дин Вэю. Тот внимательно рассматривает, улыбается. Берет красный карандаш, проводит на схеме, прикрепленной к стене, две линии.

ДИН ВЭЙ *(к Юй Цзя-хуа)*. Смотрите, это уже результаты. Эта линия прямая, не поднимается, но и не опускается. И эта линия целая — не ломается и не обрывается. Это уже прекрасно. *(Снова смотрит на схему, затем к Юй Цзя-хуа.)* Хорошо. Теперь надо позвонить Фан Кэ.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА *(берет трубку)*. Алло! Свяжите меня с парткомом. Товарища Фан Кэ.

ФАН КЭ *(входит в двери)*. Уже не надо. *(К Дин Вэю.)* Ты что-то рано пришел.

ДИН ВЭЙ. Рано? Только что.

ФАН КЭ. Правду говоришь. Это я поторопился сегодня. Надо делать то, о чем вчера шла речь. Хочу посоветоваться с тобой.

ДИН ВЭЙ. Я после собрания тоже обдумывал всё. Считаю, что теперь работа...

ФАН КЭ. После всех этих собраний есть все возможности для выполнения задания, для улучшения качества продукции. Вот я думаю посоветоваться с тобой о дальнейшей работе партийного комитета.

ДИН ВЭЙ. Очень важно.

ФАН КЭ. Я думаю, что если нам удалось ударить по бюрократизму, то нам еще предстоит ломать сопротивление в вопросах трудовой дисциплины, штатов, премий... Здесь, конечно, партком и профсоюз должны стать опорой администрации.

ДИН ВЭЙ. Мы уже обладаем очень важным фактором - люди-то в своей основе хорошие. Надо сказать, что в этом отношении и партком, и профсоюз, и молодежная организация, и Ян Чжун-ань сделали очень много. Но дальше работать одними призывами по радио, голыми поли-

тическими лозунгами — нельзя. Мы должны теперь глубоко вникать в производство, быть с массами и тесно увязывать идеологическую работу с производством.

ФАН КЭ. Вчера мне начальник отдела Ли перед своим уходом говорил как раз об этом.

ДИН ВЭЙ. Ну, а теперь от слов надо к делу переходить. Надо изучать советские методы, изучать опыт наших передовых заводов. Ты знаком с опытом работы 53-го завода?

ФАН КЭ. Знаком. Это нам очень поможет. Кое-что, правда, уже и у нас сделано, кое-что мы пока испытываем, а часть предложений придется еще изучать с учетом условий нашего завода. Вот обсудим, тогда и решим — можно их использовать или нет.

ДИН ВЭЙ. На мой взгляд, самое важное в опыте завода 53 — это то, что там решительно поддерживают инициативу масс. *(Пауза.)* И в этом отношении мы должны использовать всё практически возможное.

ФАН КЭ. Хорошо.

ДИН ВЭЙ *(задумался)*. Да, ты сегодня выбери время, загляни к Ян Чжун-аню, посмотри...

ФАН КЭ. Ван Хой только что приходила.

ДИН ВЭЙ *(заинтересованно)*. Ну и как?

ФАН КЭ. Говорит, что он не спит, вздыхает, думает ехать в деревню, землю пахать.

ДИН ВЭЙ *(глухо)*. Это он в раздражении говорит. Характер. У него обида не сразу проходит. *(Смотрит на Фан Кэ.)* А сама Ван Хой?..

ФАН КЭ. Она очень хорошо держится, на нашей стороне. Видно, что у него и дома не всё правильно шло.

ДИН ВЭЙ. Да. *(Вдруг задумался. К Юй Цзя-хуа.)* Чуть не забыл. Вы позвоните в поликлинику, попросите доктора Хуана — пусть он зайдет к Ян Чжун-аню. У него, у старика, со здоровьем-то неважно. Если потребуется, вызовите и детского врача, пусть ребятишек осмотрит. *(Пауза. К Фан Кэ.)* Ну, а насчет делового разговора — ты набросай план, прикинь, что и как.

ФАН КЭ. Это я хорошо понимаю. Вчерашнее собрание много показало. И люди нас поддерживают. Даже такой поклонник Ян Чжун-аня, как Хэ Фу-цин, и тот уже меняет свои взгляды. Последнее время в цехе...

ДИН ВЭЙ. Но тут надо помнить вот о чем: нужно разъяснить людям, почему так произошло с Ян Чжун-анем. Но необходимо предотвратить и возможные перегибы, нападки на честных работников, сведение старых счетов... Надо, чтоб люди поняли.

ФАН КЭ. Это не проблема. Сегодня утром председатель профкома сообщил обо всем людям. Сначала не поверили. А потом говорят — если это компартия делает, значит, правильно. Я почувствовал главное: массы давно ждали такого опытного и понимающего руководителя, как ты.

ДИН ВЭЙ *(серьезно)*. Ты, старина, не должен говорить это мне. Мы руководим вместе. К тому же мы еще очень далеко стоим от того, чтоб считать себя опытными и понимающими руководителями.

ФАН КЭ *(кивает головой)*. Верно.

Слабый стук в дверь.

ДИН ВЭЙ. Входите, пожалуйста.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ *(открывает дверь, видит, что Дин Вэй беседует с Фан Кэ)*. О, директор занят, тогда я...

ДИН ВЭЙ. Нет, нет! Входите, садитесь. Я как раз хотел искать вас. Слышал, что испытания обмоточной машины у Ма Сяо-бао прошли успешно.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Очень, очень хорошо. Даже лучше того, что мы предполагали.

ФАН КЭ *(прощаясь)*. Ну, вы поговорите, я пойду. Еще дела ждут. *(Пожимает руку Цянь Пэй-чжы, идет к дверям, останавливается)*. Товарищ Дин Вэй!

ДИН ВЭЙ. Что?

ФАН КЭ *(смеется)*. А я всё-таки еще думаю поломать твой распорядок дня. Зайду к тебе после обеда. Хорошо?

ДИН ВЭЙ *(тоже смеется)*. А почему бы нет? Ты, наверное, тоже думаешь, что я автомат, а автомат не считается с принципами морали и справедливости...

ФАН КЭ. Ну и договорились. *(Уходит.)*

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Директор, вы нашли хороший способ распутать этот клубок. Поговорили с народом, дали людям поразмыслить. Вот хотя бы в технических вопросах — сколько мучились, а тут одно за одним всё постепенно разрешилось. Но, кроме вопроса о скорости обмотки, возникли вопросы экономии металла, вопросы улучшения изоляции и другие. И здесь уже сделаны первые шаги. Я вам со временем представлю доклад. А сейчас я спешил к вам по более важному делу.

ДИН ВЭЙ. Говорите.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. За последние два дня группа техников — представителей профсоюза — решила разобраться в заводском хозяйстве. Мне, директор, очень трудно говорить об этом. Я столько лет работаю главным инженером, а никогда не подсчитывал, сколько же у нас имеется всякого имущества. А ведь у нас разве мало было разных кампаний и мероприятий по контролю за производством? Ха! Просто сами себя обманывали. Ничего и не видели. *(Разъясняюще.)* А вот сейчас стали проверять, до самого дна докопались, и нашли столько имущества, о котором мы и не знали и нигде не учитывали. Например...

ДИН ВЭЙ. Это как раз и подтверждает, что все предыдущие проверки были поверхностными.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Да, а сейчас по-другому получилось. Все поднялись, зашевелились. Всё решили выяснить. Тот же вопрос с обмоточными машинами. Ведь мы пользовались старыми машинами, которые уже свой срок отслужили. И вот в цехе тяжелых двигателей стали груду разбирать, куда брак сваливали, а там, оказывается, совершенно новые обмоточные машины в ящиках... Их даже еще и не устанавливали ни разу.

ДИН ВЭЙ. Да-а! Это же целое открытие. Надо старье отправить, бракованную продукцию разобрать, может быть еще какие-нибудь ценности лежат где-то. Хорошо, товарищ Цянь Пэй-чжы. Приведите-ка всё это в порядок, возьмите на учет все наши богатства. *(Смеется.)*

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Правильно. И вот чтобы дело довести до конца, вчера мне на собрании технического состава поручили обратиться к вам с двумя просьбами.

ДИН ВЭЙ. Говорите.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Во-первых, надеюсь, что специальная техническая бригада будет еще более укреплена. После того, как она проделала определенную работу, — ликвидировать ее нельзя. Тем более, что сей-

час вскрыты такие большие возможности на заводе. Все считают, что работа еще предстоит продолжительная.

ДИН ВЭЙ. Так, хорошо. Можно и даже необходимо. Вторая просьба?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Существующее штатное расписание не соответствует нашим условиям. Штаты законсервированы. Можно их немного увеличить. Поэтому люди вновь говорят о необходимости обсудить штатное расписание на второй квартал этого года.

ДИН ВЭЙ. Многие высказывают эту мысль?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Многие. Можно сказать, большинство людей. Тут один инженер выступал, он прямо с раздражением говорил об этом. Прошу извинить меня, говорит, но мы работаем без всякого соображения. Ключевая вода рядом, а мы жажду испытываем.

ДИН ВЭЙ. Значит, товарищ Цянь Пэй-чжы, вы планируете...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Я, директор, не знаю, как лучше сказать, чтоб это не смешно было. Бывало мы говорили о штатах, взвешивали детали, сопоставляли, ругались так, что уши краснели, а всё из-за того, чтоб увеличить штаты хотя бы на три-пять процентов. А сейчас, уж если рассматривать этот вопрос, то штаты надо увеличивать не на каких-то три-пять процентов, а на тридцать-сорок процентов...

ДИН ВЭЙ. Штаты еще можно увеличить. Это нужно. Но не слишком ли высокие цифры вы называете? Есть ли основания?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ (*очень непосредственно смеется*). Вы же можете проверить. Я, Цянь Пэй-чжы, известен, как консервативный элемент. И уж я не решился б говорить об этом, а тем более рисковать, если б не было оснований. Последняя проверка ясно показала, что существующее штатное расписание далеко отстало от наших фактических возможностей.

ДИН ВЭЙ. Если есть основания, то можно. Однако надо всё тщательно рассчитать, взвесить, с народом обсудить...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Это конечно... Это конечно.

ДИН ВЭЙ. Еще есть какая-нибудь просьба?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Нет! Всё.

ДИН ВЭЙ. Тогда, товарищ Цянь Пэй-чжы, у меня есть одна мысль, хочу знать — согласитесь ли вы с ней.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ (*несколько растерянно*). Мысль?

ДИН ВЭЙ. Да. Думаю перевести Сюй Да-миня.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Это...

ДИН ВЭЙ. Согласны?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Перевести в другое место или оставить на заводе?

ДИН ВЭЙ. На заводе.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ (*после продолжительного раздумья*). Я не знаю, можно ли говорить. Цех легких моторов — очень важный цех, задача перед ним нелегкая. Боюсь, что один Се Вэй-дэ не справится. Конечно, человек он неплохой, но в технике слабо разбирается. Раньше я этого, конечно, не сказал бы, а сейчас нельзя умалчивать.

ДИН ВЭЙ. В технике слабо разбирается. Правильно. Здесь один старый рабочий очень хорошо заметил: «Такой человек, как Се Вэй-дэ, среди профанов — знаток, а среди знатоков — профан». Правильно? (*Цянь Пэй-чжы смеется*). Вопрос о нем и о некоторых ответственных работниках цехов мы уже почти полностью решили. В этом отношении вы можете быть спокойны.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Тогда лучше и не надо. Так и делайте. До свидания.

ДИН ВЭЙ (*пожимает ему руку*). Так и делаем. Вы сегодня очень заняты, поговорить не удастся. А я хотел бы получить у вас советы по некоторым вопросам.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. По каким вопросам? Пожалуйста...

ДИН ВЭЙ. Нет, нет! Это касается лично моей учебы. Никак не справлюсь с учебником для работников электропромышленности. Крепкий он. Вот в свободное время зайду к вам...

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Вы, директор, излишне церемонны... Если надо...

ДИН ВЭЙ. Ну действительно не могу справиться. Вот учу закон Ома и думаю...

НЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Что? Закон Ома?

ДИН ВЭЙ. Да. Там говорится — величина силы тока обратно пропорциональна величине сопротивления. Ток идет туда, где меньше сопротивление. Так или нет? И вот я чувствую, что этот негодник ток любит ходить по дорогам, где маленькое сопротивление. Так получается, что он — трус. У него нет смелости.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Да, да, да! (*Задумался.*)

ДИН ВЭЙ. Поэтому я думаю, что мы в своей работе не должны быть похожими на него.

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ (*с интересом*). Вы очень хорошо говорите. А у меня есть еще одно дополнение.

ДИН ВЭЙ. Какое?

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Ток боится ходить по дорогам, где большое сопротивление. Но это потому, что перед ним есть еще и другие дороги, где сопротивление слабое — и он может пройти там. Ну, а если только одна дорога? Тогда, говоря научно, нужно увеличить напряжение, и пусть даже сопротивление большое, ток не только пойдет по этой дороге, но и преодолеет сопротивление. А преодолев сопротивление, он даст свет и тепло! Вот эта лампочка (*показывает на висящую электролампочку*) как раз и пользуется таким законом.

ДИН ВЭЙ. Прекрасно! Это, товарищ Пэй-чжы, очень важное дополнение. На нашей дороге тоже имеется сопротивление, но мы преодолеем его и дадим свет, и дадим тепло!

ЦЯНЬ ПЭЙ-ЧЖЫ. Непременно, непременно! Так и будет.

Взволнованный уходит.

Юй Цзя-хуа как будто хочет сказать что-то. Дин Вэй вдруг в раздумье.

ДИН ВЭЙ. Товарищ Юй, возьмите приведите в порядок этот письменный стол. С завтрашнего дня за этим столом будет сидеть Сюй Да-минь.

Юй ЦЗЯ-ХУА (*растерянно*). Что?

ДИН ВЭЙ. Он назначен помощником директора завода.

Юй ЦЗЯ-ХУА (*не чувствуя себя*). Нет, директор, это... (*Торопливо.*) Он еще очень молод, он не умеет...

ДИН ВЭЙ. Вы... Против?

Юй Цзя-хуа молчит. Краснеет.

ДИН ВЭЙ. Я помню, девушка, вы ходили смотреть кино «Выборгская сторона». Не забыли еще? Помните, там партийный комитет решил послать Максима управляющим банка? Помните, что сказал тогда Максиму Свердлов?

Юй ЦЗЯ-ХУА (*тихо, низким голосом*). Не запомнила.

ДИН ВЭЙ. Тогда слушайте. Свердлов сказал: «Эх, Максим, Максим! Не готовили мы министров в специальных школах. Но не боги горшки обжигают. Давай, шагай в цитадель капитала. Знаем, трудно тебе придется. Придется бить и ломать по-революционному. Придется

сдерживать гнев, слушать, учиться по-деловому. Ничего, справишься. На то ты и Максим!» Поняли? На то он и Сюй Да-минь! Молодой техник эпохи Мао Цзэ-дуна.

Юй ЦЗЯ-ХУА. Верно-то верно, только...

ДИН ВЭЙ. Конечно, повышение его произошло очень быстро, это очень многие чувствуют. Но для активизации новаторов горком утвердил это назначение.

ЮЙ ЦЗЯ-ХУА. Но... *(Не может ничего сказать. Опустила голову.)*

ДИН ВЭЙ. Вы за него опасаетесь немного. Но я думаю, что вам и радоваться придется. Тем более, что вы теперь будете сидеть рядом... Только не особенно любезничайте...

Юй ЦЗЯ-ХУА. Вы, директор...

ДИН ВЭЙ. Меня не обманете. Я, конечно, далек еще от того, чтоб называться опытным и понимающим руководителем, но в этих вопросах у меня кое-какой опыт есть. Без слов видно.

Юй Цз я - ху а радостно и робко подходит к столу, начинает приводить его в порядок.

ДИН ВЭЙ. О! Правильно! Но торопиться не надо. Ведь он не сию минуту придет. Вы сначала сходите в поликлинику и пошлите доктора Хуана на квартиру к Ян Чжун-аню.

Юй Цз я - ху а кивает головой. Уходит.

Занавес

Перевел с китайского Вл. ТУРКИН.

НА ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Жамьян Балданжабон

ДЕВУШКА

Куда ни глянешь — степь да степь,
Вся в солнце, вся в хлебах.
А у речушки сопок цепь,
Вся в травах, вся в цветах.
На сопках — не одни цветы,
И не одна трава:
Там девушку увидишь ты —
Скорей готовь слова!

И вот подходит к нам она,
Кивает головой.

Она стройна, она нежна,
Как солнце, весела.
Но помнят люди, как она
Зимой в степи спасла
Своих овец от трех волков,
Вступивши с ними в бой...

Смотри — завидев нас, сама
Она идет сюда —
Идет Батуева Дулма,
Идет Герой труда.
Нам слышен голос чабана —
Звенит: «Холой, холой!»

Так и работала потом
С пораненной рукой.
Я, друг, молчу, молчишь и ты.
Забыты все слова...
На сопках не одни цветы,
И не одна трава.

КТО ЕДЕТ?

Дождь кончился, и рассвело.
Тракт в солнечных лучах блестит.
Похож на чистое стекло...
А вон, вдали, машина мчит.

Кого с попутным ветерком
Несет сюда, как вам узнать?

«Москвич», сверкая серебром,
Спешит на ферму номер пять.

Партийного секретаря?
Поэта? Лектора? Певца?
Гадаете вы, право, зря:
То едет наш чабан Хоца.

В УЩЕЛЬЯХ УНДУРА*

Я в детстве от деда слышал,
Что в этих скалистых отрогах
Лежит драгоценный металл —
И много его, ох, и много!

Но поступью большевика
Разбужены были ущелья

Лишь сонные ветры века
В ущельях Ундур свистели.

Машины послала страна,
И камень послушно дроbnился...
Так здесь умерла тишина,
Так рудник в Унтуре родился.

НА ЛЫЖАХ

Снег лежит кругом, как вата;
Вихрь взметая за собой,
Мимо лиственниц мохнатых
Мчатся школьники гурьбой.

В чемпионы каждый метит,
Близко финиш, крепче жмут!
Состязался с ними ветер, —
Не догнал! Куда ему!

Перевел с бурят-монгольского ОЛЕГ СМИРНОВ

* Гора в Агинской степи.

Николай Савостин

ВЕСНА В ТАЙГЕ

Снег уж подтаял. Но мороз
Заледенит его на зорьке,
Меж бело-розовых берез
Темнеют сосны на пригорке.

А там — тайга сплошной стеной,
Непроходимая, густая,
Где, даже в августовский зной

Белеет, скрытая травой,
Меж сосен корка снеговая.

Где по брусничнику в кустах
Шагают лоси к водопою.
Где роют золото в горах
И садят яблони весною.

ШОФЕРЫ

Им стужа — вовсе не помеха:
Скует болота — ближе путь.
Шоферы в стеганых доспехах
Идут в развалочку чуть-чуть.

Снег синий. Стужа. Ветер резок.
В кабинах — изморозь кругом.
Сейчас согреется железо
Их человеческим теплом.

В СТЕПИ

В степи скалу поставил кто-то.
Изображающую Будду.
Соль, как от высохшего пота,
Белеет пятнами повсюду.

И с изумленьем смотрят идол,
Как воды в степь идут каналом.
Он Чингисхана, может, видел,
А вот воды-то не видал он.

ПЕЙЗАЖ

Вот ветерок пахнет прохладный
Цветами, прелью луговой,
Бензина запахом отрядным,
Пьянящей сыростью лесной.

И искрометное сиянье
Электросварки вдалеке

На миг осветит стены зданья
И белый столб на большаке.

Еще темней дома, заборы,
Но фонари зажглись — светло.
И не понять: то ль это город,
Или пока еще село?

РОДНИК

Где бродят лоси осторожно,
Где сопок вид могуч и дик,
В зеленом сумраке таежном
Журчит в густой траве родник.

Как труженик невидный, кроткий,
Работает он в меру сил.
В нем золотые самородки
На дне таежник находил.

ОСЕНЬ

Пришла, нарядна и свежа,
Отрада года — осень...
Тепла запасом дорожа,
Уж солнце жжет не очень.

Но кто посмеет осудить
Уставшее светило,

Что принялось оно копить
Перед зимою силы?

Большой запас тепла иметь
Не лишне. Ведь придется
В мороз светить, и землю греть,
И за весну бороться.

По Дальнему Востоку

Федор Белохвостов

АМУРСКАЯ СТАЛЬ

(Корреспондентские заметки)

1

Величественным стал город Комсомольск. Многоэтажными домами, школами, Дворцами культуры, большими и малыми корпусами заводов, своими прямыми улицами он широко раскинулся по берегу Амура. Далеко пришлось отступить тайге, которую когда-то вырубали и корчевали комсомольцы, приехавшие со всех концов страны.

На одной из окраин города у подножья сопки день и ночь дымят высокие трубы «Амурстали» — первенца черной металлургии на Дальнем Востоке...

Мы с корреспондентом «Огонька» еле поспеваем за подвижным, сухощавым директором завода Александром Евсеевичем Фроловым. Идем по территории завода. По сторонам высятся огромные здания цехов.

Александр Евсеевич ведет нас прежде всего в мартеновский. Громадный цех весь заполнен рабочим гулом: гудят печи, время от времени раздаются предупредительные звонки машинистов мостовых кранов. Всё большое хозяйство цеха готовится к приему очередной плавки. В динамиках слышится сердитый и требовательный голос диспетчера. В просторах цеха людей почти не видно, кажется, что всё здесь совершается само по себе.

Директор легко взбегает по крутой железной лестнице на второй этаж.

— Сейчас одна печь даст сталь! — кричит он нам на ходу.

Плавку ведет техник Василий Иванович Селезнев. В прошлом году он дал сверх плана триста пятьдесят тонн отличной амурской стали.

Бушует пламя в печи. Из «гляделок» (круглых отверстий в крышках завалочных окон) бьет такой яркий свет, что больно глазам, будто там заключен кусочек яркого дальневосточного солнца. Директор предлагает свои очки. Теперь уже можно заглянуть в печь. Бело-розовая сталь там бурлит, клокочет.

— Сейчас мы успокоим ее, — говорит сталевар.

По его команде приходит в движение завалочная машина. Сильным хоботом, похожим на телеграфный столб, она поддевает огромную посудину, имеющую форму ванны — мульду, легко поднимает ее, груженную рудой, переносит к печи. Открывается крышка завалочного окна. Хобот вытягивается. Мульда на минуту исчезает в печи, опрокидывается там и появляется обратно огненно-красной. Завалочная машина откатывается от печи по рельсам.

Через каждые десять минут берется проба: ложку с длинной ручкой просовывают в «гляделку» и зачерпывают сталь. Проба моментально выливается в специальную посудину, и подручный бегом мчит-ся в лабораторию. Металл надо довести до заданной марки. После каждого анализа лаборатории сталевар и его подручные подбрасывают в печь лопатами то руду, то марганец.

К печи подошла девушка в телогрейке и ватных брюках. У нее голубые глаза с длинными ресницами, полные румяные щеки чуть испачканы маслом и копотью. Это машинист мостового крана Аня Дириенко. Вон там, под высокой крышей цеха, ее кабина, словно ласточкино гнездо. Там прохладно. И в свободную минуту Аня спускается к теплу.

— Аннушка, погреться прилетела? — встречает её сталевар.

— На свидание к нам, — подхватывает подручный.

— Нужны вы мне, — улыбается девушка.

— Правильно, когда есть свободная минута — идите к печи, учитесь, сталеваром будете, — замечает директор.

— Из меня сталевара не выйдет.

— Это почему же?

— Я свистеть не умею...

Мы вначале никак не могли уловить соль шутки. И только потом, побывав много раз в мартеновском цехе, поняли, в чем дело.

...В цехе всё гудит, трещит, воет, звенят колокола, щелкают, словно автоматные очереди, реле завалочной машины. И вот в этом шуме и гаме вдруг раздаётся пронзительный свист: все, кто находится у печи, немедленно поворачиваются к сталевару, а тот взмахом руки подает команду, что надо делать...

— Ну что ж, — продолжает директор, — тогда начинайте учебу со свиста...

2

Шла суровая осень тысяча девятьсот сорок первого года. У самых стен Москвы велись жесточайшие бои с гитлеровскими полчищами. Там, в подмосковных лесах, решалась судьба нашей Родины. Там лилась кровь лучших людей страны.

Здесь, на берегу Амура, был глубокий тыл. Но нет, это только на первый взгляд Комсомольск мог показаться тылом! Здесь тоже шло героическое сражение за Родину. Недаром повсюду в заводских цехах висели короткие и властные призывы: «Линия фронта у тебя в бригаде!» Такие призывы висели на кирпичных стенах стройки «Амурстали».

Металлургические заводы юга страны были выведены врагом из строя. Фронту был нужен металл. Строители решили пустить новый завод досрочно. И вот, несмотря на жестокие морозы, не считаясь ни с чем, бригады строителей и монтажников сутками не уходили со своих рабочих мест. Люди, где-нибудь тут же в цеху прикорнув на часок, вновь поднимались под крышу или спускались под землю, или забирались в холодные тогда маршены и работали, работали, забывая об усталости, о скудном пайке...

Поэт Петр Комаров, работавший тогда в выездной газете на стройке, писал:

Бессонные ночи,

Недели тревоги,

Сегодня сошлись

На военной дороге

И Запад и Дальний Восток

Ты многое вспомнишь:
Декабрьские бури,
И снежный морозный февраль,
И линию фронта
На самом Амуре —
Вот это и есть Амурсталь!

Пятнадцатого февраля 1942 года первая мартеновская печь на Амуре дала сталь.

Первая плавка!

Знаменательным было это событие для жителей города юности, — юности, которая уже возмужала и уверенно заняла свое место бойца в строю.

— Великим праздником была первая плавка, — рассказывает Иван Гаврилович Егин, обер-мастер мартеновского цеха. — Конечно, цех тогда выглядел не так, как сейчас. Много было еще недоделок. Но стране нужен был металл, и мы думали только об этом. Сталевары, несмотря на то, что многое еще было несовершенным, старались дать первую плавку первосортной... Вот уже и готова сталь. Но выпускать плавку нельзя: нет команды, потому что на митинг в цехе еще не собрались люди. Не думали руководители завода, что молодые амурские мартеновцы сварят первую сталь досрочно. Наконец люди собрались. Митинг открыли. Пробили сталевыпускное отверстие. Сталь пошла. И хотя плавку малость передержали, но сталь, амурская сталь, была дана. И это было самое главное! — Иван Гаврилович помолчал, вспоминая давно прошедшие дни. — Мартен стал жить, рабочий коллектив завода постепенно сколачивался. Комсомольцы, строители города, составили ядро этого коллектива. А люди ехали к нам на завод со всех концов страны. Многие из них раньше и понятия не имели о сталеварении. Были среди них даже кондитеры. Ребята смеялись: это, говорят, родственная профессия, тоже около печи работали. Но все эти разные люди жили в то время одной мыслью, одним стремлением — дать Родине как можно больше стали. Коллектив нашего завода постепенно, шаг за шагом рос и мужал, закалялся в борьбе с трудностями. Это тоже была, образно выражаясь, плавка, плавка маленькой части великого и могущественного рабочего класса нашей страны...

Хорошо, метко сказал Иван Гаврилович. Действительно, на берегах Амуре вырос и закалился славный отряд рабочего класса. Но чтобы понять, как это происходило, хочется заглянуть еще немного назад, в 1932 год.

3

Никогда не сотрется из памяти время начала тридцатых годов — первого широкого размаха гигантских строительных работ. Слово «индустриализация» звенело, как слово из песни. Вот тогда и было решено построить на Амуре новый большой город, город первоклассных современных заводов.

По призыву партии тысячи лучших ее сыновей и дочерей, членов ленинского комсомола поехали на Амур, в глухую тайгу.

Десятого марта 1932 года из Ростова-на-Дону по мобилизации ЦК ВЛКСМ на Дальний Восток выехало шестьсот пятьдесят комсомольцев. Двадцать четвертого марта из Ленинграда — четыреста юношей и девушек. В конце марта из Москвы была направлена на Амур тысяча комсомольцев. Молодежь ехала на стройку с огромным энтузиазмом. Во всех

городах страны в комитеты комсомола поступали сотни заявлений от желающих поехать на строительство нового города.

В марте из города Хабаровска, в пургу, в трескучие морозы были отправлены по льду реки три больших обоза, с которыми к месту закладки будущего города вышли первые строители, чтобы подготовить к прибытию больших отрядов молодежи какое-нибудь жилье.

Пятнадцатого апреля в тайге, на строительной площадке началась рубка первого деревянного дома. А в начале мая на пароходах «Коминтерн» и «Колумб» поплыли на стройку сотни молодых рабочих.

Тяжело пришлось первым строителям. Техники в ту пору не было. Корчевали тайгу при помощи топора, кирки и лопаты. Первое время плохо было организовано снабжение продовольствием. А люди всё прибывали и прибывали. Строители размещались в палатках и землянках. Много довелось им пережить трудностей, но трудности эти не страшили молодых патриотов, они были полны решимости выполнить задание партии — построить город!

Шестого июля 1932 года на стройке открылась первая конференция ВЛКСМ.

«Заслушав рапорты ударных комсомольских бригад, комсомольских и рабочих собраний строительства с требованием о присвоении городу имя Комсомольск, первая конференция ВЛКСМ строительства отмечает:

В связи с тем, что преобладающую массу строителей представляют комсомольцы (90 процентов), которые по призыву ЦК ВЛКСМ первыми приехали на площадку и своими героическими усилиями в борьбе с тысячелетними таежными лесами и болотами заставляют тайгу отступать, конференция постановляет:

Просить Дальневосточный крайисполком, крайком ВКП(б), крайком ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ войти в ходатайство перед ЦИК СССР о присвоении городу имени Комсомольск».

Так писали комсомольцы в резолюции на первой своей конференции.

Правительство и ЦК ВКП(б) удовлетворили их просьбу. На карте страны появился новый город: Комсомольск-на-Амуре. Но тогда он значился только на картах. Его еще предстояло построить в невиданно короткие сроки.

Наступила осень, предвестница суровой зимы. А домов еще не было построено столько, чтобы вместить всю огромную массу строителей. Пароходы же всё шли и шли, всё новые и новые люди прибывали на стройку.

Когда стали наступать холода — были забыты выходные дни. Тридцать барачников выросли на глазах. Но и этого было мало. Стали копать землянки. Выросли улицы шалашей. Но молодые строители уже видели на месте этих шалашей будущие прекрасные дома.

Сила, энергия и упорство комсомольцев рождались из их общей светлой дружбы, возникшей и развившейся в борьбе с трудностями и суровой природой. Юноши мужали, комсомольцы становились коммунистами.

Двенадцатого июня 1933 года под салют кораблей Амурской военной флотилии комсомольцы заложили первый камень в фундамент первого заводского корпуса.

...С тех пор прошли годы. «Как бы на память потомству, — говорил Михаил Иванович Калинин, — в отдаленной глуши, среди непроходимых лесов, на величественной реке Амур комсомольцы построили город своего имени — Комсомольск».

Его зовут «городом юности». И в самом деле он еще очень молод: ему только двадцать третий год! Но за этот сравнительно небольшой

срок город стал важным индустриальным и культурным центром Дальнего Востока.

Молодой отряд рабочего класса Комсомольска-на-Амуре полон сил и энергии. У него замечательное прошлое, прекрасное настоящее и еще более прекрасное будущее.

Этот отряд рабочего класса сложился первоначально из боевых комсомольских групп строителей, к которым примкнули в годы войны сотни и тысячи юношей и девушек, съехавшихся в Комсомольск со всего Дальнего Востока.

Сосипатр Александрович Фатиев, заместитель секретаря парткома «Амурстали», сейчас уже пожилой человек, во время пуска завода заведовал отделом кадров. Он живой свидетель роста и закалки коллектива амурских металлургов.

— Трудновато было с кадрами, — рассказывает Сосипатр Александрович. — Известное дело — время военное, предприятие молодое. Набирали ребятишек. Встанет к станку, а его из-за станка не видно, до рукояток не достает. Ящики подкладывали под ноги, чтобы повыше было. Помню, получил завод валенки. Прислали нам их, и все они — настоящего мужского размера. Снабженцы, конечно, тут не при чем, — просили мы мужские валенки, мужские и прислали нам, откуда знали, что наши «мужчины» еще не выросли! Надели ребята эти валенки — и смех, и грех. Сами поворачиваются, а валенки на месте стоят. Вот приходит, бывало, такой в отдел кадров и говорит: «Дяденька, оформляйте на работу». — «Куда же тебя, ты же маленький». — «Война же!» — отвечает паренек, стараясь говорить басом, и голос его срывается, как у молодого чочета. Принимали мы их. А электроцех был у нас — ну, прямо сказать, детский сад! Но план выполняли. — В голосе Фатиева звучат ласка и гордость этими малышами, которые сейчас стали отличными металлургами. — Не только план выполняли. Больше скажу — по двенадцать-четырнадцать часов в сутки работали. Тяжело было им, а держались, крепились. Военные зимы, как на зло, были в Комсомольске лютые, снежные. Часто пурга заметала снегом дома до крыш. Общежития были плохие. Оставил воду в стакане на столе — к утру замерзла до дна. Отработают ребята часов двенадцать, придут в общежитие — падают, как мертвые. А тут пурга. Железную дорогу к паросиловому цеху замело снегом — на три метра сугробы. Уголь подвезти нельзя, а без угля потухнут котлы, завод замрет. Вот и бежали за помощью опять же к этим мальчишкам в холодные общежития.

«Ребята, электростанцию замело, уголь нельзя подвезти. Аврал! На штурм!»

Мальчишки схватывались, бежали в темноту, к цеху, освобождать дорогу от снега. Вот какая была закалка! Были и такие, конечно, которые не выдерживали, увольнялись, уходили с завода, а большинство выдерживало испытание. Из этих ребятишек и выросли мастера своего дела, которыми гордится сейчас город. Возьмите Войтовича, Лимаренко, Никанорова, Положеева, Лисицу, Макарова, Павлова... Да разве мало их у нас!..

Преодолев в своем развитии трудности военного времени, завод вырос в одно из крупных предприятий края. Его продукция обеспечивает нужды промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока. В октябре 1953 года на заводе вступил в строй новый, жестекатальный цех. Он производит белую жель для рыбной и мясной промышленности.

В четвертом году пятой пятилетки амурские металлурги без ввода новых мощностей увеличили выплавку стали по сравнению с 1950 годом более чем на сорок пять процентов, производство проката среднего и тонкого листа — более чем на тридцать пять процентов.

Замечательных результатов добился коллектив мартеновского цеха. В декабре 1954 года сталевар Алексей Войтович дал последнюю плавку в счет 1954 года. Социалистическое обязательство было выполнено на тринадцать дней раньше срока. Двадцать четыре дня в прошлом году мартеновцы давали сталь сверх плана. Сталевары сэкономили около двух тысяч тонн топлива. Много было проведено в прошедшем году скоростных плавков.

Новые большие задачи ставят перед собой молодые амурские металлурги. Они решили план пятой пятилетки по выплавке стали выполнить к 1 июня, по производству проката среднего листа — к 1 июля, тонкого листа — к 1 мая 1955 года и выдать в этом году белой жести вдвое больше прошлогоднего.

Растет, крепнет завод. И вместе с ним растет и хорошеет рабочий поселок. Это, собственно, уже не поселок, а большой и благоустроенный район молодого города. Целыми улицами протянулись красивые, со всеми удобствами дома. Недавно открыта новая прекрасная, лучшая в городе столовая для металлургов. Она отличается от других столовых не только хорошими картинами, шелковыми занавесями, холодильником, кондитерским цехом, электрическими плитами, но, главным образом, вкусными обедами, разнообразным меню.

У металлургов был комфортабельно обставленный, с буфетом, биллиардной и комнатами отдыха ДИТР — Дом инженерно-технических работников. В вестибюле этого здания стоял швейцар. Он бдительно следил, чтобы в дом не проник ни один смертный с образованием ниже среднего технического.

Но вот в последнее время многие инженеры стали рассуждать: «Как же так? Сами мы из одной семьи рабочих, трудимся в цехах бок о бок с рабочими, а вечер пришел — мы удаляемся в свой ДИТР, словно в иной мир, отгораживаемся от рабочих, вроде как бы прячемся в этот дом. Непорядок!»

— Правильно, беспорядок! — сказали и в общественных организациях.

И ДИТР прикрыли. Собственно, не прикрыли, а просто здание передали клубу. И теперь инженеры и рабочие отдыхают вместе.

...Когда вошли мы в здание бывшего ДИТР, в просторных коридорах, устланных коврами, завешенных тяжелыми бархатными гардинами, слышались приглушенные мелодии. Открыли дверь в одну из комнат. Там три паренька с баянами увлеченно разучивали любимую песню дальневосточников «Шуми, Амур».

В другой комнате за пианино сидела пожилая учительница музыки, вокруг нее — нарядно одетые девочки в красных галстуках. Одна из них, с голубым бантом в белых кудряшках, мелодичным голоском выводила арию Снегурочки...

Поселок «Амурстали» давно уже вышел за пределы отведенного ему места. Так, например, в самом центре города один из проспектов застроен домами для металлургов.

Конечно, есть еще нужда в жилых домах. Население растет быстро. Но город строится. С каждым годом становится красивее, величественнее.

На десятки километров протянулись прямые, широкие проспекты, обсаженные стройными деревьями, покрытые асфальтом; создаются парки,

скверы, построены стадионы. Давно введена в эксплуатацию мощная ТЭЦ. Здесь нет недостатка в электрическом свете и горячей воде. На территории Комсомольска около ста гектаров фруктовых садов.

Вблизи города раскинулось более тридцати благоустроенных поселков, связанных с центром асфальтированными магистралями.

5

Комсомольск славен замечательными людьми, выросшими вместе с городом. Каменщики, штукатуры, бетонщики, экскаваторщики, плотники, слесари, токари, сталевары, вальцовщики, электрики — это они, мастера своего дела, пламенные патриоты Дальнего Востока, задают тон в жизни города.

Много таких людей узнали мы и на заводе «Амурсталь».

Леониду Титовичу Ефремову двадцать семь лет. Он обер-мастер и заместитель секретаря партбюро мартеновского цеха. Ефремов человек строгий и рассудительный и в то же время большой любитель шутки. Он принадлежит к той категории людей, которые уже в юношеские годы своим трудом, чистосердечным и дружеским отношением к товарищам завоевывают большое уважение коллектива.

Ефремова мы встретили в цехе, у мартеновских печей. Его лицо было так закопчено, что на нем еле выделялись черные густые брови над большими серыми глазами. Он сказал что-то, блеснув белыми ровными зубами, но из-за шума завалочной машины и гуденья в печах расслышать его было невозможно.

Леонид Титович познакомил нас со сталеваром Алексеем Войтовичем.

Войтович только что передал смену. Он снял кепку с прикрепленными к козырьку синими стеклами, обнажил копну курчавых рыжеватых волос. Его зеленоватые и прозрачные глаза выражали усталость, простодушие и доброту.

Алексей Войтович один из первых на заводе сократил сроки плавки стали. Он варит первосортную сталь на час и тридцать минут быстрее, чем установлено нормами. За последние два месяца он выдал шестнадцать скоростных плавов, добился наибольшей среди сталеваров экономии горючего.

— Вы спрашиваете, как я стал сталеваром? Шестнадцати лет я пришел на завод. Это было в 1942 году. Окончил школу ФЗО. Поставили подручным, а потом стал варить сталь самостоятельно. Вот и всё.

Алексей Михайлович умолк. Он сидел за столом против нас и смотрел прямо на нас своими добродушными глазами, без малейшей тени лукавства. Оказывается, прав был секретарь парткома завода Гапуник, когда предупреждал нас:

— Народ у нас хороший — Войтович, Павлов, Никаноров и другие работают на славу, а вот рассказать о себе — не могут, туги на слова. Около иного час просидишь — слова не вытянешь...

В контору вошел обер-мастер Иван Гаврилович Егин и с ним еще человек десять — машинисты, подручные сталеваров. Закурили. Кто-то сказал:

— Сейчас подойдет и Положеев.

Вот хорошо! Нам давно уже хотелось встретиться с Михаилом Ивановичем Положеевым. Он, как и Войтович, из тех мальчишек, которые в военные годы после двенадцатичасовой работы в цехе штурмовали сугробы. Мы слышали о Положееве еще в Хабаровске, говорили нам

о нем и в редакции городской газеты, рассказывали о его замечательном мастерстве в парткоме завода. Положеев сократил продолжительность плавки на два часа. На его счету сотни тонн сверхпланового металла. За последние два месяца он выдал восемнадцать высококачественных скоростных плавок. Благодаря этим разговорам у нас сложилось о Михаиле Положееве представление как о высоком широкоплечем богатыре. И мы ошиблись. Вошел молодой сухощавый мужчина ниже среднего роста, черноглазый. Он снял шапку, и его короткие упрямые черные волосы, зачесанные назад, несколько поднялись.

— Положеев, — сказал он, стискивая наши руки будто металлической обжимкой.

Он улыбнулся, и по этой улыбке в нем сразу угадывался человек веселого нрава и пылко-пытливого ума.

Это был действительно богатырь, только не по росту, не по аршинным плечам, а по творческому размаху, по русской сметке, по умению и мастерству.

Началась оживленная непринужденная беседа. Вспоминали минувшее. Рассказывали о первых днях жизни на заводе, о становлении «Амурстали».

— Что же скрывать, в военные годы сталь давалась с трудностями, — замечает Егин. — Но мы не унывали. Работали с пустыми желудками, но зато душа горела.

— Не забуду самодельные боты, — вспоминает Войтович. — Брели списанные покрышки от автомашин, резали их на куски, по туфлям, с примеркой. Сзади и спереди сшивали толстой проволокой — и готово! Пойдешь по снегу — будто машина проехала.

Все засмеялись.

— А сейчас подавай драп-велюр, модные ботинки.

— Велюр купишь, а пошить в Комсомольске негде — на весь город две-три мастерские.

— Это верно.

— А ты сам попробуй шить, — кидает кто-то реплику. — Как Войтович — боты.

Опять засмеялись.

— Смех — смехом, а торговать-то в городе надо бы лучше, — серьезно говорит Положеев. — Машин мало продают в Комсомольске. Нам нужны «победы» и «москвичи». Почему мало их завозят к нам для продажи? Вот недавно привезли в наш магазин шестнадцать мотоциклов с колясками. Их за час разобрали...

В комнату вошел высокий красивый парень, почти юноша. Это Николай Лисица. Он самый молодой из ведущих сталеваров «Амурстали».

— Вот наш скоростник в квадрате, — представили нам его, и все засмеялись.

— Как это понимать — в квадрате?

же молодцы! В прошлом году он дал пятьдесят скоростных плавок.

Николай поздоровался. Посидел немного и вскоре ушел в цех, по делам. Мы воспользовались его отсутствием и решили поговорить о нем со сталеварами. Дело в том, что с неделю тому назад, когда мы в парткоме завода и у директора советовались, о ком из сталеваров следует написать, руководители к единому мнению не пришли...

— Лисицу вычеркните из своих списков, — сказал директор завода.

— Нет, а мне кажется, Лисицу надо оставить в списках передовиков, — возразил секретарь парткома.

— Может быть, и следует о нем написать, но так, чтобы не испор-

тить его, а, наоборот, поправить, — заметил Василий Харитонович Киселев, главный инженер завода. — Знаете, он у нас находится, так сказать, на шлифовке. Закалку он получил, а подшлифовать его во-время не подшлифовали. А закаленный металл шлифовать нелегко. Но ничего, коллектив у нас сильный, справимся. Будет Лисица настоящим человеком.

Вспомнив об этом разговоре, мы и обратились к сталеварам.

— Николай Лисица плавку испортил. Пустил в брак, — сказал Ефремов. — Был за это наказан — переведен на три месяца в подручные. Отбыл срок наказания без ропота, учился. Сейчас опять вот уже третий месяц поставлен сталеваром. В этом году перешел в десятый класс вечерней школы. С шестого класса начал учиться в вечерней школе. В этом он может служить примером.

— А в чем же он еще шероховат?

— Есть у него такая нехорошая жилка — за славой персональной гонится, а о коллективе, о товарищах иной раз забывает. К примеру, ведет он завалку печи. За эту работу установлены определенные баллы. Можно и нужно сократить время, но не нарушая технологический процесс. А Лисица, стараясь сократить время, иной раз не прогреет шихту, как требуется, заваливает печь холодной шихтой. Вот другая смена потом и парится: пока прогреет шихту — пережигает мазут, тратит на плавку лишнее время. Если бы все так поступали, к чему бы мы пришли? Но мы надеемся, что Лисица исправится. Поможем ему.

Дружеская критика, труд в коллективе — лучшее воспитание.

На «Амурстали» у каждого сталевара много хороших, чутких товарищей и друзей! Они крепко полюбили свой завод, его рабочий коллектив, свой город на Амуре.

— Я на заводе с сорок второго года, — рассказывал нам старший вальцовщик листопрокатного цеха Борис Иванович Юртайкин. — Тоже мальчишкой работать начинал. В пятидесятом году соблазнился и уехал в Макеевку. Проработал там до пятидесяти третьего года. И весь истосковался по родному Комсомольску. Не выдержал и вернулся опять на Амур. Теперь уж здесь на всю жизнь! У нас тут чудесная местность. Простор, красота — смотри и глаз не отведешь. Климат хороший. Земля в Комсомольске родит, как на Украине... На Урале, например, помидоры не вызревают, а у нас поспевают отлично. И сады здесь разводить можно. Надо создать вокруг Комсомольска несколько крупных совхозов, чтобы было здесь молоко и мясо по потребности, были свои овощи и фрукты.

На заводе уже сложился крепкий коллектив инженерно-технических работников. Он тоже состоит главным образом из молодежи. Примечательно, что почти все инженеры после окончания высших учебных заведений начали свою заводскую жизнь как простые рабочие. Инженер Гаврилов после института работал слесарем, потом бригадиром, конструктором цеха, мастером. А теперь он — механик цеха. Инженер Николаенко, окончив в 1950 году Уральский политехнический институт имени Кирова, работал сперва помощником мастера, затем начальником смены, обер-мастером. Сейчас он — начальник стана. С помощника мастера до начальника жестекатального цеха вырос на заводе инженер Леонид Степанович Рожко. Таким был путь многих работников, которые находятся сейчас на руководящих постах.

У металлургов огромная тяга к знаниям. Каждый третий член заводского коллектива где-либо учится. Здесь работают школы мастеров, школы по обмену передовыми методами труда, различные курсы в цехах, вечерний университет марксизма-ленинизма, вечерняя средняя шко-

ла. С каждым днем повышается техническая культура металлургов. Ярким свидетельством этого является непрерывный рост числа рационализаторов и изобретателей, всё увеличивающееся количество рационализаторских и изобретательских предложений.

В листопрокатном цехе нас познакомили с механиком Андреем Павловичем Любиченовским. Разговаривая с нами, он всё время поддерживал рукой свой подбородок. В беседе выяснилось, что Андрей Павлович в 1946 году перенес здесь тяжелое нервное заболевание. У него отнимались ноги и руки. Через некоторое время подвижность конечностей была восстановлена, но другие следы заболевания остались до сих пор.

— Конечно, ему тяжело работать, — говорит секретарь парткома Гапуник, — но Андрей Павлович не падает духом, как и подобает коммунисту. Работает он, можно сказать, за десятерых. У нас на заводе действует два оригинальных станка и один молот, изобретенные им.

С Андреем Павловичем мы зашли в жестекатальный цех. Он подвел нас к группе рабочих, которые в шуме и грохоте хватили из-под валков клещами раскаленные листы стали, били их, раздирали.

— На всех металлургических заводах страны на станах такого типа эта операция делается вручную. Тяжелая работа, — говорит Андрей Павлович. — Но мы решили механизировать и этот процесс.

Андрей Павлович показал нам изготовленные детали станка-молота, недавно изобретенного им. Механики уже собирают этот станок, скоро он будет испытан и пущен.

Нельзя было не залюбоваться творческим упорством и настойчивостью Андрея Павловича, стремящегося механизировать все трудоемкие процессы и облегчить труд рабочих.

— Перед рационализаторами и изобретателями надо ставить большие и объемные задачи, чтобы был простор для мысли, — говорил нам Андрей Павлович. — Когда инженеры отказываются подумать, как устранить ручной труд на той или иной операции, да говорят еще, что на всех заводах мира так работают, — это идет от косности и лени. Подобный застой технической мысли заслуживает сурового осуждения.

6

Комсомольск — город рабочих. Понаблюдайте внимательнее за его жизнью.

...Тихое морозное утро. Светает. Воздух прозрачен, как хрусталь. На улицах многолюдно. По некоторым магистралям народ валом валит. Скапливаются очереди у автобусных остановок. Это дневные смены направляются на заводы, а рабочие ночных смен возвращаются домой.

Но вот наступает девять часов, и улицы становятся почти пустыми. В это время комсомольчане трудятся. Школьники тоже сидят за партами.

Рабочий класс города формировался так же, как и на заводе «Амурсталь», первоначально из комсомольцев-строителей. Интересно отметить такую деталь: большинство руководящих партийных, советских, хозяйственных работников Комсомольска-на-Амуре — бывшие строители: каменщики, плотники, штукатуры, землекопы. Строили когда-то город нынешние директора и главные инженеры ряда предприятий Комсомольска.

А сколько замечательных людей выросло из бывших учащихся ФЗО и ремесленных училищ! И депутат Верховного Совета СССР Илья Ев-

сеевич Слепко, и депутат Верховного Совета РСФСР Алексей Михайлович Войтович, и знатные бригадиры каменщиков Щеглов и Грунин, и токарь Сараев — все они начинали свою рабочую жизнь в училищах Комсомольска.

Комсомольск — город молодежи. Пожалуй, в редком городе встретишь на заводах столько молодежи, как в Комсомольске. Но вместе с молодежью отлично трудятся и старые рабочие.

На «Амурстали» мы встретили Евдокию Сидоровну Балуюеву. Она уже двадцать шестой год работает вальцовщицей.

В Комсомольск Евдокия Сидоровна приехала в 1952 году. Жестокатальный цех, где она сейчас работает, тогда только начинал осваивать выпуск продукции. Много трудностей пришлось перенести вальцовщице на новом месте. Евдокии Сидоровне пришлось прежде всего обучать мастерству молодых рабочих. Теперь ее ученики Михаил Невецких, Георгий Меньшиков, Михаил Никитин тоже стали опытными рабочими. Евдокию Сидоровну за долголетнюю работу в металлургической промышленности правительство наградило медалью «За трудовое отличие», а затем орденом Трудового Красного Знамени. Недавно на завод пришло известие о награждении за выслугу лет большой группы металлургов. В числе их и Евдокия Сидоровна Балуюева. На этот раз за двадцатипятилетнюю работу в металлургической промышленности она удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина.

А рядом с матерью в цехе работает и ее дочь Валентина.

Многими людьми, замечательными делами и традициями славен Комсомольск. Славен он еще и тем, что всё новое встречает там горячую поддержку, и уж за что берутся трудящиеся города — делают они это с размахом, с комсомольским задором.

Вот так широко взялись комсомольчане за помощь деревне в подъеме сельского хозяйства. Только в прошлом году они построили в колхозах несколько электростанций, десятки животноводческих помещений, клубов и жилых домов. На постоянную работу в сельское хозяйство выехало более семисот жителей города. Среди них восемьдесят инженеров и техников, триста девяносто высококвалифицированных механизаторов; пятнадцать посланцев Комсомольска избраны в колхозах председателями колхозов и секретарями партийных организаций.

А город всё растет, строится. Ежегодно его жители получают десятки новых больших домов, появляются новые клубы, магазины. В городе уже более пятидесяти школ, три техникума, в прошлом году открылось первое высшее учебное заведение — педагогический институт.

...На берегу таежного Амура, на необозримой равнине, будто самой природой преднамеренно созданной для великого строительства, раскинулся чудесный город юности. И когда мы говорим — «амурская сталь», то под этими словами подразумевается не только металл, что выходит из мартеновских печей «Амурстали», но прежде всего люди, создавшие город, прославляющие его своим трудом, настоящие патриоты своей советской Родины.

Федор Нугей

НА ЛЕСОПУНКТЕ „КЕДРОВЫЙ“

Очерк

1

Близость тайги чувствовалась уже на станции, где рабочие выгрузились из вагонов. Станционные пути были заставлены платформами с лесом. Многие из приехавших впервые видели столько леса и, выйдя из вагонов, с интересом рассматривали крупные кряжи кедров, тонкие лиственницы и ели.

— Вот эт-та, видать, лесина была, — разинув от удивления рот, говорил маленький мужичонка в длинной, до пят, шинели с оторванным хлястиком. — Вдвоем-то, брат, и не обхватить...

— Кедра, — тоном знатока добавил стоявший рядом с ним высокий парень в ватной фуфайке, таких же брюках и огромных кирзовых сапогах с отвернутыми голенищами. — Они еще толще бывают. Кубатуристый лес, на таком самые заработки.

Семен Петрович Окладников с женой и несколькими земляками тоже остановились около кряжа, возвышавшегося на платформе.

— Ух, ты! — только и вымолвил Семен Петрович. — Это сколько же из него можно клепки наколоть?

Виктор Фролов, коренной степняк, всю дорогу бредивший рассказами о тайге, жадно искавший на каждой остановке книги об охотниках и следопытах, пропустил сугубо практическое замечание Окладникова мимо ушей.

— Настенька, Настенька, — толкал он под бок свою курносую соседку. — Ты посмотри только. У такого в дупле целую медвежью семью можно поместить. Вот это был настоящий царь тайги.

— Тоже мне, царь, — скривила губы Настенька. — Хозяин тайги, кто сумел свалить такую громадину да еще и на платформу погрузить. Это царь.

— Это каждый сумеет, особенно электропилой. Вот приедем, увидишь, как это делается.

Семен Петрович не слышал спора. Его внимание привлекли уложенные на соседней платформе лиственничные бревна. Они лежали ровные, как на подбор, отливая на солнце бурыми бликами коры. Словно литые, свешивались с прокладок тяжелые комли. Десятки лет стоят, как новые, дома, сложенные из такого дерева, долго может пролежать в воде такое бревно, не поддаваясь гнили. Вековой, золотой лес!

Хорошее дерево всегда привлекало внимание Семена Петровича Окладникова. Он часто ловил себя на том, что, бросая в печь дрова, с

сожалением глядит на какое-нибудь прямослойное полено и прикидывает в уме, какая хорошая получилась бы из него перекладинка, а, может быть, и ножка для табурета. От зари до зари возился он с обрубками дерева. Чинил телеги, сани, ладил клещи для хомутов. Все соседские ребята бегали по улицам с колясками, тачками и ветрянками, которые с любовью делал Семен Петрович. Возможно, он и проработал бы в промартели «Дружба» до конца своих дней, но смутил его старинный приятель, тоже плотник и немного столяр, Федот Меркурьев, который несколько лет назад завербовался на Дальний Восток, да и остался там. Прислал Федот письмо, в котором подробно расписывал, какая в этих местах богатая тайга и сколь велика нужда в людях, которые могли бы весь этот лес, как он писал, «к делу произвести».

В добавление ко всему «Дружбу» стали перестраивать на выпуск мороженого и прохладительных напитков, а столярное производство отошло на задний план.

Дарья, жена Семена Петровича, хотя и поворчала немного, но так как за долгие годы супружеской жизни привыкла во всем полагаться на мужа, в конце концов сказала: «Как знаешь», — и стала собираться в дорогу.

Так, на пятом десятке лет, Семен Петрович Окладников очутился в одном вагоне с мечтавшими о таежных подвигах двадцатилетним комсомольцем Виктором Фроловым, столь же юной Настенькой и другими беспечными людьми, едущими на Дальний Восток.

— Пойдем, что ли, — оторвала мужа от слишком затянувшегося осмотра Дарья Степановна.

...«Лесной» поезд должен был притти только вечером. Его ожидали в помещении станции. Рядом с Окладниковыми и их земляками расположилась компания, в которой Семен Петрович узнал мужичонку в шинели и его длинного собеседника. Разложив на чемодане рыбу, колбасу и консервы, компания «заправлялась», сдабривая «обед» солидными порциями спиртного. Разговор шел сначала тихо, а потом перешел на высокие тона.

— Меня везде примут! — стучал себя в грудь черный, с лохматыми сросшимися бровями парень в кубанке. — У меня руки механика. Я и машину, и трактор знаю, как свои пять пальцев. Я работал в таком месте, где одних «зисов» выходило на линию больше тридцати. Я путевки подписывал. Пошла машина на калым — механик всегда в барыше. Вот была жизнь...

— Чего же ты уехал оттуда?

— Так получилось, — нехотя ответил «механик».

— Надолго ль завербовался?

— Больше года меня в леспромхозе и на тресе не удержишь. Подработать бы денжат.

— А я только посмотрю, как там в леспромхозе. Не понравится — до свиданья! Я, брат, птица вольная, — в тон «механику» бахвалился мужичонка в шинели. — На Камчатке, в Охотске разное повидать довелось.

— Что же, и там заработки плохие?

— Заработки там, брат, такие, что некоторым и во сне не виделись! Там, брат, рыбаки до ста тысяч рублей за путину выгоняют.

— Поди и тебе давали, да ты отказался, — съязвил парень в фуфайке.

— В том-то и дело, что не каждому такие деньги даются. Кто в тех местах давно живет, изучил всю механику, тот и зарабатывает. А мы приехали, сроду этого моря не видели, так какие из нас работники!

Расставили нас — кого соль подносить, кого воду перекачивать. А на жительство определили в палатках. Посмотрел я на такие дела — и с первым же парходом обратно.

— Трус несчастный, — презрительно бросил в сторону мужичонки Виктор Фролов, как и многие другие ставший невольным свидетелем этого разговора. — Как же люди Комсомольск строили? В палатках, в шалашах жили, на болоте, а всё-таки построили город. А этот летом в палатке жить побоялся.

— Известно, летун, — поддержала его Настенька. — Длинные рубли ищет.

— А как же твой договор? Аль ты такой богатый был, что проезд оплатил, подъемные и суточные вернул? — допытывался у бойкого мужичонки парень в фуфайке.

— Нет уж, дудки. У меня, брат, такие бумаги в кармане, что ко мне никто не придерется.

Мужичонка лезет за пазуху и извлекает оттуда толстый пакет, перевязанный засаленной тряпицей.

— Вот! — торжественно потрясает он пакетом. — Тут и свидетельства всякие, и инвалидные справки, — всё, что угодно. Черным по белому: «Иван Пестряков, негодный». Только покажу такую бумажку — и меня откуда угодно за казенный счет обратно домой отправят.

— Ишь ты! — не то осуждающе, не то с восхищением заметил парень. — Как же тебе справку дали, что ты здоров?

— Справку-то? Я, брат, к доктору, как орел, влетел. «Чем болен?» — спрашивает он меня. «Никак нет, — говорю, — сроду не болел. Справочка только нужна». Глянул он на меня, потом на списочек. А там еще очередь длинная. Написал справку. А я с той справкой к вербовщику. Гони, мол, проездные авансом.

— Это что, — вставляет еще один собеседник, всё это время старательно зачищавший консервную банку. — Вот у нас было. Вербовщик сам нескольким человекам справки достал. Собрал человек пять вот таких орлов (кивок в сторону мужичонки в шинели) и говорит: «Поедете?» Тем, конечно, терять нечего, говорят: «Поедем». Сам им справки принес, договоры оформил, те только подписались. Потом уж мы узнали, что этому уполномоченному-вербовщику то ли до премии, то ли до комплекта трех человек нехватало. Он и подобрал этих «орлов».

— Здорово! — хохотнула компания. — Куда же их потом девали?

— Отправили всех обратно, а расходы на контору перечислили.

— Отнести бы расходы на вербовщика.

— Зачем же, у него справки от врача.

— Тогда на врача.

— Откуда ему известно, что этот «орел» без царя в голове? Надо самого «орла» бить по холке да приговаривать: «Не летай, не летай! Работай честно!»

Мужичонка в шинели торопливо прячет свои засаленные бумажки и снова петушится:

— А что? Да я, брат, получше тебя сработаю. Это раньше на силу надеялись, а теперь головой надо уметь.

Объявили посадку. В зале зашумели, засобирались. Увесистые свертки поплыли над головами людей к выходу.

Пассажирский вагон поезда также скоро наполнился до отказа. Люди вокруг Окладникова сидели и лежали на полках, мешках и чемоданах. Виктор и Настенька пристроились около окна. Черный «механик» и его собеседники заняли верхние полки, откуда вскоре понесся заливиный храп. Только в первом от входа купе, которое проводница ревностно

оберегала от посягательств официальным словом «служебное», было пусто. Но и его на первой же остановке поезда заняли какие-то люди, повидимому, официальные лица.

— Не пробьешься, — недовольно ворчал низенький, одутловатый человек с огромным кожаным портфелем. — Едут и едут.

Поставив портфель в угол, мужчина снял каракулевую шапку, пригладил рукой редкие волосы.

— Это хорошо, что едут. Плохо, когда уезжают, — отозвался другой. — А уезжает от нас, кажется, больше, чем приезжает. Кадровики стонут — расходы адские.

— Мне из-за этих расходов в банке нахлобучки дают. Как ни поедешь — просрочка, — подхватил человек с портфелем. — Сколько раз я к вам, Иван Александрович, в райком обращался по этому поводу.

— Кадровики, говорите, стонут? — словно и не расслышав финансиста, отозвался тот, которого назвали Иваном Александровичем. — А вы, производственники, разве не плачетесь на нехватку рабочих, когда с вас за план начинают спрашивать? Первая отговорка — людей не хватает. А люди-то есть. Только уезжают они от вас, и не просто уезжают, а бегут.

— Ну, допустим, не все бегут. Многие остаются. Убегают всякие летуны, охотники за длинным рублем.

— Это точно, — поддакнул финансист.

— Точно ли? — с сомнением покачал головой райкомовец. — Мне как-то недавно пришлось разговаривать с одним известным шофером. Хороший водитель. Про него в газетах много писали, портреты печатали. Сейчас он рассчитался, уехал из леспромхоза. Спрашиваю его: «Почему?» — «Надоело, — говорит. — Человек я семейный, а с женой и детьми почти не вижу. Всю зиму в общежитии, за десять-двенадцать километров от них. Дома бываю только в выходной — это одно, а другое — на две семьи жить приходится, сколько ни зарабатывай — всё равно мало. Да и общежития, — говорит, — плохие, холодно в них, неудобно. Самому варить некогда. В столовую надо итти, а там обед кусается — дорого и плохо. Хватит, — говорит, — помотался по участкам». А сколько таких уезжает? Сотни.

— В сотни не уберешь, — вставляет финансист. — Тысячи.

— Что ж подлаешь, леспромхоз — не завод, — отозвался производственник. — У нас производство подвижное. Сегодня рабочий живет в поселке, а завтра лесозаготовки передвинулись на десять километров в глубь тайги. Не тащить же туда семьи лесорубов вместе с огородами.

— Старая песня, притом вредная! — резко возразил райкомовец.

Производственник снисходительно улыбнулся.

— Вы подождите улыбаться, — продолжал райкомовец. — По-вашему, все эти безобразия — неперенный спутник лесоразработок? Так, что ли?

— Я не хотел этого сказать, — защищался производственник. — Я говорю только о том, что надо учитывать специфику производства.

— Специфика у нас на всех предприятиях должна быть одна — партийная. Человек — превыше всего. Люди делают план. Я не специалист лесоразработок, но могу назвать вам десятки неиспользованных возможностей для улучшения быта людей.

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Разве нельзя сделать так, чтобы рабочие жили вместе с семьями? Можно. Пример ваших же лесопунктов, работающих на базе узкоколей-

ных дорог, доказывает это. Утром люди уезжают в тайгу и вечером приезжают домой. Все рабочие живут в одном поселке. И стоит этот поселок десятки лет, пока не выработаются массивы на многие километры вокруг. Если не на каждом лесопункте, то, во всяком случае, на многих есть возможность работать по этой технологической схеме.

— Вот с этого и надо начинать разговор, — снова отозвался производственник. — Я могу разработать для лесопункта самую передовую технологию, но если там будет плохо с жильем и вообще с бытовым устройством, — грош цена такой технологии. У нас несколько лет подряд не выполняются планы по строительству жилья. Сейчас, правда, за счет сборно-щитовых домиков стали осваивать средства, но разрыв пока еще не ликвидирован.

— А кто в этом виноват?

— Есть строительное управление, по отношению к которому леспромхоз выступает в качестве заказчика. Это теоретически, а на практике между заказчиком и подрядчиком вечное сутяжничество. И получается точно по украинской пословице: «Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат». Там рабочие остались без бани, там магазин недостроен, там заселили дом, в котором сквозь щели можно рукавицу проташить.

— Этих споров мы наслушались достаточно. Значит, дело не в технологии, хотя и это важно. Так почему же не выполняете план по строительству жилых домов? Почему недостает дров в общежитиях? Почему допускаются миллионные убытки?

— Опять потому же — людей мало, — ухмыльнулся производственник. — Заколдованный круг.

— Людей недостает... Вот за это еще и цепляются некоторые любители спокойной жизни. Я мол, лес даю, план выполняю, а устройством людей, торговлей, культурно-бытовыми вопросами пусть занимаются те, кто за это деньги получает.

Райкомовец был возбужден. Он быстро встал, отошел к окну, доставая на ходу папиросу.

— Эка он их! — с удовлетворением отметил Семен Петрович, всё время слушавший разговор «начальства». Ему вдруг захотелось подойти к этому, пусть незнакомому, человеку и рассказать о том, что волнует пожилого рабочего, едущего на новое, неизвестное место жительства. «Этот должен понять», — подумал Окладников и, стараясь не разбудить спящих, пробрался к окну...

— Есть у нас трудности, Семен Петрович, — говорил ему в конце разговора Иван Александрович Петров, оказавшийся инструктором райкома партии. — И значительно больше, чем в артели, откуда вы уволились. И с жильем в леспромхозах неладно, и с торговлей немало еще неурядиц, но всё это трудности, которые при желании вполне можно преодолеть. И могу вас уверить — они будут преодолены. Вы читали постановление Совета Министров и ЦК партии о лесной промышленности?

— Слышал, но читать не приходилось.

— Почитайте обязательно. Партия уделяет леспромхозам большое внимание. Постановление так и называется: «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности». Делается многое, а еще больше будет сделано. Так что уже в скором времени дела в лесу пойдут лучше. Но для этого нам надо еще крепко и крепко поработать.

Инструктор повернулся к окну. Семен Петрович невольно стал смотреть туда же. Сгушались сумерки. Тяжелые клубы дыма летели от паровоза вдоль вагонов. Красными огоньками вспыхивали крупные искры. Поезд вкатывался на подъем.

2

В отделе кадров леспромхоза Окладникову сказали, что рабочий Федот Меркурьев по собственной его просьбе несколько недель назад переведен на новый лесопункт «Кедровый», тот самый, куда направлялись почти все вновь прибывшие рабочие. Были включены в эту группу также и «боевые друзья», как успел кто-то окрестить шумную группу во главе с «черным механиком». Только здесь, когда начальник отдела кадров стал знакомиться со всеми лесорубами, Семен Петрович услышал фамилию «механика» — Штырев. Неотступно следовавший за Штыревым мужичонка в шинели после неудачной похвальбы на вокзале неумоимо рассказывал о своих прошлых трудовых заслугах, которых, как понимал это каждый, у него никогда не было. Размахивая длинными рукавами шинели, он хвастался:

— Ивана Пестрякова везде знают. Я, брат, еще могу показать, как надо работать.

Железную дорогу до Кедрового еще не дотянули, поэтому вербованным пришлось последние десять километров добираться на автомашинах. Ехали по зимней дороге, петлявшей среди огромных пней и неубранных валежин, изрядно разбитой гусеницами тракторов, полозьями тяжелых тракторных саней, колесами многих автомашин. Дорога была еще крепкая, хотя мартовское солнце уже и обнажило кое-где глубокие выбоины. Машина то взбегала на пригорки, покрытые густым лесом, то спускалась в низины с одинокими пнями, чахлыми березками и множеством кочек. Шофер в таких местах сбавлял скорость, но пассажиров не переставало трясти.

— Как же летом добираются до участка? Грязища поди? — допытывался Семен Петрович у парня в ватной фуфайке, который, оказываясь, уже бывал в леспромхозе.

— На одиннадцатом номере, папаша, добираются, на своих двоих. Котомочку за плечи — и пошел. А кому по штату положено, тот на лошадке. Это немного получше.

— А грузы?

— Что зимой не завезут, тракторами подвозят.

— А железная дорога как же?

— Железную дорогу потом подведут. Лес около поселка вырубят, дальше уйдут километра на три-четыре, навалят леса целые штабели. Вот тогда шум поднимается — лес надо вывозить, древесина пропадает. Кое-кому шею намылят, глядишь — хоть и по мерзлой земле, а дотянут дорогу, вывезут лес. Только к этому времени люди еще дальше в тайгу переходят работать.

— Ишь ты, как нехорошо получается. А, поди, какая благодать-то была бы и для рабочего и для производства, ежели бы сначала хорошую дорогу провели, дома построили, а потом уж заготовки начинали.

Машину сильно тряхнуло. Сидевшую на чемодане Дарью Степановну подбросило так, что она не удержалась на своем месте и повалилась на один из свертков.

— Ой ты, несчастье мое! И когда мы только до места-то доберемся? Всю душу вытряс, окаянный, на этих кочках, — пожаловалась она, крепко держась одной рукой за борт, а другой за плечо мужа.

— Ничего, теперь уже скоро! — успокаивал Семен Петрович жену, невольно припоминая Ивана Александровича и его твердое «выправим». «Много придется поработать, чтобы выправить всё это. Ох, много!»

Подготовленных к заселению домов на «Кедровом» не оказалось. Всех вновь прибывших временно расселили по квартирам рабочих. Семена Петровича с женой забрал в свою небольшую квартиру сразу же отыскавшийся здесь Федот Меркурьев. Земляку и товарищу он обрадовался несказанно. После ужина, когда женщины принялись устраиваться на ночлег, мужчины еще долго сидели за столом. Меркурьев обстоятельно рассказывал о своей жизни в леспромхозе за прошедшие годы.

— Три года прожили мы на этой самой Бычихе. Сначала жили в общем бараке, потом дали нам неплохую квартиру. Огородик раскорчевали — двенадцать соток, живность кое-какую завели. Совсем было я собрался домик свой строить, да начальник участка (хороший был у нас начальник!) рассоветовал: «Живи пока, говорит, в казенном. Вот уж на новый участок, говорит, переедем, я сам помогу тебе новый дом поставить». Вроде бы хорошо начали жить. Одна только беда — на работу далеко ходить. Бычиха-то эта самая стоит, почитай, двадцать лет. Лес кругом выбрали, возили уже за семь, за восемь километров. Я сначала-то по плотницкому делу пошел, а потом гляжу — нечего мне делать на этой стариковской должности. Попросился в бригаду развозчиков. Да так на лошадке и остался. Заработок хороший: полторы-две тысячи каждый месяц. Кончились работы на Бычихе, попросился я сюда. Участок, думаю, новый, стоять будет долго. Обоснуюсь здесь и буду жить. А жить тут хорошо можно. Земля родит, в речке, что за поселком, рыбы всякой уйма, сенокосы немеряные — возьми билет и коси себе на здоровье. А лес-то какой, Петрович!

— Да, лес действительно золотой. Только посмотрю я, Федот Васильевич, как это получается, что в таком золотом лесу ты живешь не в настоящем, крепком рубленом доме, а в этой вот квартирке, сбитой из дощечек? А нам со старухой даже и такой квартирке не нашлось. Правильно это такое или только нас так встретили?

— Тут я, Семен Петрович, покамест и сам разобраться не могу. На Бычихе с этим хорошо было, а вот здесь что-то не ладится. Жалко, что нету нашего старого начальника — на курсы уехал. С тем можно было обо всем по-человечески поговорить. Ну да поживем, увидим. Давай укладываться.

Укладывались на отдых и одиночки. Виктора и одного его знакомого завхоз определил в контору. Сюда же, к немалому неудовольствию товарищей, поместил он Штырева и друзей, столь шумно отмечавших свое вступление на таежную землю. Новоселам выдали по комплекту постельного белья, указали конюшню, где можно было набить соломой матрацные наволочки, но относительно кроватей просили подождать.

— Это издевательство над рабочими! — шумел Штырев. — Мы завтра же будем жаловаться директору.

— Черти, не могли хотя бы топчанов наделать. Кроватей ждут, — возмущался длинный парень.

Щупленький Иван Пестряков бегал от одного лесоруба к другому: и отчаянно жестикулировал:

— Будем требовать! Требовать будем!

Виктор смотрел на весь этот шум и не понимал, чем эти люди так обеспокоены и недовольны. Нет кроватей? Но ведь можно отлично спать и на матраце, от которого так приятно пахнет сеном. Ведь это гораздо лучше, чем трястись на вагонной полке или коротать ночь в здании вокзала. Нет, Виктор был доволен. Именно в эту минуту он чувствовал себя настоящим покорителем тайги. Если бы ему предложили ночевать на улице, около костра, он и то, наверное, согласился бы без колебаний

Арсеньев, проходивший, может быть, в этих самых местах, работал, сидя у костра. Строители Комсомольска прошли триста шестьдесят километров по льду Амура в жестокие метели. Нет, он не будет хныкать, а завтра же попросится у начальника лесопункта на валку леса и потребует, чтобы его научили обращаться с электропилой.

— Так договорились? — обратился он к земляку. — Просимся на валку. И Настю возьмем. Она сможет.

Осуществить свое желание молодым рабочим оказалось нелегко. Когда Виктор, его приятель и Настя Уколова вошли в кабинет начальника лесопункта, тот разговаривал с небольшим сухоньким стариком — прорабом строительного управления. Морщинистое лицо прораба было гладко выбрито, черный полушубок аккуратно застегнут на все пуговицы.

Начальник лесопункта, молодой еще человек лет тридцати пяти, сидел за столом в шапке. Такой же, как у старика, черный полушубок его был расстегнут. В углу сидел секретарь партийной организации лесопункта — крупный рыжеватый человек в зеленоватой фуфайке.

— Не дам ни одного человека, — говорил начальник. — У меня план. Вот видишь — телефонограмма: «В последние дни сезона примите все меры к выполнению плана. В противном случае несете самую строгую ответственность». Что я из-за тебя буду выговор зарабатывать? У меня их и так хватит.

Виктор обратил внимание, что начальник лесопункта говорил прорабу «ты», хотя строитель был старше его лет на пятнадцать-двадцать.

— Поймите же, Виталий Андреевич, не мне эти дома нужны, а вашим же рабочим.

— Ты за моих рабочих не беспокойся. О них есть кому позаботиться.

— У нас пять домиков лежат около линии железной дороги. Надо привезти их, пока дорога есть, а вы у нас последний трактор отбираете. Помогите привезти дома. Бригада плотников соберет их в одну неделю. Люди вздохнут свободнее.

— Послушайте, товарищ строитель, — перебил старика сосед начальника. — Вы что, план лесозаготовок хотите нам сорвать? Родина требует леса, а вы хотите, чтобы мы в это время возили домики? Вам приказано свыше отдать трактор — и отдайте.

— Так у вас же своих три штуки ежедневно простаивают. Пустите их в дело, и наш трактор вам совсем будет без надобности.

— Начальнику лесопункта виднее, что он делает. Он выполняет план. Нельзя срывать государственное задание.

Прораб поморщился, словно от зубной боли, и пошел к выходу. Виктор слышал, как он бормотал про себя:

— Поворачивается же язык... Ишь ты! Не смыслишь, так уж... Эх, горе! — Он еще долго что-то бормотал, прикрывая дверь, но Виктор уже не слышал.

— А вам чего? — услышал он окрик начальника и понял, что он относится к ним.

— Хотим пойти на электровалку, — ответил смущенный Виктор. Начальник критически осмотрел двух юношей и девушку.

— На валку? А вы электропилу видели когда-нибудь?

— Нет, не видели, — окончательно смутившись, ответил Виктор.

— На сучья пойдете. К мастеру Крутику.

— Так у вас же девчата работают помощниками на электропилах, а вы нас, парней, посылаете на обрубку сучьев, — попытался возразить товарищ Виктора.

— А это не ваше дело решать, кто и где должен работать. Сядете

на мое место — тогда будете распоряжаться. Ясно? К мастеру Крутику. Все трое.

Не получился разговор с начальником и у Семена Петровича. Едва только Окладников заикнулся о том, что он плотник и хотел бы работать на сборке домов или вообще помочь людям устроиться, как начальник тут же оборвал его, заявив, что лодыри и любители теплых Мест ему не нужны, а нужны люди, с которыми можно выполнять план. Секретарь партийной организации разъяснил, что лесопункт отстал от графика, что сейчас март, решающий месяц лесозаготовок, и нужно хотя бы ценой штурма выполнить план.

Семена Петровича эти доводы и убедили и не убедили. С одной стороны, он понимал, что план действительно надо выполнять. Для этого создан лесопункт. Но, с другой стороны, нельзя же допускать, чтобы люди спали на полу, жили в тесноте, лишённые самых необходимых удобств.

Присмотревшись к работе лесопункта, Семен Петрович пришел к выводу, что положенные по графику сто пятьдесят кубометров в день можно было бы без особого напряжения вывозить и с меньшим количеством людей и механизмов.

В бригаде обрубщиков сучьев, например, в которую мастер направил Семена Петровича, было семь человек. Все они обрабатывали деревья вслед за одним электропильщиком. Не желая утруждать себя излишними расчетами, мастер записывал дневную выработку каждому обрубщику по принципу «чтобы никому не было обидно». Народ в бригаде собрался не особенно дружный, поэтому работа шла через пень-колоту, а в таблице выполнения норм против фамилий обрубщиков редко появлялась цифра выше девяноста процентов.

Не будь этой уравниловки, с обрубкой сучьев свободно могли бы управиться пять, а то даже и четыре человека. Семен Петрович попробовал сказать об этом мастеру, но тот довольно грубо оборвал его:

— Надо работать, за порядками и без вас есть кому смотреть.

Возмущались и Настя с Виктором. Настя попыталась однажды поговорить с секретарем партийной организации, которого она мельком видела во время первой беседы у начальника лесопункта, но тот заявил, что такие вопросы должен решать начальник лесопункта.

На лесопункте почти никто из рабочих не знал имени-отчества секретаря парторганизации. Звали его просто — парторг.

Виктор пошел к парторгу становиться на комсомольский учет. На этот раз он сидел один.

— Вот это хорошо. Комсомольцы нам нужны. У нас уже есть один комсомолец, работает в гараже сменным механиком. Скоро мы комсомольскую организацию будем создавать.

Виктор заинтересовался, как фамилия сменного механика.

— Как же это его? — забеспокоился парторг. — Он у нас недавно, всего третий месяц. — Порывшись в бумагах и, очевидно, не обнаружив там нужной фамилии, парторг постучал в тонкую перегородку. — Нина, как фамилия этого молодого сменного механика, который из техникума приехал?

— Белоглазов Михаил Владимирович, — послышался из-за перегородки голос Нины, статистика лесопункта.

— Вот-вот, Белоглазов. Тоже настойчивый такой парень, всё добивался, чтобы мы немедленно создали комсомольскую организацию.

— И когда вы решили создавать комсомольскую организацию? — поинтересовался Виктор.

— Подождать придется. Может, еще комсомольцы подъедут. Тогда

и сообщим в райком комсомола, пусть занимаются этим делом. Сейчас пока не время. Работать надо, план выполнять.

— Вот так у них и идет. Кто про что, а от них только и слышишь — план, — сетовал Семен Петрович, которому Виктор рассказал про эту встречу. — Да ты только поговори с людьми по-человечески, они тебе не один, а два таких плана сделают.

Как-то около гаража Виктор встретился с Михаилом Белоглазовым, сменным механиком. Разговорились. Белоглазов доверительно сообщил, что обо всех этих неполадках он написал в райком комсомола. Обещали разобраться. Когда Виктор рассказал об этом Окладникову, тот хлопнул себя по лбу.

— И как же я забыл?.. Садись, Виктор, и пиши в райком партии... Не можем мы, рабочие, терпеть дальше такого положения, просим оказать помощь. Всё как есть опиши.

Но писать не пришлось. На следующий день к сучкорубам пришел инструктор райкома партии товарищ Петров. Тот самый, с которым Окладников встретился в поезде. С Семеном Петровичем он поздоровался, как со старым знакомым. Тут-то и высказал ему Окладников всё, что наболело у него за эти дни. Рассказал, как их встретили, как идет работа. Подсели к ним другие. У каждого оказались свои заботы. Говорили об уравниловке, о простоях, о топчанах, о захламленных лесосеках и кривых волоках.

— Разговоров у нас про этот несчастный план прямо как на Генеральной Ассамблее, — жаловался Окладников, — а дела не видно. И всё с криком, с шумом, с руганью. Люди-то уже в кусты начинают поглядывать, на другие участки собираются.

Иван Александрович внимательно слушал лесорубов. И чем больше слушал, тем яснее становилась ему обстановка на лесопункте. Собственно, рассказанное рабочим о начальнике лесопункта не было для Петрова новостью.

Почти всю свою жизнь этот человек провел в тайге. Всё его образование состояло из семи классов неполной средней школы и курсов мастеров. Было время, когда на него возлагали надежды, но, как это еще нередко бывает, не поддержали человека своевременно, не помогли ему на взлете. Остался он на месте, так и не узнав, какие новые широкие горизонты открываются за лесом, окружающим со всех сторон поселок.

Очевидно, начальник пытался повести дела на новом лесопункте старинным, еще бытующим кое-где приемом — «взять на горло». Но то, что полтора десятка лет назад еще сходило с рук, теперь было бессмысленным. Новая техника, новые люди требовали и новых, более совершенных методов руководства.

Еще хуже обстояло дело на участке с организацией партийно-политической работы. Считая, что на лесопункте «опытный товарищ», работники райкома за три месяца так и не выбрали времени заглянуть на участок «Кедровый».

Много жалоб пришлось выслушать Ивану Александровичу и от механизаторов. Узнав, что приехал инструктор райкома партии, трактористы и ремонтники навалились скопом.

— Какая же это работа без гаража? — наседал один особенно настойчивый молодой тракторист. — За ночь машина остывает так, что утром ее по два-три часа разогревать приходится. Сколько мазута переводим!

— А в нашей мастерской вы были? — спрашивал другой. — Это же передвижное горе, а не мастерская. Стоит сверлильный станочек и к не-

му — одно сверло на двадцать пять миллиметров. Токарный станок поновее, а к нему ни одного резца. Да чего уж про резцы говорить... в этой передвижной ремонтно-механической мастерской даже простой ручной дрели не найдешь. Вчера на моем тракторе срезало шпильку прицепного устройства. Теперь ее хоть зубами выгрызай — высверлить нечем.

- А запчастями как обеспечивают? Курам на смех! У Грецука на «ПЭС-12» толкатель клапана полетел. Пришлось посылать экспедитора в леспромхозовскую мастерскую. Из-за пустяка электростанция простояла три дня. И сколько таких случаев бывает — не сосчитать.

— Если бы всё было в достатке, вам, наверное, и работать-то было бы скучно, — попробовал скрасить мрачные мысли трактористов Иван Александрович. Но шутка не прошла.

— Нет, товарищ Петров, веселья-то мало. Ведь подумать, какую технику дает нам государство. Золото, а не машины. Только на нашем «Кедровом» пять тракторов «С-80», четыре передвижных электростанции, сколько электропил. А на других лесопунктах посмотрите — там и узкоколейные паровозы, и погрузочные краны, и лебедки, там тебе тракторы и автомашины разных систем — миллионы рублей вложены. А вот паршивой дрели, которая стоит-то каких-нибудь полсотни рублей, или копеечного сверла — нет. Из-за рублевых деталей стотысячные машины простаивают. Это ведь недосмотр больше здешний. А какая благодать была бы — построить поселок, в нем теплые гаражи, механическую мастерскую, запас деталей, хорошие дороги. Не работа, а красота.

Не первый раз слышал Петров такие рассуждения. Но когда он повторил их начальнику участка, тот рассмеялся:

— На нашем «Кедровом» всего три домика стояло — не было ни столовой, ни магазина, а нам уже план на заготовку и вывозку был спущен. Готовим лес, а он лежит, и неизвестно, когда его вывезут. Во всяком случае, не раньше, чем через год. Но зато в сводках по леспромхозу — каждый день лишняя сотня кубометров.

— Так что же, это порядок?

— Знаете, как у нас говорят: «Где начинается леспромхоз, там кончается порядок». Что же, вы думаете, что мне приятно работать на лесопункте, где ни гаража, ни хорошей механической мастерской, ни общежитий подходящих нет? Но на меня жмут — давай лес, я и даю.

— Для сводки?

— Это уже не мое дело. Там в производственном отделе сидит человек пять, инженеры, оклады получают солидные, с комбинатом по телефону разговаривают, им виднее.

Начальник говорил сердитым охрипшим голосом, в котором сквозила такая беспросветная тоска и безнадежность, что Иван Александрович едва удержался, чтобы не наговорить ему резкостей.

— Знаете, что делаете неправильно, но продолжаете делать. Так приказано! Эх, вы! — упрекнул он Кустова.

Утром Петров с трудом дозвонился в райком партии и доложил первому секретарю обстановку на участке и свои соображения.

— Значит, очень плохо дело? — переспросил его секретарь.

— Плохо.

Секретарь помолчал и сказал:

— Ладно. Готовьте на пятницу общее собрание коллектива. Я приеду к вам вместе с директором леспромхоза, с замполитом. Пусть они тоже полюбуются на свой новый лесопункт.

3

Утро выдалось ясное. Ночной морозец припушил деревья, тонким ледком затянул лужи, но уже чувствовалось, что во власть вступала весна. Ударив топором по сучку, Семен Петрович увидел, как на срезе высыпали бисеринки талой смолы. Даже в повергнутых великанах весна пробуждала остатки могучих жизненных сил. И, глядя на всё это, Окладников чувствовал, как и сам он переполняется живительным теплом, как поднимаются в нем неведомые до сих пор силы.

Работал в этот день Семен Петрович так, словно сбросил два десятка лет. Ветви так и отлетали под ударами топора. Жарко горели огромные костры. Когда сели обедать, Семен Петрович увидел, что за полдня он ушел далеко. Два мощных трактора «С-80», трелевавших лес с этой деляны, рокотали моторами чуть ли не в двухстах метрах от него.

«Приотстали», — подумал Окладников. И удивился, когда трактор, подмяв под гусеницы несколько мелких хлыстов, направился к самому толстому, очищенному от сучьев кедру. Прицепщик, в котором Окладников без труда узнал Ивана Пестрякова (теперь на нем был новенький ватник), подбежал к вершине и стал набрасывать на нее петлю чокера. Пока он продевал трос под бревно, трактор развернулся прямо по молодому ельнику и стал пятиться к хлысту.

— Вот ирод, — возмутился Окладников. — Это что же он делает?

— Как что? Сливки собирает. Самый толстый хлыст выхватывает, а мелочь губит. Видать, ловкач этот новый тракторист. Из ваших же, кажется, из вербованных, — заметил один из сучкорубов.

Окладникова это замечание задело за живое. Его возмущало то, что некоторые кадровые рабочие относились к приехавшим по организованному набору, как к рвачам, искателям «длинного рубля». Теперь он видел, что этот тракторист действительно позорит их всех. Забыл об усталости и обеде, Окладников побежал к трактору.

— А ну-ка, поди сюда, чортов сын! — Остановившись, Семен Петрович с удивлением узнал в трактористе того самого «черного механика», который еще на станции похвалялся своими успехами...

Тракторист не расслышал, что ему кричал сучкоруб, но понял, что обращаются к нему и, остановив машину, нехотя вылез из кабины.

— Чего, папаша, шумишь?

— Не шуметь, а бить тебя надо! Посмотри, что ты наделал, сколько молодого леса погубил? Будто не мог развернуться вот тут — левее. А эти вот тонкие хлысты зачем поломал? Мешали они тебе? Не мог сначала мелкий лес забрать, а потом уже к этому хлысту подъезжать?

— А ты что, папаша, инспектором тут устроился?.. Зачем мне мелочь, когда я могу взять один хороший хлыст? Норма-то чуть больше, а воз я соберу раза в три-четыре скорее. Ну, а за мелочь ты, папаша, не беспокойся, — тайга. Тут, говорят, прокурор — медведь.

— Ты что же, ирод, думаешь, что на тебя здесь управы не найдется? Да я тебя сейчас вот этой палкой. Мыслимое ли дело — молодой лесок губить! Голое место хочешь после себя оставить?

Видя, что Окладников разошелся не на шутку, тракторист поспешил убраться в кабину. Следующее бревно он взял подальше от сучкорубов, но, несмотря на это, настроение у Окладникова было испорчено. Работал он теперь уже не с прежним радостным настроением, а, наоборот, с каким-то незнакомым ему прежде ожесточением.

Мастер Крутик, который еще вчера делил общее количество кубометров на семерых сучкорубов, сегодня старательно обмерял каждый хлыст.

— Что это вы сегодня хлысты меряете, как племенных кабанчиков? На выставку собираетесь везти? — не удержался Окладников.

— Ты же пожаловался новому парторгу, что тебя обмеривают.

— Какому новому парторгу? — удивился Окладников.

— Не знаешь разве? Тому, который был инструктором райкома. Вчера секретарь райкома партии проводил партийное собрание и Петрова выбрали секретарем. Сегодня он дела принял. В один момент.

— Это за что же его так понизили? Из райкома да на такой участок.

— Начальству виднее. Наверное, хотят, чтоб порядок навел. Он мне уже политзанятие устроил. Ты, говорит, бывший фронтовик, а поддался отсталым настроениям, смирился с недостатками. И пошел, пошел...

— Что же, неправду сказал?

— Правду-то, правду, да кому приятно такое выслушивать?

Окладников был доволен сообщением мастера. Судя по всему, Иван Александрович неплохо начинал свою новую работу. Видать, не зря говорил секретарь райкома на общем собрании, что они уделяют большое внимание «Кедровому», как наиболее перспективному лесопункту. Уж теперь-то Иван Александрович не одному мастеру настроение испортил.

Увидев, что Виктор присел неподалеку, Семен Петрович смаху вогнал топор в пень и подошел к молодому сучкорубу.

— Слышал новость, а?

— Слышал, — улыбнулся Виктор. — А какую головомойку вчера директор устроил начальнику участка! В нашей комнате всё было слышно. Сучки, говорит, пошлю обрубать, если не наведешь порядок. Ну, а потом секретарь райкома с этим инструктором вошли, потише стало. Мы уже спать легли, а там всё разговор шел. И всё больше насчет плохого отношения к людям.

— Эх, Витя! Тут лес, и тот страдает от непутевых хозяев. Сколько-государственного добра зря пропадает! Я нынче поругался с трактористом за то, что он губит молодой лесок. Ты можешь посмеяться над стариком, а мне жалко бросать сучья в костер. Сколько добра в этих кострах сгорает! Тут тебе и дрова, и смола, и скипидар. Спирт, рассказывают, гонят из дерева, шелк делают, бумагу. А мы — всё это в огонь.

— Дядя Семен, я же читал как-то об этом в газете. Ведь как здорово было бы перегородить вот эту Кедровку, которая около нас течет, плотиной, поставить хотя бы небольшой завод и все поломанные хлысты, вершины, валежины, все эти ветки стаскивать к заводу и перерабатывать.

Перед концом смены на деляну пришел Иван Александрович.

— С новым назначением вас! — приветствовал его Семен Петрович.

— Теперь вместе будем работать. Что у вас нового?

— Нажимаем. Скоро совсем вальщиков догоним.

— Тесно уже становится?

— Пока нет, но скоро станет тесно.

— Готовьтесь, Семен Петрович. Подбирайте плотников, денька через два начнем строить дома, механическую мастерскую. Может быть, вас в учителя определить? Подучите молодых лесорубов плотничьему ремеслу, а?

— Я не против, — с радостью отозвался Окладников. — Чего-чего, а в плотниках недостатка не будет. Народ наш к топору привычен.

— А кого вы думаете на первых порах взять в бригаду? — полюбопытствовал парторг.

— Какой из меня бригадир? Хороший бригадир выйдет, из земляка моего, Федота Меркурьева, у которого мы живем. Он сейчас развозчи-

ком на складе работает, а раньше, еще в деревне, всегда в должности бригадира состоял.

Иван Александрович что-то пометил в блокноте.

— Ну, а ты, товарищ комсомолец, не думаешь в плотники? — обратился он к Виктору.

— Нет, я в электровальщики хочу, а начальник не пускает. Только я всё равно буду на электропиле работать.

— Вон оно что! — Петров опять заглянул в блокнот. — Виктор Фролов, так, кажется, тебя зовут? Это ты доброе дело задумал.

— Вы, Иван Александрович, у нашего электровальщика полюбопытствуйте, сколько кубометров они с Виктором напилили.

— Мне бы еще теорию немного подучить, а практически я уже пробовал.

— Доброе дело, доброе, — улыбнулся Иван Александрович. — Уж это мы как-нибудь уладим. Сразу тебе пилу никто, конечно, не доверит, но поработать помощником у хорошего электровальщика не помешает. Виктор расплылся в улыбке.

Весна принесла коллективу «Кедрового» много новых хлопот. План лесозаготовок на весенне-летний период был снижен, но оказалось, что для выполнения его требуется гораздо больше усилий, чем зимой. Мощные гусеничные «Сталинцы» буксовали в подтаявших болотах даже с небольшими возами. Расплавалась земля на лесных складах. Теперь сюда не поступало за день даже и сотни кубометров, установленных «Кедровому» по летнему графику. Лесопункт попрежнему шел в числе отстающих. Сказалась не только весна, но и нехватка рабочих. Почти два десятка лесорубов были переданы теперь в распоряжение старика-прораба. Строителям не только возвратили взятый у них бульдозер, но и выделили дополнительно еще один мощный дизельный трактор.

К большому удивлению Петрова, ко всем этим мероприятиям начальник лесопункта Кустов отнесся как-то уж очень равнодушно. Он попрежнему принимал отчеты мастеров, по требованию лесхозовцев защищал захламленные лесосеки, ругался с леспромхозовскими механиками из-за запасных частей и инструмента, но делал это без прежней уверенности и напористости. Начнет отчитывать десятника, вспыхнет, а потом вдруг среди разговора махнет рукой, повернется и пойдет прочь, не обращая внимания на окружающих.

Кто-то пустил по поселку слух, что новый парторг добивается смены начальника участка и ни за что не соглашается работать с Кустовым. Слух не остался без последствий. Как-то засидевшиеся допоздна на бревнах парни и девушки видели, как Кустов шел от мастера Крутика домой сильно пьяный, то и дело ступая мимо дощатого тротуара прямо в лужи.

На самом же деле начальника никто менять не собирался. Петров тоже понимал, что нового опытного руководителя лесопункта на «Кедровый» не пришлют. Кроме того, он был убежден, что с Кустовым можно работать. У Кустова нельзя было отнять того, что он хороший практик, знаток лесного дела. Да он, кажется, и не мыслил себе жизни без леса. А это что-нибудь да значило. Стоило повозиться с таким человеком, использовать его опыт и знания, помочь ему осознать свои ошибки и решительно исправить их.

Догнав как-то Кустова на дороге с лесного склада, парторг пошел с ним рядом. Тракторный волок, по которому они шли, представлял собой поток грязной жижи, по сторонам которого были навалены

груды лесного мусора, перемешанного с землей. Кустов широко шаггал, не обращая внимания на грязь. Обут он был в резиновые сапоги с длинными голенищами. Парторг, обутый в обычные сапоги, шаггал по обочине волока, то и дело перепрыгивая с бревна на бревно.

— Чего, Виталий Андреевич, загрустил? — окликнул он Кустова.

— А с чего мне веселиться? План-то завалили, — недружелюбно ответил Кустов.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала. Ты посмотри, какое у нас строительство развернулось. Через два-три месяца наш «Кедровый» станет неузнаваемым.

— Так-то оно так, да мне-то теперь всё безразлично, — Кустов безнадежно махнул рукой и ускорил шаг.

— Вот это напрасно, — отозвался парторг. — Разве тебя не трогает перспектива развития лесопункта?

Кустов вдруг остановился, испытующе посмотрел на Петрова.

— Да как же? — растерянно заговорил он. — По лесопункту слухи ползут, будто снимать меня собираются. Вам-то это наверно известно.

— Слухи — они как полая вода: приходят и уходят. А мы с тобой коммунисты, товарищ Кустов. И судьба наша в наших же руках. Плохо сработаем — перед партией будем вместе нести ответственность. Хорошо сработаем — как знать, может, и наградят. А возможности у нас неисчерпаемы. Да, да, неисчерпаемы, товарищ начальник. Да ведь ты и сам это отлично знаешь.

— Возможности у нас действительно велики, — подтвердил Кустов. — А какие тут леса, какие леса! Взять хотя бы сорок шестую или сорок девятую клетки — сплошной кедровник. Дорогу туда протянуть, да жилье, да трелевочных тракторов подбросить, — будет где развернуться. А если бы еще десятка полтора тракторов на прямую вывозку из ближних клеток поставить — вот тебе и семьсот-восемьсот кубометров в сутки!

Петров смотрел, как загораются глаза Кустова, как оживает его ранее грустное лицо, и не мог сдержать улыбки.

— Значит, побоку чемоданные настроения? — весело спросил парторг.

— Коль так — побоку, — весело отозвался Кустов.

Бригада плотников во главе с Федотом Меркурьевым, закончив сборку щитовых домов, переключилась на строительство гаража и механической мастерской. Стояли теплые апрельские дни. Снег давно уже стаял, и на пригорках, где чаще гостило весеннее солнце, пробились подснежники. На полянах замелькали яркие бабочки. Настроение у плотников было бодрое, хотя оно часто омрачалось неполадками. Плотники очень удивлялись тому, что для строительства гаража недостает леса; потом они увидели, что такие случаи — не редкость. Пиломатериалы подвозили с соседнего лесопункта, расположенного в десяти километрах. Давно шли разговоры об установке на «Кедровом» своей пилорамы и шпалорезного станка, но оборудование их находилось еще где-то в пути.

Только теперь, очутившись в бригаде плотников, Семен Петрович понял, почему люди так неохотно шли работать в строительное управление. Строители не пользовались льготами и преимуществами, установленными для работников лесной промышленности.

Квалифицированные плотники и столяры под любым предлогом уходили со строительства.

Семен Петрович видел, из каких подчас тяжелых положений прихо-

дилось выходить их прорабу Ивану Моисеевичу. Даже сейчас, когда прораба поддерживал новый секретарь партийной организации, ему больших трудов стоило уламывать начальника участка, добиваться от него помощи строителям. У Кустова было свое неумолимое правило: «Тебе свое, а мне свое». Поэтому многие были удивлены, когда в ответ на очередную просьбу прораба Кустов сказал, что завтра же утром он пошлет трактор подвозить лес. Потом вдруг, словно спохватившись, он напустился на прораба:

— Вообще-то не следовало бы посылать трактор. Актов на лес до сих пор нет, документы на работу тракторов не оформлены. Или думаете, что всё это вам бесплатно делается?

Иван Моисеевич заверил, что он завтра же уладит все эти дела, и вышел из конторы, тоже немало удивленный тем, с какой легкостью начальник лесопункта согласился доставить лес. В другое время на одни разговоры об этом ушла бы неделя. В том, что завтра лес будет около гаража, можно было теперь не сомневаться. От Кустова трудно было чего-нибудь добиться, но если уж он обещал, то слово свое держал крепко.

Кустов сдержал слово и на этот раз. Утром следующего дня к площадке, на которой закладывался гараж, подъехал на тракторе Штырев.

— Эй, плотнички-работнички! — еще издали закричал он, соскочив с трактора. — Куда вам лес? — Увидев среди плотников Семена Петровича, он поздоровался с ним, как со старым знакомым. — Принимай, старина, лес. Первосортный, по специальному заказу выбирал. Только строительный, не толще тридцати сантиметров.

— Толстые на месте оставил? Это как же ты? — шутливо всплеснул руками Окладников. — Что-то не верится.

— Теперь в лесу порядок. С моей деляны, кроме меня, никто не возьмет ни леионы, да и я на чужую деляну не имею права заезжать. А уж заместителя вы себе оставили, ай да люли! Ну и дивчина! Попробуй-ка сделать что не по правилам, — глаза выцарапает.

— Это Настя, поди? Огонь девка. Что ж она тебе не потрафила?

— Попросил меня приятель подбросить пару сухих хлыстов на дрова. Я отвез. Ну, он, конечно, угостил. Откуда она пронюхала? Еще не успели в столовку войти, она уж кричит: «Девочки, Штыреву ужин вне очереди». Все, конечно, рты разинули: «Почему?» — «А он, — говорит, — только что надурняка выпил, ему закусить надо... И если, — говорит, — его хорошенько угостить, то и вам к столовой сухих дров подвезет». Как будто я не возил туда сухих дров.

Семен Петрович улыбался. Конечно, это она, Настенька, всё такая же неугомонная и колючая...

Штыреву не пришлось работать в лесу зимой, но по рассказам механизаторов он знал, что в напряженные месяцы заработка трактористов достигали трех-четырёх тысяч рублей в месяц. Но, конечно, нужно, чтоб машина при этом работала, как часы.

Что касалось машины, то Штырев был уверен. Его «Сталинец-80» отработал в лесу всего один год и, как видно, был в хороших руках. Если летом хорошенько отремонтировать мотор и ходовую часть, то зиму можно быть спокойным. Так Штырев рассуждал сам с собою, строя планы на будущее.

Как-то своими мыслями он поделился с прицепщиком. Иван Пестряков с энтузиазмом воскликнул:

— Да мы, Вася, еще рванем! Про нас, брат, еще услышат. Мы, брат, докажем...

Спустя немного времени, когда трактор вернулся со склада за следующим возом, Пестряков, вскочив в кабину шофера, заговорил:

— Вася! Вон там с краю хороший хлыст лежит. Деляна чужая, да ведь он сам на нас глядит. Я уже и чокер набросил.

Штырев отрицательно покачал головой.

— Сними чокер! — приказал он. — Понятно? Кончать надо с этим. Не поймешь — ноги выдерну.

Худенького Пестрякова как ветром сдуло с трактора. Перепрыгнув через кочки, он тут же снял чокер. Штырева он побаивался, чего доброго тот мог привести в исполнение свою угрозу...

Совсем по-летнему пригревало солнце. Темные ветви деревьев и кустарников на берегу Кедровки оделись в яркую свежую зелень, а на полянках запестрели желтые и белые цветы. С острым запахом смолы смешивались пьянящие запахи весны.

Усевшись во время короткого перекура на бревнах, плотники шурились под ласковыми солнечными лучами, но после короткого отдыха вновь брались за топоры. Семен Петрович заканчивал выемку паза и уже собирался итти на обед, когда увидел направляющуюся в их сторону группу молодежи. Среди других Окладников узнал секретаря партийной организации, Виктора и Настеньку.

— Добрый день, Семен Петрович! — поздоровался парторг, поровнявшись со строителями. — Вот, провожаем наших курсантов, на учебу отправляется молодежь.

— Это хорошо, — одобрил Семен Петрович, оглядывая собранных, по-походному лесорубов. — Не успели и поработать как следует, а уж на курсы... Балуют вас, правда ведь, Иван Александрович? Мало они еще с топором по лесу походили... Сумеют ли оценить вот это по достоинству, — и он обвел рукой новый поселок, машины, стоявшие на складе, тайгу...

— Думаю, оценят, — ответил Иван Александрович, добрым взглядом окидывая улыбающихся лесорубов.

— Мы приехали в тайгу не ворон считать, — сказал Виктор. — Нам бы знаний побольше, технику как следует оседлать, и тогда держись, тайга!.. Ну, пошли, что ли. До свидания, Семен Петрович!

— До встречи...

Один за другим будущие электровальщики, трактористы и водители автомашин вытянулись по просеке, в дальнем конце которой виднелось полотно железной дороги, той самой дороги, которую теперь ускоренными темпами прокладывали к «Кедровому». Пропустив вперед товарищей Виктор задержался и остановился рядом с Настенькой. Всегда бойкая, та смущенно мяла в руках косынку.

— Счастливо тебе, Витя. Возвращайся хорошим электровальщиком.

Семен Петрович еще раз пожал Виктору руку и добавил, уже обращаясь к Петрову. — Пойдемте, посмотрим наш новый сруб. Хороший будет дом!

Понимающе кивнув головой, Иван Александрович тоже пожал Виктору руку и направился к срубам.

— Замечательный будет дом, Семен Петрович. Может быть, для них, — кивком головы он указал на Виктора и Настеньку, всё еще стоявших у начала просеки. — И жизнь будет в этом доме еще лучше, чем наша.

Они стояли у нового сруба, одинаково радуясь и новому дому, и весне и той новой жизни, которая рождалась здесь, в дебрях дальневосточной тайги.

Всеволод Сысоев

ИЗ ЗАПИСОК ОХОТОВОДА

СНОВА НА ТИГРОВ

«Славна Русь богатырями!» — говорили в старину. Никто с этим не спорит. Но* когда на художественной выставке в Москве появилась картина Зорина и Куриленко «Тигроловы», изображающая, как четверо отважных охотников вяжут тигра, многие усомнились в ее реализме. «Не может этого быть, чтобы тигра взяли голыми руками! Не таков зверь...»

«Охотятся на тигров различно, — пишет Брем, — среди густых зарослей единственный способ — расстановка сетей из крепких верёвок». В Бенгалии для поимки тигров роются глубокие ямы. Над замаскированной тростником поверхностью привязывают живую приманку: козленка, овцу или какое-либо другое животное, бросившись на которое, тигр проваливается в яму сквозь травянистый настил.

— Все эти приемы в нашем крае не годятся! — говорили братья Богачевы. И они предложили неведомый дотоле способ ловли тигров руками. Способ нехитрый, основанный на силе, смелости и быстроте действий. Зародился он при следующих обстоятельствах. Как-то на охоте за кабанами братья Богачевы случайно напали на тигриный выводок. Поднялась свалка. Пока охотники подбежали, тигрица перебила половину лаек. Рассерженные зверобои застрелили тигрицу, а на тигренка набросили куртки, связали его и живым принесли в деревню. Подивились тогда односельчане смелости охотников и с той поры прозвали семью Богачевых тигроловами.

Вскоре у Богачевых появились последователи: братья Калугины, Трофимовы, Черепановы. И пошли русские промысловики, на удивление всему миру, ловить тигров не сетями да ловушками, а именно голыми руками!

Вот и сейчас передо мной лежит радиogramма Богачева: «Два тигра доставлены в поселок Катэн, сообщите Зооцентру».

Но прежде чем рассказать об их поимке, мне хочется вкратце остановиться на нашем амурском тигре. В тигрином роду — это самый крупный вид, достигающий трехсот пятидесяти килограммов веса при длине туловища в три метра. В отличие от своих бенгальского и корейского сородичей амурский тигр обладает длинным шелковистым мехом и хорошо переносит морозы. Иногда он заходит далеко на север, за Становой хребет, в Якутию. Постоянным местом обитания тигров в Хабаровском крае являются: среднее течение реки Хор (район имени Лазо) и торный хребет Шухи-Покто (Облученский район Еврейской автономной

области). Но общие запасы этого редкого животного не превышают двух-трех десятков. Значительно больше тигров водится в Приморском крае, в бассейне реки Иман.

Испокон веков тигр считался страшным людоедом. Население Индии, Китая, Кореи, Суматры с робостью и подобострастием относится к могучему хищнику, в честь его складываются песни, во многих странах он считался священным животным. Удэгейцы и нанайцы в прошлом тоже обожествляли тигра и не охотились на него.

Полосатый хищник наводил вокруг себя трепет и ужас. Да не таков русский человек, чтобы он побоялся зверя. Правда, со старым тигром оприветиться трудно: сила у него огромная, легко он стряхивает с себя даже пятерых ловцов, но известны случаи, когда брались живыми и взрослые тигры. Охотники ловят, конечно, тигрят, но с ними находится мать, которая их охраняет. Попробуйте взять щенка у незнакомой злой собаки, а тут перед вами тигрица: клыки, как кинжалы, глаза зеленым огнем мерцают, не доведись попасть в объятия ее широких лап с острыми когтями! Да и тигренок может за себя постоять: в три года он весит до ста килограммов и обладает всеми ухватками и сноровкой матерого лесного зверя.

Страшно охотнику... Но еще страшнее человек для тигра. Дыбом становится у него на загривке шерсть, и в глухом тигрином реве слышится не победный крик, а зверцный вопль ужаса. Словно стальным тросом привязывает тигра к земле животный страх перед звероловом и не дает ему сделать последний прыжок...

Хорошо знают это тигроловы, успешно ловят они полосатых хищников; лишь бы нашелся свежий след. За десять лет, с 1930 по 1940 год, на одной только реке Иман (приток Уссури) было поймано сорок тигрят и девять взрослых тигров. Да чересчур уж охотники перестарались: к 1947 году в лесах Приамурья осталось так мало этих зверей, что пришлось вводить запрет охоты на тигров.

Многие недоумевали: «Как можно не разрешать убивать тигра, ведь это такой свирепый хищник?» Но посмотрите глазами натуралиста на это животное. В нашем крае тигр не нападает на человека. Мне неизвестно случая, чтобы на охоте за тигром погиб или был бы сильно изувечен охотник. Случалось, что, окруженный тигроловами, зверь и поцарапает и покусает кого-нибудь из них, но на медвежьих охотах дела часто складываются куда хуже. Избегая близости с человеком, тигр заселяет отдаленные охотничьи угодья, где ему не может встретиться какое-либо домашнее животное, кроме охотничьих собак.

Правда, тигр съедает в год до тридцати кабанов и изюбрей, но ведь и сам-то он стоит десятки тысяч рублей! Тигр убивает копытных столько, сколько нужно ему, чтобы утолить голод. Он никогда не разгоняет животных подобно волку, которого тигр не терпит в своих владениях и тем помогает нам в борьбе с этими прожорливыми хищниками.

Тигр могучее, красивое и ловкое животное, украшающее наши приамурские леса и создающее им тропический колорит и славу. Не без волнения ехали в свое время на Дальний Восток известные русские путешественники Пржевальский и Арсеньев, горя желанием встретиться с исполинской полосатой кошкой. Да и не одного еще исследователя-натуралиста привлекает амурский тигр.

Нет, мы не должны допустить, чтобы в наших лесах был убит последний тигр. Тайга многое потеряет от этого. Надо ловить молодых тигров и пополнять ими зверинцы, зоопарки, цирки. Да и для экспорта тигры — самый желаемый объект, спрос за границей на закаленного морозами длинношерстного амурского тигра неограничен. В любом городе

северной Европы амурский тигр легко приживается, не в пример бенгальскому. Вот почему была запрещена охота на тигров в нашем крае. Этот запрет благотворно сказался на тигрином поголовье: количество тигров в тайге значительно возросло, особенно на реке Катэн.

В нынешнюю зиму впервые после пятнадцатилетнего перерыва в Хабаровском крае был возобновлен промысел этого ценного животного. Для ловли тигров была организована бригада охотников из шести человек: Матвея Богачева — сына знаменитого тигролова Ивана Павловича Богачева, Аверьяна Черепанова, Петра Реутова, Луки Горбунова, Мирона Попова. Повел бригаду известный зверолов — Прокопий Перфильевич Богачев. Седьмой десяток идет Прокопию Перфильевичу. Хроническая болезнь привязалась к его ноге, давно врачи настаивают сделать операцию, но мужественный тигролов робеет перед скальпелем хирурга и всё откладывает. А как узнал Прокопий Перфильевич о предстоящем походе в тайгу, — забыл и о своем недомогании, стал торопить охотников с выходом.

Был конец октября, когда бригада Богачева прибыла в удэгейским поселок Гвасюги. Председатель колхоза товарищ Исаев выдал бригаде два бата*, снабдил охотников свежими овощами. На реку Катэн тигроловы тронулись на лодках.

Ноябрь выдался теплым. Образовавшиеся ночью ледяные забереги днем подтаивали, обламывались, и потемневшая река уносила вниз по течению тонкие, как стекло, льдинки. Богачев был уверен в своей бригаде, хотя двое охотников — Горбунов и Попов — впервые участвовали в поимке тигров. Беспокоило бригадира лишь то, что собаки у них были молодые и на тигров не натасканы; только одна из них — пес Верный — прежде ходила на кабанов и медведя.

Поднявшись по Катэну километров на сорок, охотники разбили свой табор. К самому берегу подступал здесь высокоствольный кедровый лес. Местами деревья были перевиты лианами. Южные склоны некрутых сопок поросли дубняком, но урожай жолудя в эту осень был плохой, и кабан уходил отсюда на хвощи.

Семь дней охотники искали в тайге следы тигров. Когда они наконец были обнаружены, оказалось, что итти по этим следам стало чрезвычайно трудно. Не по-зимнему теплое солнце растопило неглубокий снег, не давало морозам сковать горные речки. Но как бросить свежие следы тигрицы, с которой идут крупные тигрята! И охотники, напрягая зрение, перебираясь через реки и ручьи, уходили всё дальше в тайгу, неотступно преследуя обнаруженную тигриную семью.

Далеко зашли звероловы. Тем временем надвинулись тучи и пошел снег. Но снег не облегчил поисков: под ним исчезли те слабые вмятины от тигриных лап, по следу которых шли охотники до сих пор, а свежие тигриные следы им никак не попадались. Стало труднее и опаснее переходить через горные речки по скользким валежинам. Наконец кончились продукты.

Пришлось ни с чем возвращаться к палатке.

Решили потратить несколько дней на добычу кабанов и изюбрей, мясо которых было необходимо не только самим охотникам, но и на кормежку тиграм, если бы удалось их изловить. Впрочем, в удачном конце охоты тигроловы не сомневались. Они привыкли бороться с трудностями.

Как-то поздним вечером в палатку тигроловов вошел удэгеец Чен-

* Б а т — легкая, долбленая из дерева лодка, приспособленная для плавания побыстрым горным рекам.

гума Кялундзюга. Не раз за свою долгую жизнь он встречался в тайге с Богачевым и теперь прошел лишних сорок километров, чтобы сообщить старому другу о замеченных им свежих следах тигров.

— Понимаешь, Прокоп, тигрица живет на сопке, вчера спускалась прямо на Катэн. Два тигренка с ней, играли на льду, потом опять все на сопку ушли.

На другой же день звероловы, сгибаясь под тяжестью котомок, ушли к месту, указанному Ченгумой. У подножья скалистой сопки они устроили табор — небольшой навес из лапника — и заночевали. До поздней ночи бригада обсуждала план действия на завтрашней охоте; были учтены все мелочи, из-за которых могла произойти неудача, взвешены все шансы. Спать пришлось мало. Чуть свет, подкрепившись кашей и крепким чаем, охотники двинулись в путь. Они разделились на две партии с тем, чтобы обойти кругом сопку и установить точное местопребывание тигриной семьи.

Скалистая сопка поросла густым пихтачом, смешанным с елью и кедром. Изредка встречались здесь старые разлапистые тиссы с красноватой корой, о которую тигры любят «чистить когти». Каменные россыпи и отвесные темные скалы были покрыты лишайниками и мхами.

Заснеженный сумрачный лес встретил охотников недружелюбно. Каменные обнажения и обилие валежника затрудняли движение на лыжах; с ветвей на охотников часто сыпались комья снега.

Долго пробирались тигроловы сквозь таежные дебри. Но вот между деревьями мелькнули поднявшиеся с земли черные вороны. Черепанов, шедший впереди, остановился и стал зорко всматриваться в темнеющую чащу. Какую поживу нашли себе в лесу эти зоркие птицы?

Спустившись в ложбину, звероловы увидели на снегу черную тушу дикой свиньи, неподалеку от нее лежал задавленный поросенок с оторванной и съеденной лапкой; от кабаньих туш в разные стороны уходили свежие тигриные следы. Было ясно, что своим внезапным появлением охотники прервали трапезу «властителей уссурийских лесов».

Теперь каждая минута была дорога. Как по команде, охотники подняли пальбу из винтовок, придерживая одновременно рвущихся со сворок собак.

— Горбунов! — зычным голосом крикнул Богачев. — Отгоняй тигрицу!

Молодой охотник бросился по самому крупному следу, ломая кустарник и стреляя на ходу.

Подождав немного, бригада двинулась по следу тигренка, что уходил влево в лес.

— Пускай собак! — бросил на бегу Богачев.

Не прошло и десяти минут, как впереди послышался глухой лай, известивший охотников, что зверь остановлен. Ничто так не придает энергии зверолову, как голоса лаек, «посадивших» тигра! Что было силы неслись охотники вперед на лыжах, обдаваемые клубами снежной пыли.

«Лишь бы тигр не ушел!» — думал каждый из них.

Вот и место схватки: остановленный тремя собаками, крупный трехгодовалый тигренок яростно отбивался от них лапами, злобно шипел и скалил внушительные клыки.

Прячась за кедрами и валежником, охотники стали окружать тигра. Матвей Богачев, изловчившись, накинул на зверя одеяло, но в тот же миг от него остались одни лоскутья. Увидев рядом хозяина, собаки осмелели и еще яростнее надели на тигра.

Визг и лай собак, рычание тигра, крики звероловов, треск ломаемых кустов, — все эти звуки сразу наполняли лес, создавая впечатление от-

чаянной рукопашной схватки. Впрочем, в этой схватке оружие (клыки и когти) было только у одной стороны — у тигра, что касается охотников, то они сражались со зверем лишь голыми, изодранными в кровь руками.

Окруженный зверь беспорядочно заметался, но так и не успел вцепиться по-настоящему в кого-нибудь из своих преследователей. Улучив момент, когда тигр подмял под себя собаку, Петр Реутов схватил его сзади за уши, а Черепанов и Богачев одновременно — за передние лапы. Попов же навалился поперек тигриной туши. Нелегко было удерживать разъяренного зверя. Крутя могучей шеей, тигр чуть было не вырвался из крепких рук Реутова. Одна рука охотника лишь на мгновение выпустила звериный загривок, и в тот же миг полетели клочья из рукава реутовской шинели, закапала на снег кровь.

Видя ранение товарища, Попов еще сильнее навалился на зверя. Быстро и уверенно работали охотники, не прошло и нескольких минут, как у тигра уже были связаны лапы, затянута челюсти.

Теперь нужно было скорее помочь Реутову; к счастью, рана оказалась не опасной, и возбужденный охотник настаивал на немедленном преследовании второго тигренка. Оставив возле пленника Матвея Богачева, бригада тут же пошла дальше по следам. Пройдя с километр по лесу, охотники спустили собак, но они вскоре вернулись — это означало, что зверь успел уйти далеко.

Пришлось разделиться: Прокопий Перфильевич с Матвеем должны были тащить добычу к табору, а остальным надлежало установить, куда ушел тигренок, чтобы на следующий день можно было отправиться вдогон. Но когда Прокопий Перфильевич вернулся к месту поимки тигра, он не застал там ни Матвея, ни зверя.

Оказалось, что тигренок высвободил как-то передние лапы и, несмотря на то, что задние лапы у него были связаны, пустился наутек. Напрасно пытался удержать его Матвей: спутанный зверь оказался всё же проворнее человека. Пробежав по следу километра два, Прокопий Перфильевич догнал Матвея, и только вдвоем они сумели снова скрутить беглеца. В свалке тигренок успел разорвать бригадиру веко когтем, а Матвея угостил такой здоровой затрещиной, что у того опухло всё лицо и посинело под глазами.

Тигренка едва затолкали в просторный крепкий мешок. Когда Матвей тащил «пленника», морда зверя находилась у него возле самого уха; иногда охотник поворачивал лицо к тигру — и тогда глаза их встречались. Зверь шипел, а человек улыбался.

Надо было иметь действительно богатырскую силу, чтобы так нести на себе по тайге пятипудового тигренка.

Пока Матвей с Прокопием Перфильевичем брели на табор, с их товарищами произошло следующее событие.

Потеряв надежду догнать в этот день второго тигренка, Черепанов, Реутов и Попов всё же долго шли по его следам. Сделав широкий полукруг, тигренок опять стал приближаться к тому месту, откуда охотники начали преследование. Попов предлагал оставить след и идти догонять Прокопия Перфильевича, а завтра со свежими силами продолжать преследование. Реутов настаивал на том, чтобы немедленно пустить собак.

— Зверь недалеко, и его нужно брать сегодня, за ночь он найдет матку и уйдет с ней, — убеждал он.

Черепанов молча и внимательно смотрел на собак, которые тянули по следу, повилявая хвостами и едва слышно повизгивая.

— Чуют зверя, — прошептал Черепанов. — Пройдем до того ключика и, однако, пустим. Вязок у нас маловато. Придется индивидуаль-

ные пакеты рвать. — С этими словами он полез в мешок. Вскоре из нарезанных кусками широких марлевых бинтов были свиты прочные концы и заткнуты за пояса.

Охотники прошли через ключ, густо поросший молодым ельником, и отвязали со сворок собак. Не прошло и пяти минут, как послышался лай. Все устремились вперед.

Подбегая к тигренку, Реутов видел, как смело и настойчиво бросался теперь на зверя пес Верный. Толкая тигренка, он тут же отлетал под сильными ударами его лап. Верный был отчаянно смелым псом, не щадившим себя и имевшим волчью хватку. Поэтому его пустили на тигрят с завязанными ремешком челюстями.

На этот раз хорошего скрытного подхода к зверю не было. Подкравшись из-за ели, Черепанов уже хотел набросить на тигренка свою куртку, как вдруг зверь метнулся на выросшего перед ним Реутова.

Охотник едва успел швырнуть ему в открытую пасть свою шубную рукавицу. В то же мгновение шесть крепких рук разом вцепились в загрызок и лапы зверя.

— Самое трудное — первому схватиться со зверем, — говорил бывало Иван Павлович Богачев. — А уж если это удалось, тигр — твой!

Это хорошо помнили его ученики. Они быстро скрутили тигру лапы. Вязки из бинтов вполне оправдали себя: они были прочны, мягки, а главное, не укорачивались при намокании — обстоятельство весьма важное, так как туго перетянутые лапы животного на сильном морозе могли омертветь.

Долго охотники отдыхать не стали. Пропотевшая легкая одежда быстро промерзала. Решено было тащить добычу к табору, от которого они находились не так далеко.

Солнце закатывалось. Медленно сгущались сумерки. Сквозь просветы ветвей на западе виднелся рдеющий край неба. Спокойствие вечернего леса нарушалось скрипом лыж да потрескиванием валежника.

— Никак тигрица прошла, — промолвил вдруг остановившийся Черепанов. Поперек пути охотников ясно виднелись крупные следы.

— Ишь как часто ступает, будто скрадывает кого. Детей, видать, разыскивает, — размышлял вслух Реутов.

— Ну, пошли, что ли?

Вскоре охотники вышли на след Богачевых. Теперь до табора оставалось не более шести километров. По пути они еще дважды пересекли тигриные следы. Тигрица шла за охотниками, уносившими ее детеныша. От сгустившихся сумерек и близости разъяренного зверя Попову было не по себе. Но, видя спокойствие товарищей, он не стал высказывать своих опасений.

Поздним вечером охотники доставили свою тяжелую ношу к табору. Прокопий Перфильевич поздравил всех с успехом. День действительно выдался удачный: взяли двух крупных тигрят, да еще успели принести их в лагерь.

В этот вечер у большого костра было весело. Охотники подшучивали друг над другом, вспоминая события минувшего дня. Недалеко от костра на подстилке из зеленого елового лапника покоились связанные тигрята. Уставшие собаки лежали тут же, некоторые из них зализывали свои раны.

Выслушав подробный рассказ Черепанова о поимке второго тигренка, Прокопий Перфильевич заметил:

— Действовали вы правильно. А вот ружья все побросали зря, одному при вязке ружье нужно держать возле себя. На этой охоте всякое может приключиться. С моим отцом был такой случай: отбили они от

матки тигренка, догнали, начали вязать. Дело вроде к концу подходило, когда, смотрит отец, а тигрица во весь мах навырчку к своему котенку несется. Схватил он винтовку, бац ей в лоб! Она с разгону, хоть и мертвая, к самым его ногам подкатилась. А не будь ружья рядом?..

Долго в эту ночь охотники не могли сомкнуть глаз. Все были сильно возбуждены, и никому не спалось. Не спали и тигрята. Только пес Верный, уткнув мочку носа в свой пушистый хвост, тихо повизгивал во сне.

На другой день звероловы возвратились в свой основной лагерь. Пока делалась примитивная клетка из сухого кедра, рядом с людьми спали в мешках и тигры. Лапы у них были развязаны, а головы находились снаружи. Тигрята лежали рядом, умиротворенно мурлыча что-то друг другу: вместе они переносили неволю спокойнее.

Прокопий Перфильевич кормил тигрят свежей изюбятиной, не развязывая однако им челюстей. Он нарезал мясо тонкими лентами, клал его на палочку и подносил к морде зверя. Тигренок языком втягивал пищу в пасть и, не жуя, проглатывал ее. В первый же день тигрята съели килограммов по пять мяса.

Два дня тигроловы тянули нарту с большой клеткой. К саням были подпряжены собаки. Немало было пролито пота, прежде чем показались катэнские огороды. В поселке охотников ожидала автомашина, доставившая их в Хабаровск.

Так закончился один из обычных походов Богачевых. В этой славной семье потомственных охотников из поколения в поколение передается мужественная и редкая профессия тигроловов. Состарились и умерли зачинатели этого трудного промысла: Перфилий и Иван Богачевы, Родион Козин, Алексей Реутов, но их дело подхватили сыновья, которые учат теперь охоте на тигров своих детей.

Вскоре тигры, пойманные бригадой Богачева, будут доставлены в Москву; они украсят один из зоопарков страны. А дальневосточные тигроловы опять собираются в тайгу на поиски новых тигриных выводков.

Глядя на этих бесстрашных и сильных охотников, невольно думаешь: нет, не перевелись богатыри на Руси и в наше время!

ШАТУН

Зимой, когда законы жизни повелевают медвежьему роду забираться в теплые берлоги, на заснеженных увалах Матая ежегодно появлялся след огромного бурого медведя.

Иногда рядом с ним виднелись волчьи нарыски. Отпечатки волчьих ног налегали на крупные медвежьи оттиски, подтверждая догадки следопыта, что волки бредут за косматым великаном, словно собаки за охотником. Многие зверобои знали об этом медведе-шатуне, но ходить за ним никто не решался. Зверь делал далекие переходы, на его широком следу с десятисантиметровыми когтями свободно помещались две человеческие ноги, обутые в просторные лосиные олочи. Медведь был того предельного размера, которого редко достигают эти животные: даже тигры ему не были страшны, а к волкам он относился, как к мелким воршкам, от которых нужно лучше прятать добычу.

За десятки лет своей жизни медведь не раз встречался с охотниками и собаками, и если он уцелел, то только благодаря случаю да частым рикошетам, отклонявшим пули, направляемые в медвежье сердце.

Теперь медведь-шатун избегал человека. Правда, зрение у него сильно притупилось, и за сто шагов не отличил бы охотника от пня; одолевала зверя и глухота. Но зато чутье не изменяло ему, — стоило потя-

нуть легкому ветерку в его сторону, как он за сотни шагов чуял идущего зверобоя и уходил подальше от опасного места.

Подобно гигантскому куполу, стоит среди тайги гора Синяя. Идущие по небу облака часто заволакивают ее седую от инея и снега вершину.

Даже при хорошей солнечной погоде здесь всегда сверху сыплется изморось, а по ночам выпадает звездная пороша. Глухие сумрачные распадки поросли хвощами, пробивающимися зеленой щеткой сквозь снег. Вот к этим излюбленным пастбищам кабанов и направился медведь-шатун. Он долго шел по льду горной речушки. В одном месте лед не выдержал тяжести его тридцатипудовой туши и обломился с таким треском, словно из пушки выстрелило. Шатун одним прыжком выскочил на берег, постоял, прислушиваясь к невнятному шуму ветра, и побрел дальше. Теперь он пробирался краем крутого косогора, поросшего высокими кедрами, и ему хорошо был виден уходящий вдаль распадок.

Вскоре легким дуновением ветерка на него нанесло резкий запах кабана-секача. Шатун остановился и начал с жадностью втягивать в себя воздух, стараясь точно определить, откуда доносился к нему столь соблазнительный запах.

Долго стоял зверь на одном месте, так долго, что даже снег начал слегка подтаивать под его широкими лапами. Наконец он решил итти вверх по ключу, откуда доносился слабый треск валежника. Теперь шатун шел осторожно, избегая наступать на гнилой колодник. А когда медведь заметил между просветами деревьев черную тушу кабана, он замер на месте, словно огромный выворотень. Кабан был не один: здесь паслось целое стадо диких свиней. До шатуна доносился шорох, глухое повизгивание поросят.

Подкрадываться прямо к кабаньему косяку шатун не стал. Он инстинктивно чувствовал, что близко к кабанам можно подойти только с подветренной стороны, а для этого ему нужно было спуститься в распадок и обойти табун слева. Пригибаясь и осторожно ставя лапы на снег, шатун стал обходить кабанов. Теперь воздух тянул от ничего не подозревающих свиней. Медведь повернулся и начал осторожно ползти к ним навстречу. Медленно переставляя лапы, напрягая слух и зрение, шатун крался к своей жертве, укрываясь, подобно охотнику, за толстыми стволами кедров и елей. Кабаны рылись в нескольких метрах от него, но стояли они головами в противоположную сторону, и шатун терпеливо ждал, когда ктонибудь из них повернется к нему головой: такого кабана легче схватить. От неожиданности и испуга он может еще сам подскочить ближе к медведю.

Прошло несколько минут, прежде чем один из кабанов повернулся и пошел прямо к залегшему шатуну. В два огромных прыжка медведь очутился рядом со своей жертвой. Страшные когти вонзились в кабанья бока, а клыки тут же раздробили ему шейные позвонки; с последним вздохом кабан испустил такой резкий крик, что весь табун шархнул в сторону и исчез в зарослях.

С жадностью поедал добычу шатун; его объемистый желудок мог вместить более двух пудов мяса. Насытившись и обливав свою запачканную кровью шерсть, шатун отошел под ель и с удовольствием растянулся на снегу. Но вскоре его чуткую дремоту прервало карканье ворон, слетевшихся к месту его пиршества. Вороны иногда изрядно уменьшали медвежью добычу, но на них шатун не сердился, бывало и так, что благодаря этим зорким и крикливым птицам он находил подраненных охотниками изюбрей и кабанов. Вороны объедали медведя, но и помогали ему находить пищу.

Наступившие сумерки заставили ворон убраться на ночлег, но задремавшего шатуна вскоре разбудил протяжный и унылый вой. Медведь хорошо знал, что принадлежит этот голос волкам, которых он ненавидел всей своей звериной душой.

Не раз эти голодные хищники грабили его запасы и теперь, видимо, подбираются к его добыче.

Шатун поднялся, подошел к недоеденному кабану и принялся его закапывать. Словно граблями, сгребал он лесную подстилку вместе с дерном и снегом, заваливая ею кабана. Когда рядом не хватало нужного материала, медведь отходил подальше и, соединив лапы вместе, пятась задом, сдвигал снег на свою добычу, напоминая чем-то работу бульдозера. Иногда он останавливался, прислушиваясь к волчьему вою, который становился всё слышнее, затем снова принимался за работу. Похоронив свою добычу под кучей дерна и снега, шатун потоптался на ней, затем зубами наломал еловых веток и накрыл ими сверху снежный бугор.

Только после этого он спокойно улегся недалеко от своей «кладовой» и погрузился в дремоту. Ранним утром шатун отправился по своим медвежьим делам в соседний распадок. После сытного вчерашнего обеда его тянуло побродить. Как только остыли медвежьи следы, появились волки. Обнюхивая кустарник, они сразу бросились к медвежьим запасам, стараясь разгрести кучу своими крепкими лапами, но утрамбованный снег за ночь так слежался, что, сколько ни старались хищники, кроме двух костей откопать ничего не смогли. Своими крепкими челюстями они раздробили кости кабана и проглотили их, съели пропитавшийся кровью снег, выгрызли кусок свиной кожи. И долго бы еще они добивались к лакомым кускам, если бы вернувшийся «хозяин» не заставил их трусливо поджать хвосты и уйти на марь. Здесь они терпеливо ждали, когда шатун уйдет искать новый табун кабанов, оставив, на их долю несколько костей. Так в охоте за кабанами проводил этот зверь долгие зимы.

Неизвестно, сколько бы прожил еще на свете медведь-шатун, если бы случай не столкнул его с Прокопием Перфильевичем Богачевым. В глухом горном ключе, поросшем старыми кедрами и дубняком, с густым подлеском из бересклета и лещины, остановился табун кабанов. Переворачивая припорошенную снегом лесную подстилку, кабаны разыскивали свой любимый корм — жолуди и орехи, с наслаждением поедая их. Они так были заняты едой, что не почуяли подошедшего близко охотника.

Грянувший неожиданно выстрел заставил их опрометью броситься в ту сторону, куда они стояли головами. Отскочив на несколько метров, звери остановились, замерли прислушиваясь. Снова прогремел выстрел. На этот раз табун тронулся в окончательно избранном направлении, оставив на снегу сраженную наповал старую свинью — вожака стада. Вышедший из-за кедра Богачев внимательно осмотрел следы ушедших кабанов: на снегу кое-где темнордовыми бусинками застыла кровь — значит, за стадом ушел подранок.

Распотрошив кабана и обложив его ветвями ели, зверобой пошел догонять подранка, которого он и нашел километрах в двух. Кабан свалился на косогор. Прикрыв ветвями добычу, Богачев вернулся в зимовье. Прошло недели две, пока Прокопий Перфильевич, ведя за повод лошадь, снова появился в том месте, где лежали убитые им кабаны. Пора было вывозить добычу из тайги. По пути охотник пересек след шатуна. Медведь шел в том же направлении, что и он.

Смутные подозрения охотника развеялись, когда он издали увидел нетронутую кучу еловых ветвей, под которыми он сам укрыл убитого кабана.

Но, подойдя к куче, Богачев не нашел кабана под ветвями, только удаляющиеся следы медведя рассказали ему о том, что шатун вытащил кабана из-под завала и унес его в зубах, словно собака зайца.

— Вот черная немочь, сожрал-таки кабана! — выругался охотник и побрел ко второму тайнику.

Здесь его опять постигла неудача — кабан был так же похищен, как и первый. Не будь с Богачевым лошади, он немедленно бы бросился преследовать медведя-вора, но с лошадей к такому зверю близко не подойти. Далеко слышит таежный конь медвежий запах, захрапит, забьется — и никакой повод его не удержит.

Пришлось Богачеву ни с чем возвращаться в зимовье, затаив крепкую обиду на медведя-вора. Прошел месяц. Было раннее декабрьское утро, когда Богачев вышел из зимовья с твердым намерением наказать шатуна. Тайгу наполнял шум, подобный звуку далекого морского прибоя, — это верховой ветер гудел в кронах деревьев, растущих на горных вершинах; внизу же воздух был недвижим, снег на тропе скрипел под ногами, но звук этот не проникал далеко в лес.

Искать шатуна там, где он стащил кабанов, было бесполезно: прошло много времени, и зверь давно уже перешел в другой район. Поэтому Богачев сразу направился к Светлому ключу, где чаще всего встречался ему след медведя-шатуна. Предположения охотника оправдались: к концу дня он уже стоял на следу медведя, рядом с которым шли следы трех волков.

Пройдя по следу с десятков километров, охотник остановился на ночлег. Выбрав недавно повалившийся сухой кедр, Богачев подтащил к нему сухого валежника, срубил прогнивший в середине высокий кедровый пень, стоявший подобно широкой деревянной трубе, и расколол его вдоль. Теперь пень напоминал долбленную лодку с отрубленной кормой и носом. Подтащив пень поближе к костру, охотник улегся в него, как на койку; спереди грело пламя костра, а сзади от ветра защищало сухое дерево. Спать с вечера не хотелось, и Прокопий Перфильевич стал перебирать в памяти все случаи, бывшие с ним на медвежьих охотах.

Длинна декабрьская ночь. Чего только не передумает охотник у костра! Каких только охотничьих происшествий не вспомнится ему!

Потрескивают сухие сучки в костре, но еще звонче потрескивают они в лесу, подступающем к бивуаку темной стеной, — крепчает мороз к утру. Но у костра тепло. Вихри теплого воздуха уносят в звездное небо множество искр. Словно огненные змеи, извиваются они между качающихся вверх темных ветвей пихты.

Еще до рассвета Богачев вскипятит чай, позавтракал и, как только стали гаснуть звезды, тронулся в путь.

Следы повели его через непролазные пихтачи, светлые, густопахнущие багульники, лиственничники, сумрачные кедрячи по крутым косогорам. Они то поднимались к высоким перевалам, поросшим черной заиндевшей березой, то спускались в распадки. Было видно, что медведь интересуется следами зверей. Особенное пристрастие он проявил к кабаньим тропам. Найдя свежий след, он долго преследовал кабанов и, когда догнал табун ночью на отдыхе, осторожно обошел его с подветренной стороны, подкрался к спящим зверям и схватил поросенка. Почти целиком съев его, шатун закопал остатки в куче лесной подстилки и отправился отдыхать на солнечную сторону сопки. На второй день он возвращался к своей добыче, но серые спутники — волки ничего не оставили своему «хозяину». Тогда шатун поплелся дальше в поисках новой добычи. Всё это Прокопий Перфильевич прочитал по следам на снегу. Пришлось ему еще одну ночь провести на медвежьих следах. В пол-

ночь пошел снег, и Богачев наскоро соорудил себе навес над постелью из елового лапника.

После пороши лес казался парадным и убраным, как свежесвеженная изба перед праздником. Все следы были засыпаны. Тайга посветлела. Пахло свежестью и смолой. Но самым приятным для охотника было то, что можно было ходить бесшумно.

Несмотря на выпавший снег, глубокий след медведя был хорошо виден, и Богачев снова устремился вперед. Вскоре он зашел в старую гарь. Некогда здесь росли могучие кедры, но низкой пожар опалил их стволы и они засохли на корню, затем между голых сухих деревьев появилась поросль орешника, начал виться виноград — в мертвый лес снова пришла жизнь..

Но что искал здесь бурый медведь? Может быть, он просто пересекал гарь, направляясь в другой охотничий район? Старая гарь хорошо просматривалась, и это помогло Богачеву увидеть медведя раньше, чем зверь почуял его запах. Подбросив горсть снега над головой, охотник определил направление движения воздуха и стал осторожно подходить к зверю с подветренной стороны. Медведь лежал на противоположной стороне распадка на куче листвы, перемешанной со снегом. Он будто дремал. В просвете деревьев виднелась его большая туша, казавшаяся на фоне белого снега почти черной.

Прислонив ствол винтовки к сухому кедру, Богачев тщательно прицелился и послал в медведя пулю. Зверь вскочил на лапы и грозно рявкнул. Тотчас вторая пуля пробила ему грудь. Укусив себя за бок, медведь стал вертеться вокруг дерева, ища невидимого врага. Он громко ревел, вырывал с корнем кустарник, поднимался на задние лапы. После третьей пули, пробившей ему шею, шатун обнял толстый ствол ильма передними лапами и почти по-человечески застонал.

Еще выстрел. Разжав лапы, медведь замертво повалился на спину, так и не увидев охотника. Медленно подошел к зверю Богачев. Немало поразило бывалого охотника то обстоятельство, что убитый им медведь лежал на туше другого медведя, неизвестно от чего погибшего.

Шатун, видимо, был не прочь съесть своего погибшего собрата, но пока был сыт и не трогал его. Добытый медведь оказался худым. Из-под его шкуры Богачев извлек, кроме своих, еще три свинцовых пули, обросших соединительной тканью. Особенно крупная сплюснутая пуля была найдена им под кожей головы.

«Слабоваты в старину были ружья!» — подумал охотник, рассматривая этот потемневший от времени кусочек свинца.

До поздней ночи охотник разделявал медвежью тушу. Затем он развел жаркий костер и вскипятил чай.

В полночь из долины реки Подхоренка до него донесся протяжный и тоскливый волчий вой. Богачев поправил костер и погрузился в спокойный сон. Утренние лучи солнца застали охотника у подножья Синей горы. А тем временем трое волков осторожно подходили к месту гибели медведя-шатуна. Хищники думали снова поживиться за счет старого медведя. Вдруг шедшая впереди волчица замерла на месте, высоко подняв голову. К обычному запаху крови и медведя примешивался самый страшный для волка запах — запах человека. Одно мгновение звери находились в оцепенении, затем они круто повернули и бросились наутек. Долго еще между деревьями мелькали их серые сгорбленные спины

И. Борисов

ТАЙВАНЬ-НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ КИТАЯ

Остров Тайвань — это исконная китайская земля. Он отделен от материкового Китая проливом шириной от 130 до 200 километров и лежит в китайских водах, отделяя Восточно-Китайское море от Южно-Китайского. Из восьми миллионов человек населения Тайваня подавляющее большинство (более 90 процентов) составляют китайцы — местные уроженцы, а в прошлом — выходцы из прибрежных провинций Фуцзянь и Гуандун. Незначительное меньшинство, всего около 250 тысяч, составляют различные мелкие племена малайского происхождения, которые китайцы объединяют под общим названием горских народностей — гаошань.

Остров Тайвань по своей форме напоминает брошенный на воду банановый лист. Это самый крупный из китайских островов, его протяженность с севера на юг около 440 километров, а наибольшая ширина — 180 километров. Общая площадь 35 760 квадратных километров; он больше таких европейских государств, как Бельгия и Голландия. К Тайваню прилегают также многочисленные острова Пэнхуледао, прозванные португальцами Пескадорскими, то есть Рыбачьими островами, и другие, всего более 80 мелких островов, которые также населены китайцами.

Тайвань по-китайски значит «Залив террас». И действительно, если смотреть на остров со стороны материка, то он кажется цепью террас, возвышающихся одна над другой и переходящих на востоке в высокие обрывистые горы. Центральный Тайваньский хребет пересекает весь остров с северо-востока до самой южной его оконечности, где на утесе Элуаньбидзя возвышается маяк, освещающий в ночные часы путь морякам. Всё Тихоокеанское побережье острова покрыто такими высокими скалами и утесами, горы занимают не менее двух третей территории Тайваня. В западной части острова лежит обширная плодородная равнина, которая, очевидно, образовалась на месте существовавшего здесь ранее мелководного моря.

Благодатен южный приморский климат Тайваня. Тропик Рака пересекает остров

как раз посредине, — здесь произрастают все виды растений, свойственных как тропической, так и субтропической зоне: цитрусы, пальмы, бамбук, древовидные папоротники. Мягкий и жаркий климат, богатая природа делают Тайвань одним из самых красивых островов в мире.

Велики естественные богатства Тайваня. Здесь добываются золото, медь, нефть, уголь и сера. Японские оккупанты ежегодно вывозили отсюда более 1 000 килограммов добытого золота. Запасы каменного угля на острове исчисляются в 400 миллионов тонн. На Тайване много горных рек, которые обладают запасом водной энергии свыше двух с половиной миллионов киловатт. Мощность действующих электростанций достигает полумиллиона киловатт.

Однако главное богатство Тайваня составляют продукты сельского хозяйства. Рис на Тайване созревает два раза в год: в июне—июле и в октябре—ноябре, сбор составляет в среднем 15 миллионов центнеров в год. Второе место на Тайване занимает сахарный тростник, сбор которого до войны достигал 13 миллионов тонн. Тайвань называют также «китайским Цейлоном», так как здесь производится большое количество чайного листа, а предприятия по изготовлению чая оборудованы современной техникой. Тайвань поставляет в большом количестве тропические фрукты: мандарины, ананасы и особенно бананы, сбор которых достигает 1—2 миллионов центнеров в год. Наконец Тайвань является по существу монополистом в разведении камфарных деревьев и в производстве камфары, поставляя на мировой рынок 95 процентов этого ценного продукта. Ежегодный улов рыбы в прибрежных водах Тайваня достигает 70 тысяч тонн, а с шелковичных деревьев острова снимается 50 тысяч килограммов коконов.

Да, щедро одарила природа остров Тайвань! Алчные биржевики Уолл-стрита, Сити, Гааги и Лиссабона не один десяток лет уже подсчитывают барыши от его готовых плодов. Но кто и когда подсчитал и оплатил тяжкий счет крови и пота, пролитых трудолюбивым китайским народом для ос-

воения и развития этой далекой южной окраины своей великой родины? Ведь не вечно существовали и не сами собой зародились эти кропотливо возделанные рисовые поля, чайные и сахарные плантации, заповедники фруктовых садов. Ведь не горстка же европейских пиратов и маклеров построила такие большие благоустроенные города, как столица острова Тайбэй с почти полумиллионным населением, его морские ворота — важнейший порт Цзилун, исторический центр юга город Тайнань, главную экспортную гавань Гаосюн, построила многочисленные шахты и рудники, заводы и фабрики, железные дороги, аэропорты и электростанции.

В седую глубь веков уходят первые связи древнего Китая с Тайванем. Не может быть сомнения в том, что они существовали издревле, ибо что значил для искусных и отважных китайских мореплавателей, которые достигали Кхмера и Таиланда, посещали Индонезию и Борнео, пролив в 300—400 ли, отделявший их от Тайваня? Во всяком случае, письменная история свидетельствует о том, что в 607 году император Ян Лу, из правившей тогда в Китае династии Сун, отправил посольство на Тайвань, а в 610 году присоединил остров к своей империи. Хроники династий Тан и Сун повествуют уже о большом количестве китайского населения, образовавшегося на Тайване в результате массового переселения гонимых голодом и нуждой жителей главным образом из прибрежной провинции Фуцзянь, а также об их деятельности по хозяйственному и культурному освоению острова. Исторические факты позволили представителю Китайской Народной Республики У Сю-цюаню, выступая в 1950 году в Совете Безопасности ООН, напомнить невежественным американским агрессорам о том, что «китайцы находились на Тайване еще задолго до того, как Америка была открыта Христофором Колумбом».

И не только находились там, но и трудились тяжким и упорным, горьким трудом, чтобы расчистить непроходимые джунгли, оросить безводные каменистые земли, построить порты, города и дороги, превратить малонаселенный, покрытый горами и лесами дикий остров в рисовую житницу, родину фруктов, страну чая и сахара, «камфарное королевство».

На европейских географических картах остров Тайвань долго обозначался португальским словом *Формоза*. Много преданий существует по этому поводу. Наиболее распространенным является объяснение, что, когда португальский корабль в 1590 году, обогнув берега Индии, первым из европейских кораблей подплыл к берегам Тайваня, то моряки, восхищенные открывшимся видом разразились единодушными кликами: «Формоза!», а капитан записал в судовом журнале «*Ilha Phormosa*», что означает прекрасный, или цветущий, остров. Китайцы не приняли это название Тайваня, так как оно напоминает им о тех неисчислимых бедах,

которые причинила Китаю агрессия иностранных колонизаторов, до сих пор не прекращающих своих попыток захватить и отторгнуть от Китая эту драгоценную жемчужину его южных морей.

С этой даты начинается счет крови, обильно пролитой свободолюбивым китайским народом, чтобы защитить, отстоять, освободить родной остров от иноземных захватчиков. Португальцы, которые еще ранее захватили в Китае Амой и сделали его своей колонией, пытались захватить и Тайвань, но им помешали в этом голландцы, которые в 1622 году с острова Явы проникли на Пэнхуледао и, ведя борьбу с португальцами, первыми вторглись на Тайвань. К начавшемуся грабежу китайских земель не замедлили присоединиться испанцы. После захвата Филиппин, в 1626 году, они высадились на севере Тайваня, захватили город Цзилун и построили там свою крепость. В течение шестнадцати лет они захватили фактически всю северную часть острова, в то время как голландцы обосновались на юге, превратив в свои базы город Тайнань и порт Аньпинган. Те и другие поработочили хищнически грабили сырьевые ресурсы острова, угнетали и жестоко эксплуатировали местное китайское население. Голландцы к тому же занимались на материке вербовкой китайских кули, которых они привозили на остров и заставляли трудиться в качестве рабов на плантациях и в рудниках.

Однако двум хищникам оказалось тесно на одном острове, и с 1630 года между испанцами и голландцами возникла вооруженная борьба, в результате которой испанцы, потерпев поражение, были вынуждены оставить Тайвань. Голландцы продолжали терзать Тайвань до 1661 года, несмотря на непрекращающееся сопротивление и борьбу китайского народа. Освобождение Тайваня от иноземных захватчиков является одной из славных страниц в истории Китая и связано с именем великого патриота и национального героя Чжэн Чэн-гуна, который наводил страх на европейских пиратов, знавших его под именем Коксинга.

Четыре поколения семьи Чжэн Чэн-гуна, которого на Тайване называют «великим предком», были связаны с историей острова. Отец, Чжэн Чжи-лун, прибыл из Фуцзяни на Тайвань в 1624 году. Когда началось вторжение маньчжуров в Китай, старший сын Чжэн Чжи-луна, Чжэн Чэн-гун, вместе с многими другими молодыми китайцами с Тайваня отправился на материк воевать с маньчжурами. Разложившаяся феодальная Минская династия, правившая Китаем, не сумела организовать сопротивления внешнему врагу, многие крупные феодалы искали в чужеземных захватчиках опору против собственного народа, не желавшего терпеть феодального гнета. Они предавали родину и открывали дорогу маньчжурам. Ярким примером такого предательства был изменник князь У Сань-гуй, который командовал

войсками и перешел на сторону врага, вследствие чего маньчжуры легко захватили Северный Китай и столицу Пекин. Имя У Сань-гуя стало символом национальной измены в Китае и служило таковым до наших дней, когда Чан Кай-ши ухитрился превзойти в своем предательстве У Сань-гуя, как и всех других национальных предателей.

В противовес этому имя молодого китайского патриота с далекого острова Тайвань Чжэн Чэн-гуна вошло в историю Китая как символ беззаветной преданности и героического служения родине при самых тяжелых и неблагоприятных обстоятельствах. Опираясь на поддержку населения, Чжэн Чэн-гун возглавил широкое движение сопротивления маньчжурам в юго-западном Китае, где его главной базой была провинция Фуцзянь и город Амой. Располагая значительным флотом, Чжэн Чэн-гун контролировал всё судоходство на побережье и использовал Амой для организации и проведения наступательных операций против маньчжур. Им были осуществлены два похода на Нанкин — в 1654 и 1659 годах.

Когда династия Минов потерпела полное поражение и созданная маньчжурами Цинская династия укрепилась на материке, Чжэн Чэн-гун поставил перед собой задачу освобождения Тайваня. Первого февраля 1661 года начался освободительный морской поход Чжэн Чэн-гуна, который в короткий срок закончился разгромом голландцев на море и на суше. Остатки осажденного голландского гарнизона на острове, во главе с губернатором Фредериком Койстом, вынуждены были капитулировать, и китайская власть на Тайване была восстановлена.

Чжэн Чэн-гун показал себя не только отважным военачальником, но и способным администратором. Под его руководством Тайвань после освобождения быстро восстанавливается и развивается. В этот же период китайцы с материка в большом количестве переселяются на Тайвань, спасаясь от маньчжурского нашествия. Тайвань становится оплотом в борьбе с завоевателями, и только в 1683 году, после смерти Чжэн Чэн-гуна, воспользовавшись внутренней смутой, возникшей во время кратковременного правления его сына и внука, маньчжурам удалось завоевать Тайвань. При императоре Кан Си Тайвань был официально превращен в провинцию Китая, на острове установлена китайская администрация и китайские правовые нормы. В это время еще более усилилось переселение китайцев из Фуцзяни на Тайвань, где ими в начале XIX века был основан город Тайбэй — административный центр острова.

В XIX веке начинается широкое вторжение в Китай и закабаление его иностранными капиталистическими державами. Тайвань сразу же становится одним из главных объектов этой агрессии, причем первыми претендентами на Тайвань выступают агрессивные империалисты США. Еще во время первого разведывательного похода

на Дальний Восток американской эскадры commodора Перри последний доносил своему правительству о необходимости захватить Тайвань, чтобы завладеть естественными богатствами острова и превратить его в базу агрессии против Китая. В 1857 году, спровоцировав бунт на созданном американцами предприятии по добыче камфары на Тайване, американская военная эскадра под командованием Армстронга сделала первую попытку захватить Тайвань. На острове был поднят американский флаг и началась подготовка к провозглашению «независимости» Тайваня. Однако местное китайское население и правительство Китая решительными действиями сорвали эту провокацию.

Китайский народ, и особенно население Тайваня, хорошо запомнили имя американского генерала Лежандра. Этот злобный враг китайского народа, матерый шпион и провокатор, маскируясь должностью консула в Фуцзяни, до 1873 года организовал на Тайване целую серию нападений и провокаций. Однако все эти попытки не имели успеха. В 1874 году Лежандр прибыл в Японию и убедил японцев отправить военную экспедицию на Тайвань, в которой участвовали американские войска и военные корабли. Это привело к кровопролитной войне, в которой экспедиция была разбита китайскими войсками и вынуждена была убраться с острова.

В последующие годы США всячески провоцировали и поощряли японскую агрессию против Китая и Кореи, рассчитывая руками зависимой от них Японии создать трамплин для своей агрессии в Азии. Эта коварная политика, основанная на проповедуемой США в настоящее время формуле «воевать против азиатов руками азиатов», послужила одной из предпосылок японо-китайской войны 1894—1895 годов. Добившись ослабления Китая в результате военных поражений, американцы выступили посредниками при заключении Симоносекского мирного договора, используя все средства — от угроз до подкупа, навязали Китаю крайне тяжелые условия мира, в том числе уступку Японии Тайваня и островов Пэнху-ледао.

С тех пор в течение полувека остров Тайвань находился под тяжким игом японских империалистов, которые грабили его естественные богатства и установили на Тайване кровавый режим террора и репрессий. Китайский народ не хотел примириться с японским господством и ни на один день не прекращал героической борьбы за освобождение Тайваня. Начиная с широкого народного восстания, поднятого в 1895 году под руководством китайского патриота Лин Дабея, и до капитуляции Японии в 1945 году, на острове произошло 40 больших восстаний против власти японских захватчиков. Оккупанты не останавливались ни перед какими зверствами и жестоко подавляли народное сопротивление. В одном случае, подавляя народное восстание, они полно-

стью истребили поголовно всё население двадцати деревень—более трех тысяч человек.

Борьба китайских патриотов за освобождение Тайваня всегда была тесно увязана с общей национально-освободительной борьбой всего китайского народа на материке. Когда в Китае революция 1911 года привела к свержению маньчжурской династии и установлению республики, это событие сопровождалось рядом народных восстаний на Тайване. Когда в 1937 году японские империалисты развязали агрессивную войну в Китае, тысячи юношей с Тайваня переправлялись на материк, чтобы принять участие в войне с захватчиками. Сражаясь против японских империалистов, они сражались и за освобождение Тайваня. Подписанная в Каире правительствами США и Великобритании декларация предусматривала возвращение Китаю всех его земель, захваченных японцами, а именно Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов. Позднее это подтверждено Потсдамской декларацией, подписанной США и Великобританией, и соглашением о капитуляции Японии, подписанным США, Великобританией и СССР.

Блестящая победа Вооруженных Сил Советского Союза, разгромивших в короткий срок отборные силы японской армии в Маньчжурии, принудила Японию к капитуляции. Однако разгром японского империализма не принес населению Тайваня долгожданного освобождения от иностранной кабалы. Для принятия капитуляции японцев на Тайвань срочно на американских судах и самолетах были переброшены реакционные гоминдановские войска. Вслед за ними нахлынули многочисленные агенты и представители американских монополий, которые быстро прибрали к своим рукам командные высоты в экономике острова и фактически сменили японских колонизаторов. Население Тайваня, как и всего гоминдановского Китая, изнывало под двойным гнетом — предательской клики Чан Кай-ши и американских империалистов.

Вместе со всем китайским народом население Тайваня поднялось на борьбу против новых угнетателей, за свое полное освобождение. Эта борьба достигла наивысшего напряжения во время всеобщего восстания, которое вспыхнуло на острове 28 февраля 1947 года. Это восстание по своим масштабам превзошло все когда-либо происходившие на Тайване восстания против гоминдановских реакционеров и иностранных захватчиков, так как оно было частью великой освободительной войны, которую вел в то время весь китайский народ. Гоминдановские палачи, вооруженные американской техникой, потопили в крови это восстание. По официальным данным, более десяти тысяч повстанцев были жертвами этой кровавой расправы, пострадало огромное количество мирных жителей; в одном только Тайбэе было убито более четырех тысяч человек. Никто никогда не узнает точное число патриотов, перебитых

гоминдановцами. На Тайване был установлен режим жестокого белого террора.

Тяжелое положение населения Тайваня стало совершенно невыносимым после того, как гоминдановская реакция была окончательно разбита и изгнана с материка. Клика национальных предателей и остатки их разгромленных банд бежали на Тайвань, пытаясь найти здесь убежище и укрыться от настигающей их заслуженной кары. Нет никакого сомнения в том, что победоносная Народно-освободительная армия Китая тогда же освободила бы и этот последний, занятый гоминдановцами, кусок китайской земли, если бы не прямая и неприкрытая интервенция американских империалистов. Эта интервенция и оккупация Тайваня подготавливалась американскими империалистами заранее. Под прикрытием лицемерных заявлений, вроде заявления Трумэна 5 января 1950 года о том, что «Соединенные Штаты не посягают на целостность Формозы или любой другой части китайской территории» (подчеркнуто нами. — *И. Б.*), было заключено секретное соглашение об оказании со стороны США военной «помощи» гоминдановской шайке на Тайване. Привыкшая торговать своей родиной, клика Чан Кай-ши охотно согласилась в обмен на эту «помощь» отдать Тайвань в полную кабалу своим американским хозяевам.

Закончив все необходимые приготовления, американские империалисты, не желая допустить освобождения Тайваня Народно-освободительной армией, сразу же предприняли открытое вооруженное вмешательство. Одновременно с началом агрессивной войны в Корею, которая также имела конечной целью нападение на Китайскую Народную Республику, Трумэн отдал приказ американскому военно-морскому флоту оккупировать Тайвань под предлогом его «нейтрализации». С тех пор Тайвань превращается в американскую вотчину. Американские монополии хозяйничают в экономике острова. Так, например, крупнейший американский концерн «Рейнольдс металл компани» монополизировал всю алюминиевую промышленность, фирма «Вестингауз электрик» контролирует все электростанции, американская нефтяная компания добилась монополии на переработку нефти в Южном Тайване, американская транспортная компания контролирует цементную промышленность. Американские монополисты захватили в свои руки все предприятия по производству камафары, бумаги и соли. Им принадлежит свыше 60 процентов сахарных заводов на Тайване. Кроме того, через созданные совместно с гоминдановским бюрократическим капиталом «смешанные корпорации» они фактически контролируют почти все крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия острова.

Свое господство над экономикой Тайваня американские бизнесмены используют для того, чтобы сбывать здесь свои залежалые товары. По данным гоминдановской печати, американцы с 1950 по 1954 год сбывали на

Тайване таких товаров более чем на 290 миллионов долларов, что составляет примерно 65 процентов всего тайваньского импорта. Таким образом, американские империалисты грабят население Тайваня, стараясь осуществить свою давнишнюю мечту о превращении острова в свою колонию. Бедственное положение населения не поддается описанию. С июня 1949 по июнь 1953 года цены на Тайване возросли в среднем в 6 раз. В то же время - сумма различных налогов и сборов, взимаемых с населения, за последние четыре года увеличилась в 23 раза.

Чанкайшистская клика на Тайване является марионеткой, ненавистной всему китайскому народу и, в частности, местному населению. Окруженная ненавистью и презрением, она творит чудовищные злодеяния, пытается террором и репрессиями запугать народ и задержать разложение своих «войск». Даже иностранная буржуазная печать вынуждена признать наличие на Тайване многочисленных переполненных концентрационных лагерей и тюрем, писать о пытках и сотнях казней, проводимых гоминдановцами без суда и следствия. Организатором и руководителем всего полицейского сыска и террора на Тайване является некто иной, как старший сын Чан Кай-ши, небезызвестный палач и предатель Цзян Цзин-го. Он же руководит подрывной и шпионско-диверсионной деятельностью, которая по указке американцев в широких размерах проводится против Китайской Народной Республики. Отсюда, с Тайваня, засылаются на материк шпионы и диверсанты, убийцы и отравители, фальшивомонетки и спекулянты, которые при активном содействии населения обычно быстро изобличаются и обезвреживаются народными властями.

Подлинными хозяевами и вдохновителями чанкайшистской банды являются американцы. Специальный корреспондент английской газеты «Ньюс Кроникл» в Тайбэе Барбер в сентябре 1954 года опубликовал статью, в которой характеризовал чанкайшистский режим на Тайване как «раковую болезнь». Он писал:

«...в настоящее время здесь находятся 3 300 американцев. Они дают советы по всем вопросам, наблюдают, пишут доклады, ведают пропагандистской работой, занимаются работой авиатранспорта и многими другими делами. Наиболее многочисленной группой американцев считается здесь группа военных советников генерала Уильяма Чейза. В ней насчитывается 900 офицеров и рядовых вместе с членами семей. Их работа заключается в том, чтобы снабжать самыми последними видами оружия, в том числе реактивными истребителями, эсминцами и танками, чанкайшистскую армию, военно-морской флот и авиацию и обучать их овладению этим оружием. Имеется также 200 дельцов всякого рода, некоторые из них отъявленные авантюристы, 142 миссионера, сельскохозяйственные эксперты и стро-

ители. Кроме того, есть здесь «люди-тени»... которые вовсе не смешны. Действуя под маской западных дельцов, эти американцы поддерживают чанкайшистских агентов, совершающих набеги с прибрежных островов на континентальный Китай. У них есть свой «город» — хорошо охраняемые дома на холме, возвышающиеся над Тайбэем... Естественно, никто не осмеливается задавать слишком много вопросов относительно этих теней, однако, как опять-таки говорят, средства они получают из Центрального разведывательного управления в Вашингтоне. Кто-то и где-то координирует их планы и политику, но как и когда — это остается тайной, за исключением того, что посол Ренкин должен иметь к этому отношение».

Особенно разнузданный характер приобрела провокационная деятельность гоминдановской банды на Тайване, действующей под опекой военно-морского флота США, за последнее время. После победы, одержанной миролюбивыми силами на Женевском совещании министров иностранных дел, и провала американских планов интервенции в Индо-Китае империалисты США явно дали своим чанкайшистским наемникам сигнал о подготовке новых военных авантур на Дальнем Востоке. В конце июля 1954 года на Тайвань прибыл с «особыми поручениями» бывший американский посол в Таиланде генерал-шпион Доннован, который во время второй мировой войны возглавлял стратегическую разведку США. Газета «Юнайтед Дейли Ньюс» после этого посещения писала, что в скором времени число американских военных советников и инструкторов на Тайване будет увеличено вдвое и перед ними будет поставлена задача переключиться на обучение насчитывающей около 450 тысяч человек гоминдановской армии «наступательным действиям в целях возвращения континентального Китая».

По сигналу из Вашингтона гоминдановские бандиты расширили район своих пиратских действий. При участии и содействии американского флота и авиации они стали чаще останавливать торговые суда в открытом море, совершать налеты на побережье КНР. По неполным данным, в течение последних нескольких лет американскими и гоминдановскими пиратами были совершены налеты более чем на 470 китайских судов и 67 иностранных, в том числе захваченный 23 июня 1954 года советский танкер «Туапсе», польские суда «Президент Готвальд» (13 мая) и «Праца» (4 октября), а также суда Англии, Дании и других стран. Резко увеличились военные поставки США на Тайвань, которые с июля 1950 по июнь 1954 года составили по общей стоимости 1 400 миллионов долларов, а в дальнейшем должны увеличиться до 500 миллионов в год.

Широкие планы американцев при захвате острова Тайвань выболтал тогда же генерал Макартур. С циничной откровенностью он назвал его «нетонущим авианосцем... ба-

зой подводных лодок, идеально расположенной для осуществления наступательных операций». Он нагло заявлял, что США должны осуществлять контроль над Тайванем, чтобы обеспечить «господство своей авиации над всеми азиатскими портами — от Владивостока до Сингапура». По словам американского журнала «Сатердэй Ивнинг пост», на Тайване имеется более 70 аэродромов, расположенных всего в 150 милях от Китая. По неполным данным, с июня 1950 по февраль 1954 года американские самолеты с Тайваня 7 632 раза нарушили воздушные границы Китая. Американские военные корабли за это же время 336 раз вторгались в территориальные воды Китая.

Как известно, Китайская Народная Республика и весь китайский народ требуют прекращения американской оккупации Тайваня, изгнания оттуда чанкайшистского отребья и возвращения Тайваня в качестве неотделимой части в состав Китая. Однако американские империалисты, явно с провокационной целью, пытаются не только воспрепятствовать освобождению Тайваня, но и использовать его в качестве трамплина для нападения на Китайскую Народную Республику. Только за последнее время американская военщина организовала целую серию таких провокаций. В августе и сентябре 1954 года гоминдановские бандиты при прямом участии своих американских покровителей совершили ряд разбойничьих нападений с моря и с воздуха на территорию Китая, которые не прекращаются до сих пор. Семнадцатого августа 1954 года президент Эйзенхауэр на пресс-конференции официально заявил, что на американский 7-й флот возложена задача обеспечить оккупацию Тайваня.

Наряду с военными приготовлениями США ведут и дипломатическую подготовку к новым авантюрам против Китайской Народной Республики. С этой целью правительство США 2 декабря 1954 года подписало с кликой Чан Кай-ши так называемый «договор о взаимной безопасности». Этот договор является попыткой со стороны США «узаконить» отторжение и захват ими Тайваня, произведенный в нарушение подписанных американским правительством Каирской декларации и Потсдамского соглашения, оправдать оккупацию китайского острова и свое грубое вмешательство во внутренние китайские дела. Одновременно этот договор имеет целью обеспечить использование американскими империалистами Тайваня в качестве плацдарма для подготовки войны против Китайской Народной Республики, как одного из этапов развязывания новой мировой войны.

Американские империалисты всё время угрожали войной Китаю с трех фронтов, а именно: с Тайваня, из Кореи и Индо-Китая. В Корею они потерпели поражение, в Индо-Китае заключено перемирие. Теперь

американские агрессоры всеми силами стараются активизировать третий фронт против Китая — Тайвань, где они расположились и пытаются долларowymi подачками оживить гоминдановский труп. Известный американский поджигатель войны, шпион и провокатор Уильям Буллит 9 августа 1954 года разразился в журнале «Лук» статьёй, в которой прямо утверждал, что «американское правительство в настоящее время готовит концентрированное нападение на китайских коммунистов». Целям подготовки войны против Китайской Народной Республики служит и образование агрессивного военного блока СЕАТО в Юго-Восточной Азии.

Двадцать четвертого января 1955 года президент Эйзенхауэр потребовал от конгресса США полномочий использовать американские вооруженные силы для обеспечения так называемой «безопасности» Формозы и Пескадорских островов — другими словами, для открытого вмешательства во внутренние дела Китая.

Такие действия Соединенных Штатов представляют собой открытую агрессию в отношении Китайской Народной Республики и ведут к усилению напряженности на Дальнем Востоке.

Однако угрозы американских империалистов не испугали китайский народ. Славная Народно-освободительная армия Китая уже освободила ряд прибрежных островов, и в том числе остров Ицзяншань, служивший базой для нападения гоминдановцев на побережье Китая. Премьер-министр Государственного совета и министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай 24 января заявил: «Освобождение Тайваня — это суверенное право и внутреннее дело Китая; и здесь недопустимо никакое внешнее вмешательство... Китайский народ,—предупредил Чжоу Энь-лай,— ни в коем случае не может потерпеть этого.

Чтобы защитить суверенитет и территориальную целостность Китая, защитить безопасность Китая и мир на Дальнем Востоке, китайский народ должен освободить Тайвань, а Соединенные Штаты должны прекратить вмешательство во внутренние дела Китая и вывести все свои вооруженные силы с Тайваня и из Тайваньского пролива».

Стремление китайского народа освободить остров Тайвань полностью отвечает интересам сохранения мира и безопасности в Азии и во всем мире. Прекращение американской оккупации и ликвидация осинового гнезда на Тайване — необходимое условие не только для осуществления мирного строительства в Китае, но и для предотвращения развязывания новой войны и обеспечения международного мира. Китайский народ, при поддержке всех миролюбивых народов, доведет до конца борьбу за освобождение всей страны, за освобождение и возвращение Тайваня в лоно своей родины.

Критика и библиография

Андрей Пришвин

М. М. ПРИШВИН НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

(К годовщине со дня смерти)

1

Осенью 1953 года мы сидели с Михаилом Михайловичем на балконе его дачи неподалеку от Звенигорода.

Был ясный, редкий для Подмосковья сентябрьский день. С трех сторон дачу обступал лес — строгие густозеленые ели, золотые осинки, повеселевшие на солнце березки. А прямо перед балконом внизу раскинулась широкая пойма Москвы-реки: серебристая змейка самой реки, осенние, зеленые с прожелтью, луга, деревня вдаль в сиреновой дымке. Всё было залито солнцем, но не ярким, а словно бы слегка приглушенным, тем особенным солнцем средней полосы России, которое придает краскам необыкновенную мягкость и прелесть, чуть-чуть отдающую грустью.

Михаил Михайлович молча вглядывался в пейзаж, знакомый до мельчайших деталей. Впрочем, для М. М. Пришвина, видимо, никогда не было ничего знакомого до конца. В самом известном, обыденном, примелькавшемся перед глазами он изо дня в день мог делать всё новые и новые необыкновенные открытия. Это — одна из особенностей его замечательного таланта.

И на этот раз в исхоженной им вдоль и поперек пойме Москвы-реки он как будто нашел что-то никогда невиданное. Улыбка тронула губы, пробежала по бороде, совсем молодо заиграла в глазах.

— Сейчас много в газетах и журналах статей, суждений о том, что такое правда жизни и как надо ее понимать художнику. Я думаю, что много тут уже напутано, а на самом-то деле всё куда проще. — Улыбка еще ярче светилась в глазах Михаила Михайловича, он не скрывал своей радости от неожиданной находки и торопился поделиться этой находкой с собеседником. — Представь себе, что вон там на лугу, около реки, стоит самолет без бензина. Мы смотрим и говорим: «Самолет». А ведь это неправда. Какой же это самолет, если он не может лететь? Ведь когда подойдет человек, нальет в бак бензин, машина взвьется ввысь и мы скажем: «Самолет!» — это будет настоящая правда. Так и в деле художника слова: ко всему надо подойти с бензином своего творчества, и только тогда открывается настоящая правда, которая может летать...

Возможно, что я не совсем буквально передаю слова Михаила Михайловича, но смысл их был именно таков, да и по форме близко к этому. Я сидел тогда рядом с ним, глубоко взволнованный разными чувствами. Меня не покидало тяжелое предчувствие, что это наша послед-

няя встреча, что мы больше никогда не увидимся, и в то же время (пусть это не покажется кошунственным) радостное изумление всё больше и больше овладевало мною. «Вот, — размышлял я, — человек, охваченный тяжелым недугом, переваливший на девятый десяток, но который, что так было бы естественно для его возраста, ни на одну минуту не уходит мыслью назад, в прошлое, а весь устремлен вперед, в жизнь, потому что будущее, творчество и жизнь — это для него понятия, неотделимые одно от другого, не существующие одно без другого. И раз творчество продолжается, — значит, жизнь прекрасна и радостна и он — безраздельный хозяин ее!»

— А ты всё на Дальнем Востоке? — спросил он меня на прощанье.

— Да, скоро уже пойдет пятнадцатый год.

— Хорошо, — сказал Михаил Михайлович, опять вглядываясь в солнечный простор над Москвой-рекой. — Это, знаешь, очень хорошо! — еще раз весело повторил он.

Теперь, когда прошел уже год после смерти М. М. Пришвина, я часто задумываюсь над этими его словами в нашу последнюю встречу. И кажется мне, что, упомянув о Дальнем Востоке, он не столько вспоминал свою поездку сюда почти двадцать пять лет тому назад, как загорелся мыслью о новом путешествии на Дальний Восток, представив себе, сколько необыкновенных открытий сулило бы ему это путешествие! Может быть, даже какую-то минуту он уже жил таким путешествием, и именно отсюда родилось это веселое: «Очень хорошо!»

2

Как-то вскоре после окончания войны в Хабаровск приехала группа киноработников снимать фильм о Дальнем Востоке. В редакцию газеты «Тихоокеанская звезда» зашел режиссер этого будущего фильма и начал рассказывать, какой в общих чертах должна быть картина.

— Знаете, — с воодушевлением говорил он, — мы начнем ее так: берег Тихого океана. Издалека, одна за другой катятся волны, растут, растут, с шумом разбиваются о прибрежные камни и затем широко раскатываются по берегу. А на берегу в своей охотничьей куртке с ружьем за плечами стоит Михаил Михайлович Пришвин... Кстати, как бы нам найти его?

— Придется вам съездить за ним в Подмосковье, — рассмеялся я.

— Как! — искренне изумился режиссер. — Разве он не дальневосточник? Впрочем, — режиссер быстро нашелся, — мы берег океана снимем отдельно, затем отдельно Михаила Михайловича, и всё у нас получится, как надо. Кино всё может...

Любопытно в этом одно: не только этот режиссер, но и многие читатели считали, что М. М. Пришвин если и не коренной дальневосточник, то, во всяком случае, прожил в здешних местах не один год. Представление это породили его книги, проникнутые глубоким пониманием Дальнего Востока, его своеобразной, неповторимой природы, растений и животных, его людей, которые в те годы только-только начинали свою великолепную работу по преобразению края.

А ведь пробыл Михаил Михайлович на Дальнем Востоке всего-навсего три месяца. В июне 1931 года с командировкой газеты «Известия» он отправился в Приморье, а осенью уже вернулся в Москву. Если разделить его путешествие на отдельные этапы, то оно будет выглядеть так: 1) поезд, 2) Владивосток, 3) питомник пятнистых оленей Май-хэ, 4) мыс Гамова, 5) остров Фуругельм и еще несколько островков на побережье.

Откуда же такое глубокое проникновение в природу Дальнего Востока? Откуда в его книгах всё то что рождает твердое убеждение: книги написаны подлинным знатоком края, связанным с ним, может быть, не один десяток лет.

Нет сомнения, что М. М. Пришвин интересовался Дальним Востоком еще задолго до своей поездки. Он с увлечением читал книги В. К. Арсеньева, переписывался с ним, встречался с Арсеньевым во время приезда Владимира Клавдиевича в Москву. Вероятно, во время этой встречи они не мало интересного услышали друг от друга. Сам Михаил Михайлович считает, что его путешествие в Южно-Уссурийский край началось с книги Арсеньева о Дерсу Узала.

Но главное, мне думается, в другом. Ответ надо искать в самом понимании М. М. Пришвиным своего творчества. Почти за полвека литературной деятельности Михаилом Михайловичем написано много книг о разных краях нашей страны, книг для детей и для взрослых, и книг, одинаково интересных людям разных возрастов. Но все свои рассказы, повести, роман, поэмы в прозе и короткие дневниковые записи Михаил Михайлович понимал как одну единую книгу о Родине. Он так и пишет в предисловии к книге «Моя страна» в 1948 году:

«...Я и увидел все свои книги, как единую книгу о родине в непрерывной борьбе ее элементов: того, что дано фактом рождения, родины географической и того небывалого, той новой родины, которую каждый из нас должен прибавить в процессе своего духовного развития.

Русские люди всегда что-то прибавляли к своей физической родине. Упорно двигались уральские казаки на восток — в какую-то Даурию, в какие-то Золотые Горы, на какие-то Белые Воды. И это смутное движение в неведомую страну потом вошло в определенные географические границы, и в этих границах стали рождаться новые люди с их новым стремлением дальше идти не только в пространстве, но особенно во времени. Если раньше русские люди искали новую свободную жизнь вдалеке, в каких-то Золотых Горах, то теперь у нас повсюду свои Золотые Горы с новой свободной жизнью. Золотые Горы оказались на нашей физической родине, их создал сам народ».

Мне кажется, что именно тут ключ к тому, отчего Михаил Михайлович, пробыв на Дальнем Востоке всего три месяца, по книгам воспринимается, как коренной житель Уссурийского края. Проделав путь в девять тысяч километров, он всё равно приехал на свою Родину, о которой писал всю жизнь, которой посвятил всё свое творчество. И поскольку самое-то главное здесь свое, близкое, любимое, то писателю оказалось нетрудно проникнуть и в то необычное, чем это свое на Дальнем Востоке отличается от того своего, что видел и знал он в средней полосе России.

Дальневосточные книги Михаила Пришвина — это прежде всего книги о большой Родине русского человека. А с этой Родиной связана вся творческая жизнь писателя. Вот откуда берется подкупающая нас достоверность. И если внимательно прочитать очерки «Дорогие звери», которые являются как бы дневником всего путешествия, то нетрудно заметить, как изумление экзотикой, контрастами, необычностью Дальнего Востока быстро сменяется пониманием всего этого как своего, близкого и, в конце-то концов, родственного всему виденному до сих пор.

Конечно, достоверность эта рождена еще и замечательной наблюдательностью художника, пришвинским родственным вниманием ко всему, с чем приходится встречаться. Это родственное внимание помогает ему во всем, даже мельком увиденном из окна вагона, уловить главное, характерное, как бы проникнуть в душу того или иного явления.

Вот он пишет об Амуре:

«Для меня не только важно, что я сегодня увижу Амур, а мельчайшие подробности земного ковра края, по которому теперь где-то совсем уже недалеко идет, да, конечно, нельзя про такую реку сказать бежит: Амур не торопится! — нельзя даже сказать, что течет, все реки текут и струятся, но Амур-река идет».

Действительно, можно многие и многие годы прожить на Амуре и потом изумляться: как это Михаил Пришвин, посмотрев на реку в течение нескольких минут, пока поезд проходил по Амурскому мосту, нашел это единственно верное и удивительно емкое слово: идет! — которое вмещает в себя величие и красоту, спокойствие и внутреннюю силу, гордость и свободу этой могучей дальневосточной реки?

Мне не раз приходилось слышать от Михаила Михайловича:

— Конечно, я мог бы пойти по другому пути. Фантазия у меня есть, есть и опыт, умение обращаться с пером и бумагой, и возьмись я писать выдуманное, — сколько бы я написал! Но я положил себе за правило: писать только о том, что видел сам, и держусь этого правила всю жизнь.

Но видеть для Михаила Пришвина — это не просто что-то подсмотреть глазом. Нет, — это прежде всего понять, проникнуть в существо увиденного и связать его с тем большим и главным, что живет в душе писателя. Именно отсюда идет поражающая нас наблюдательность и удивительная точность сравнений и определений.

Еще до поездки на Дальний Восток он много слышал о бархатном дереве, редкостном в нашей стране пробконосе. И когда, наконец, сам увидел его в Южном Приморье, то в первую минуту амурский бархат показался ему очень простым, «но когда поймешь, то окажется, что в этой простоте скрывается изящество и грация вроде нашей рябины». Тут дело не только в том, что М. М. Пришвин в простом сумел рассмотреть прекрасное, но и в том, что, как-то объединяя между собой бархатное дерево и подмосковную рябину, он находит здесь, в наших краях, еще одну частичку своего, и это опять-таки внутренне позволяет ему говорить о Дальнем Востоке как о крае родном и близком.

Вот эти особенности творческого метода Михаила Пришвина, видимо, и вводят иногда в заблуждение некоторых читателей: по книгам — полжизни на Дальнем Востоке, а на деле — три месяца!

3

Михаил Михайлович Пришвин поехал на Дальний Восток в трудную пору своей жизни. Рапповцы не только ставили под сомнение всё его творчество, но буквально травили М. М. Пришвина.

Помню на заседании редакционного совета одного московского издательства довольно известный в то время критик-рапповец, поглаживая лысый череп, говорил с усмешкой:

— Конечно, Михаил Михайлович, все мы вас очень уважаем. Вы великолепно знаете природу и пишете о ней, как никто. Но, знаете ли, всё это не то, что нам нужно. Да, не то...

— А что же нужно?

— Попробую вам пояснить. Вот, к примеру, вы пишете о вороне. Пожалуйста, у нас нет никаких возражений. Но пишете так, чтобы чувствовалось, что это не просто ворона, а наша, советская ворона...

— Не видал! Никогда не видал таких! — Михаил Михайлович резко встал и вышел. Он отлично понял, что это выступление было не чем иным, как откровенным издевательством.

Но все эти нападки ни на йоту не поколебали его, не заставили отступить от раз и навсегда избранного творческого пути. И на Дальний Восток он отправился делать всё то же свое, пришвинское дело, которое начал еще много лет назад в первых книгах — «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком». Позднее, уже незадолго до смерти, он так определял это свое дело, отвечая на вопрос — почему он главным образом пишет о природе:

«Но ведь я, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю. Да, весна человека — не весна травы! Я думаю о тех усилиях, которыми она создается, о том, чтобы и мне не отстать от других в этом великом и трудном деле».

Конечно, именно с такой мыслью о большой весне человека и о своем участии в творчестве этой весны отправился он в дальний путь в один из тех годов, когда совершалось великое преобразование страны. Он ехал писать о том, что знал хорошо, — о зверях и птицах, о цветах и деревьях, о лесах и реках, но за всем этим для него стоял человек, созидаящий свою новую Родину.

Это отчетливо видно по очеркам «Дорогие звери», которые все состоят из коротких новелл — дорожных встреч, наблюдений и размышлений. М. М. Пришвин уже по пути на Дальний Восток думает о природе с точки зрения преобразования ее человеком, такой ее организации, чтобы она, сохраняя всё прекрасное, заложенное в ней, полнее и всестороннее служила новому человеку.

«Только в советском хозяйстве, — пишет он, — можно регулировать отстрел и планомерно хозяйствовать, имея в виду не только нужные барыши ближайших лет, но создавать в природе колоссальные, неисчерпаемые резервы для самой же человеческой жизни. При плановом охотхозяйстве мы можем населять страну любимыми зверями, соответствующими нашему климату».

Это М. М. Пришвин записал в своем дорожном дневнике, оглядывая из окна вагона сибирские просторы, древние соболиные места, где уже многие десятилетия, даже столетия тому назад соболь начал исчезать, а то и вовсе исчез. И вот что любопытно: с тех пор прошло немногим больше двадцати лет, а то, о чем писал Михаил Михайлович, стало нашей обыденной действительностью. На Дальнем Востоке, дающем стране наибольшее количество соболя, на огромных просторах Охотского побережья и в Колымской тайге соболь не встречался с незапамятных времен. А теперь эти места успешно заселяются этим дорогим зверьком и там скоро уже будет разрешена на него охота. Так наши охотоведы создают свои резервы для человеческой жизни.

Да, мысль о человеке, преображающем природу в своих интересах, пронизывает собой всё написанное М. М. Пришвиным о Дальнем Востоке, да и не только о Дальнем Востоке. Об этом следует еще и еще раз напомнить всем тем, кто, надев на глаза шоры, в книгах Михаила Пришвина за деревьями не видит человека.

Проезжая могучие сибирские реки, писатель задумывается о судьбе необъятных просторов этого края:

«Реки Западной Сибири надо представлять себе, как громадные осушительные каналы, влекущие болотную воду в океан; чем севернее, тем почва болотистее, так что этим рекам течь, течь и не вынести болотную воду до «второго пришествия». Поэтому и нет никакого сомнения, что человек примется за искусственное осушение громадных пространств много раньше, чем само собой осушится».

И опять дума о новом человеке, мудром устроителе природы, привела писателя к верной догадке: сегодня мы уже пробуждаем к жизни

нетронутые целинные земли, а завтра, и в этом нет никакого сомнения, возьмемся за то, что стихийным силам природы — могучим сибирским рекам — не выполнить и до «второго пришествия».

Вероятно в то время, когда поезд проходил мимо самых северных станций Забайкальской железной дороги, у М. М. Пришвина в его записной книжке появилось размышление о вечной мерзлоте. По смыслу хозяйственному и чисто эстетическому слова эти будто бы осуждают на вечное бесплодие громадные пространства. Но оказывается, с радостью отмечает писатель, «что граница вечной мерзлоты в вертикальном положении — величина переменная и зависит от степени культурности обработки верхнего слоя земли: чем лучше почва обработана, тем глубже уходит мерзлота в подпочву, а тем самым и вся поверхность эта выводится из сферы как бы предвечного осуждения на вечную мерзлоту».

Все эти и многие другие наблюдения, щедро рассыпанные в очерках «Дорогие звери» и в дорожном дневнике, вновь и вновь подтверждают главную мысль, которая движет писателем во всем его творчестве, мысль о том, что человек может безгранично расширять свою физическую родину и каждый человек обязан что-то прибавить к ней.

Бессчетное количество оборотов сделали колеса вагона, когда, наконец, позади остался Амур и перед глазами писателя открылся желанный и знакомый пока только по книгам Уссурийский край. В книгах в ту пору немало писали об экзотике Дальнего Востока, о необыкновенной природе этого края. Однако первые впечатления были иными. Слово «экзотика» само по себе вызывало представление о пышной, роскошной природе Индии и других тропических стран, а Уссурийская долина внешне никак и ничем не напоминала собой тропики. И с такой точки зрения природа Дальнего Востока не показалась писателю экзотической и удивительной.

Но Михаил Пришвин остался верен себе: прежде чем сказать свое решительное слово и утвердиться на нем, он должен вдуматься, проникнуть во внутреннее существо открывающейся перед ним картины. Так постепенно приходит он к пониманию дальневосточной природы, как природы края реликтов. Да, не удивителен сам по себе тигр, его можно увидеть в любом зоопарке, но удивительно, когда тигр, этот житель тропиков, оставляет свой след на снегу. В нашей стране много мест, где раскинулись громадные виноградные плантации, но как не притти в изумление, когда виноград в тайге обвивает хвойное дерево!

И опять мы здесь сталкиваемся с одной из чудесных тайн Пришвинского творчества: в десятках тысяч слов нашего языка он находит одно единственное, которое, как ключ, открывает ему дверку вовнутрь явления. Так, найдя слово «реликт», он вдруг раскрывает дверку в неповторимую и единственную в своем роде красоту дальневосточной природы.

«Углубляясь в знания края, — читаем мы в его очерках, — хотя бы даже полученные из вторых рук, начинаешь открывать себе своеобразную незатрапетную экзотику Дальнего Востока, сильную своими контрастами. И правда, в краю, на который зимой так дышит Сибирь, что всё замерзает и при ужасных тайфунах подчас становится холодней, чем в Сибири, летом в речных долинах красуются такие нежные деревья, как белая акация, маньчжурский орех, мелколистственный клен, ясень, бархатное дерево, а подлеском у них бывает та самая сирень, которую мы видим у нас только в садах, и на полянках, как обыкновенные цветы, встречаются левкой, львиный зев. Есть лотос и эдельвейс».

И поняв край так: «по холоду — Сибирь, по свету — Италия», — Михаил Пришвин с радостным волнением отправляется в путешествие

по Приморью, уже не скрывая своего восхищения перед тем прекрасным и подлинно необыкновенным, что открылось ему.

Верный своей теме — преобразование природы человеком, он едет в звероводческий совхоз Май-хэ, пробирается на самый юг Приморья, в Гамовский парк пятнистых оленей, переправляется на остров Фуругельм, где расположен питомник голубых песцов. Он наблюдает жизнь оленей и песцов, и, читая об этом в очерках «Дорогие звери», нельзя не обратить внимания на то, как идет одновременная работа Пришвина-исследователя и Пришвина-художника, как первый готовит почву для второго. Но вот наконец исследователь и художник сливаются воедино, и тогда перед нами встает эпизод из жизни зверей, документально точный, но так освещенный художником, что, кажется, зерно, добытое исследователем на наших глазах, превратилось в редчайший цветок.

Множество разных людей встречается ему на пути, и он с жадным любопытством заносит в свои записные книжки эти встречи, не забываясь особенно об отборе мат, риала. И уже не только в природе края находит он поразившие его контрасты, — подобное он находит и в людях. Это контрасты столкновения старого и нового в человеке. В одних случаях писатель радуется, в других негодует, возмущается и вновь неумолимо едет по краю, продолжая свое любимое дело — «искать и открывать в природе прекрасные стороны души человека».

Осенью, «когда поблекла трава, засохли цветы, но зато в лучах солнца 42-й параллели все разноцветные листья деревьев и кустарников вспыхнули и засветились, как бриллианты», Михаил Михайлович Пришвин вернулся из своей поездки в Москву. И сейчас же, немедля, без всякой передышки он начал свое вторичное путешествие на Дальний Восток, путешествие непомерно более трудное, хотя совершалось оно на этот раз без всяких дорожных неурядиц, за письменным столом в его московской квартире.

4

Для Михаила Михайловича Пришвина вся его жизнь была непрерывное творчество. Сидел ли он за письменным столом или бродил с ружьем и собакой по подмосковным лесам, разговаривал ли он с новым или со старым знакомым или вел машину по шумным московским улицам — внутренний голос художника не умолкал в нем ни на одну минуту. Поэтому естественно, что он много размышлял об истоках и природе творчества и в его произведениях рассыпано немало мудрых и блестящих, как росинки на утренней заре, замечаний о жизни человека в искусстве слова.

Недавно в «Новом мире» (№ 11 за 1954 год) были опубликованы литературные заметки М. М. Пришвина, написанные им в последние месяцы его жизни. Там есть одно замечание о том, в каком трудном положении бывает иногда писатель: его хвалят за удачное произведение, а он стоит и не может тронуться дальше.

«Кажется, вот тебе всё тут: рассказ, как вкусный блин, сошел со сковороды, вот она, горячая сковорода, пеки блин другой. Но тут, в искусстве слова, оказывается, что на каждый новый блин нужна новая сковорода».

У Михаила Михайловича к тому времени, когда он вернулся с Дальнего Востока, за плечами было уже более двадцати пяти лет литературной работы. Но и ему, опытному и признанному художнику, оказывается, для дальневосточного материала тоже пришлось искать и разогреть новую «сковороду». И его изумительная повесть-поэма «Жень-

шень», безусловно родственная всему написанному им раньше и позже, остается единственной и неповторимой.

Мне пришлось быть в числе первых, кто из уст самого автора услышал это поэтическое произведение о Дальнем Востоке, о Человеке, о большой человеческой любви.

Нас собралось человек пять в его маленькой квартирке в Леонтьевском переулке. И хотя всё это были люди близкие ему и все намного моложе его, Михаил Михайлович волновался. Он положил на стол рукопись, затем снова взял ее, подержал в руке, и — должно быть, она показалась ему чересчур толстой для чтения — сказал, словно извиняясь: «Ничего, мы сделаем перерыв», и начал читать.

Прошло несколько минут, — и Михаил Михайлович забыл о нас, своих слушателях, а мы уже не видели его посеребренной бороды: перед нами сидел молодой красивый сапер и вдохновенно рассказывал о себе, о стране, где «красные большие цветы — как костры, бабочки — как птицы», о старом китайце искателе жень-шеня Лувене, мудром истинно человеческой мудростью, о прекрасных глазах Хуа-лу — оленя и Хуа-лу, обернувшейся женщиной, о чудодейственном корне жизни, который растет не только в тайге, но и в самом человеке, надо только найти и бережно охранить его...

Он читал нам более четырех часов с коротеньким перерывом, и видно было, что ему самому вещь очень нравится, что, читая, он вновь еще раз совершает путешествие по Дальнему Востоку, но теперь уже не один, а с миллионами будущих читателей «Корня жизни», и от этого оно еще более радостно и значительно.

А когда всё кончилось и сапер, избравший делом жизни приручение диких животных, вновь превратился в Михаила Михайловича, немного утомленного, но возбужденного, с блестящими юношескими глазами, мы услышали нетерпеливый короткий вопрос:

— Ну, как?

Но мы долго молчали, подавленные очарованием повести, именно подавленные: для того, чтобы сказать об этой повести, нужно было найти слова, которые встали бы вровень с только что услышанным, а как их найдешь?

Я наконец признался:

— Прекрасно! А почему — не знаю. Не могу этого сказать сейчас.

С тех пор прошло много лет, много раз я перечитывал «Жень-шень», каждый раз открывая в этой повести-поэме всё новое и новое, но и теперь я не мог бы вот так коротко, сразу сказать, почему она прекрасна. Исследователь-литературовед может, конечно, всё разложить на составные части: о природе сказано так-то, о зверях — так-то, о людях — так-то и т. д. Но нередко бывает, что в руках неискусного исследователя за таким разложением на части исчезает целое: всё хорошо, всё великолепно, а прекрасное словно ветром сдуло!

Невозможно и цитировать «Жень-шень», для этого пришлось бы перепечатывать всю повесть.

Это небольшое размером произведение чрезвычайно емкое: оно вместило в себе не только впечатления писателя, полученные во время поездки по Дальнему Востоку, но и весь богатейший опыт М. М. Пришвина-художника, его многолетние размышления о природе и человеке, о месте в жизни и долге человека, о самом интимном, сокровенном в человеческой душе.

И опять хочется вернуться к тем, невидящим, кто не раз упрямо задавал вопрос писателю: почему, Михаил Михайлович, вы пишете толь-

ко о природе, а не о людях? Но разве «Жень-шень» — это не повесть о большой и проникновенной любви человека? О любви, вспыхивающей костром, но в то же время бережной и робкой, проникнутой грустью и сожалением об упущенном мгновении, может быть, единственном в жизни, любви деятельной, ибо она рождает творчество, и, в конце концов, — торжествующей!

И, возможно, совершенство формы этого произведения обусловлено именно тем, что о таких тончайших чувствах и переживаниях только таким языком и можно говорить.

Для нас, дальневосточников интересен вопрос: почему для создания этой чудесной повести-поэмы Михаилу Пришвину, выражаясь его языком, потребовалась именно дальневосточная «сковорода»? Почему всего только трехмесячное пребывание на Дальнем Востоке вдохновило писателя на создание, пожалуй, самого замечательного из многих его, признанных народом, произведений?

Ответ на эти вопросы надо искать в самих книгах М. М. Пришвина о Дальнем Востоке. Мы восторгаемся в них точнейшими и бесконечно поэтическими описаниями природы: шатра из виноградных листьев, пронизанных лучами солнца сорок второй параллели, мерного звука океанского прибоя, который «как часы самой планеты», Певчей долины, где тополя не менее как по триста лет, прекраснейшего в мире животного, удивительно точно названного китайцами «олень-цветок», сибирской осени, которая «вспыхнула и зацвела гораздо ярче всех весенних цветов обыкновенного нашего климата», и многим и многим другим. Но ведь всё это существует у нас здесь, именно у нас, и ни в каком другом месте! М. М. Пришвин сумел только всё это увидеть и рассказать по-своему, как большой художник. Поэзия действительности явилась основой волнующей поэзии произведения.

И разве где-либо в другом месте мог писатель найти своего Лувена, как не здесь, по соседству с нашим великим другом — Китаем, с его культурой, исчисляемой тысячелетиями?

Вероятно, просторы края, местами с еще совершенно нетронутой и нехоженной тайгой, так обострили давние мысли Михаила Пришвина о преобразовании природы человеком.

В те годы на Дальнем Востоке только-только начинались созидательные работы, которые затем на наших глазах приняли такой великолепный размах. Возможно, писатель, заглянув вперед, рассмотрел этот размах созидания и именно потому его «Жень-шень» — песня о творчестве человека, устремленного в будущее.

Всё это — мои личные догадки, но, может быть, в них есть кое-что верное.

Верно это или не верно, но дальневосточники должны быть глубоко благодарны Михаилу Пришвину: в своем «Жень-шене» он так вдохновенно описал наш край, столько удивительных открытий сделал в нем, что, прочитав повесть, нельзя не полюбить Дальний Восток. А ведь книга прочитана уже миллионами и миллионами читателей, не только у нас, но и за рубежами страны, а впереди у нее еще долгая и большая жизнь.

В очерках «Дорогие звери» есть одно место, когда писатель увидел на острове женщину-ботаника. Она шагала по глубокой грязи лагуны, чтобы добраться до редкого реликтового цветка — лотоса. Какое-то чувство досады появляется у писателя, и он размышляет:

«Влюбляться и проходить, а не задерживаться на островах, где нет даже прохожих людей, влюбляться во всё и ничего не любить — вот счастье путешественника: чуть ведь только полюбил, и это надо уже беречь от другого, ревновать, защищать и, в конце концов, служить и в

этом трудном служении забывать тот самый цветок, из-за которого влюбился и потом полюбил!»

Но проходит некоторое время — и М. М. Пришвин отказывается от этого своего утверждения: «Можно и путешествовать, и влюбляться, и любить, и можно служить, не забывая о лотосе».

Мне думается, что отношение Михаила Пришвина к Дальнему Востоку сложилось именно на основе второй формулы. Он горячо, на всю жизнь полюбил Тихоокеанский край, сначала влюбился, а потом полюбил и беззаветно служил ему своими произведениями, бережно храня в сердце то прекрасное и единственное, что, как лотос, пробудило в нем эту любовь.

И недаром долгие годы на письменном столе у него в банке со спиртом стоял жень-шень, похожий на человека с длинной косой на затылке.

5

Михаил Михайлович Пришвин умер в январе 1954 года. В день своей смерти он, подойдя к окну, увидел какие-то для него уже отчетливо ощутимые признаки весны. То ли светлее стало зимнее небо над Москвой, то ли где-нибудь под крышей многоэтажного здания сверкнула первая робкая сосулька. Он всегда хорошо чувствовал весну и уже в конце декабря начинал различать ее приметы. Вероятно, потому, что весна природы и весна человека всегда олицетворяла для него творчество. И в этот день, записав в своем дневнике признаки-гонцы весны, он замечает, как радостно приближение весны и как хорошо чувствовать себя здоровым.

Над этой короткой записью художника слова, которому оставалось жить всего несколько часов, можно долго по-пришвински размышлять о том, как сила творчества — этого чудесного корня жизни — побеждает в человеке его физические недуги и неудержимо влечет его всё вперед и вперед, властно раздвигая границы человеческой жизни!

НОВЫЕ КНИГИ

ХОРОШЕЕ

НАЧАЛО

ПЕРВЫЙ ЗАПЕВ, стихи молодых поэтов, Хабаровское книжное издательство, 1955, стр. 54, тираж 3 000 экз., цена 85 коп.

На Втором Всесоюзном съезде советских писателей большое внимание было уделено вопросу воспитания литературной молодежи. Запомнилась нам и справедливая тревога, прозвучавшая в выступлениях многих участников съезда, — тревога по поводу того, что средний возраст наших писателей далеко не молодой, что литературе нашей остро необходимо новое талантливое пополнение.

Вот почему так понятен интерес читателя к каждой новой книжке молодого автора, понятно его удовлетворение, если книжка эта радует свежестью и новизной.

В нашем крае, богатом и природой и отважными людьми, работает немало юношей и девушек, пробующих свои силы в поэзии. И правильно поступило Хабаровское книжное издательство, выпустившее недавно коллективный сборник стихов молодых поэтов «Первый запев».

В сборнике приняло участие двадцать два автора — тот молодежный актив, который в последние годы группируется вокруг журнала «Дальний Восток». Насколько серьезен этот первый душевный разговор с читателем, можно судить хотя бы по тому, что у многих из этих авторов уже подготовлены и вскоре выйдут из печати отдельные книжки стихов.

Чем интересен сборник «Первый запев»?

Во-первых, тем, что в нем хорошо представлена «литературная география» нашего обширного края: вот Николай Петроченков — из Южно-Сахалинска, Владимир Милай — из Советской Гавани, Иван Крюкин — с Камчатки, Михаил Ханух — из Комсомольска, Галина Черноголовина — из Кур-Урмийского района, Николай Капуста — из Биробиджана, Борис Копалыгин — из Владивостока. О Камчатке прочтем мы в стихах А. Павлухина, П. Дьяконова, о Курильских островах — в стихах А. Мандрика. Молодые советские люди, находясь на трудовых постах, на самых боевых участках кипу-

чей жизни края, пишут о том, что хорошо знают, что волнует их. А это — верный путь к их дальнейшей литературной учебе.

Во-вторых, сборник радует хорошим разнообразием поэтических голосов, поэтических почерков. Преображенный пейзаж наших восточных окраин, как живой, встает в стихах Н. Петроченкова:

И снова мы ушли, в траве по грудь,
За тридевять речных излучин.

Но был теперь наш дальний трудный путь
Гудком озвучен.

Живут в его стихах и характеры мужественных людей края: съехавшиеся на Сахалин из разных областей страны, они стали земляками и, как родные, встречаются в отпуске, где-нибудь в дороге (стихотворение «Земляки»).

«Рыбачий остров — остров Байдукова» воспевает Николай Капуста. И тут же мы читаем проникновенную лирику Бориса Копалыгина. Когда автор, глядя на ребяташек, пускающих по ручью свои «корабли», говорит:

И я задумался немножко:

Кто знает, этот мальчуган

Ручьем — журчащею дорожкой

Не так ли выйдет в океан? —

мы чувствуем и большую любовь к детям, и твердую веру автора в счастливую судьбу нового поколения.

Найдем мы в сборнике стихи о девушке, уехавшей на целину, о стрелочнице, о лесорубе, о рыбаке, о встречах и расставаниях; и о радиоприемнике в чукотской яранге, и об оленьей упряжке, и о пограничном дозоре, и о солдате, и о милиционере. И хорошо, что это не «легкое порхание по темам», нет, — это разнообразие творческих приемов, идущие от сердца слова о том, что более знакомо каждому из авторов.

Правильно поступило издательство, представив каждого автора различными по теме и по жанру стихами. Это полнее знако-

мит читателя с творческими возможностями молодых поэтов.

«Нам приятно видеть поэта, — писал Пушкин, — во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали и в радости, и в парениях восторга и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...»

И действительно, приятно видеть в сборнике рядом с любовно выписанным пейзажем И. Крюкина:

...В корке льда, похожей на слюду,
Солнце светом протыкает скважинки.
На другое пастбище идут
Серые медлительные важенки, —

рядом с его же зарисовкой «Это гуси на север летят», — следующие строки В. Орлова:

Стояли мы на берегу высоком,
Горело небо в отблесках зари,
А перед нами полосой широкой
В Амур вливалась воды Уссури.
...С восторгом мы об этом говорили.
И новым светом озарен был край.
Как Сунгари с Амуром воды слили,
Так с нами слил свою судьбу Китай.

Дружбе с великим Китаем посвящено и вошедшее в сборник стихотворение О. Маслова «Встреча».

Радостью веет от стихов, воспевающих нерушимую дружбу народов, ею наполнены строки Б. Копальгина, А. Павлухина, И. Крюкина. И большой человеческой печалью веет от строк Г. Черноголовиной в стихах «Мальчик из Сорренто». Итальянка-мать ведет на рынок в Беневенто малыша сына, чтобы, отдав его в рабство, получить жалкие гроши, на которые надо прокормить остальных четверых детей.

В городской крикливой суете
На центральном рынке Беневенто
Слабенькие мускулы детей
Щупают торговые агенты.

Торг окончен... Жалкие гроши
Мать получит за родного сына
И домой, ссутулясь, заспешит
Мимо рош, где зреют апельсины...

Событие, о котором автор узнал из газет, вызвало справедливый гнев. И автор заключает:

Встаньте же на правую борьбу
Против войн и горя, итальянки!

И с тем большей теплотой рисует Черноголовина картину в классе нашей советской школы: ребята пишут сочинение «Вид из окна», и, конечно же, упомянут они в нем и сад, выросший у школы, и новое

здание по соседству, и электросварку в МТС. Всё это для ребят — дорого, всё это — приметы их счастливой жизни. Гордостью за родную землю наполнены стихи В. Милая «Домой» и «В район». Из-за границы возвращается наш пароход:

Где он был? В каких морях-широтах
Проносил советский красный флаг? —

спрашивает автор. И отвечает:

Знаю, где бы флаг его ни вился —
Этот уголок Отчизны нашей
Родиной далекою гордился.

А вот девушка уехала в село по призыву комсомола. Устами ее друга поэт говорит:

Почему-то мне теперь до грусти, —
Не на время, кажется — на век, —
Дорог каждый камень, каждый кустик,
Каждый в том районе человек.

Верись, что это так. И естественно звучат заключительные строки, в которых говорится, что юноша приедет в этот район к своей любимой. Вообще — искренность, хорошая душевная теплота, непосредственность отличает большинство стихотворений в сборнике. Строки о любви к Родине идут от самого сердца — это не риторика, не внешняя декларативность. Вот стихотворение А. Мандрика «Композитор». Воин играет на рояле — в музыке, слаженной им, слышно дыхание всей страны, ритм труда.

Хорошо передано чувство слитности душ, интересов всех советских людей, где бы они ни были. А на посту у океана — это чувство тем более остро и живо! Верись, что именно это, а не другое, и хотел передать сержант-композитор в сложной им песне!

Наш край — пограничный. И естественно, что тема охраны родных рубежей — близка сердцу каждого молодого поэта-дальневосточника.

Я знаю: зорко вглядываясь в ночь,
Вдали от дома, в боевом дозоре,
Я охраняю маленькую дочь,
Родную мать от *траура* и *горя*,

Отповскую могилу под Москвой,
Сестры своей улыбку, звон трамваев,
Красу столицы, воздух полевой - —
Всё, всё, что мы Отчизной называем! —

пишет М. Ханух, выражая чувства пограничника, стоящего в дозоре.

Уверенностью, бодростью веет от стихов молодого офицера, недавнего выпускника суворовского училища, Анатолия Краснопольского. Солдаты на марше. Их застает ливень, гроза — нелегкий путь в таких условиях.

Но вот, отбомбив высоты,
Уносятся облака —
И сразу походка пехоты
И радостна, и легка...

Верись, что именно с такими ребятами
происходят сцены, подобные той, какая
описана в стихотворении «На стрельбище»:

— Отличники, выйти вперед! —
И выступил полностью взвод.

Есть в сборнике сатира. За отставание
этого жанра в творчестве дальневосточни-
ков справедливо критиковали их. Шесть
басен Ю. Иванова, П. Матвиенко и Н. Са-
востина, конечно, не в состоянии воспол-
нить пробела, но всё же первые шаги мо-
лодых на пути овладения оружием сати-
ры — отрадны. Направлено это оружие в
сборнике против невежды, которого «кра-
сит место», против лентяя, выезжающего
на авторитете папаша; против рвача, про-
тив ханжи, подхалима, летуна. Хочется ду-
мать, что в жанре сатиры молодые поэты
будут выступать чаще и острее.

Не лишен сборник и недостатков. Если
Н. Петроченков, И. Крюкин, А. Красно-
польский, В. Милан, Г. Черноголовина,
Н. Капусто, А. Мандрик опубликовали в
сборнике по несколько стихотворений и чи-
татель в состоянии судить об их творче-
ском лице, то другие авторы, представле-
нные одним стихотворением, лишены этой
возможности. Тем более, что не всегда это
одно стихотворение — лучшее из написан-
ного молодым автором. Конечно же изда-
тельство в состоянии было предоставить
первому запеву молодых не 54 страницы,
а значительно больше.

Не каждое стихотворение в сборнике мо-
жет порадовать и своим художественным
уровнем. Если в заключительной строфе
Г. Черноголовина рифмуется «тогда — на-
всегда, Сорренто — Беневенто» — это не
делает мысль ярче. Или когда хорошо за-
думанное стихотворение П. Дьяконова
«Камчатка» завершается такими истерты-
ми словосочетаниями:

А рядом шла на подвиг трудовой
Со всей страной, дерзко, неустанно... —

то хочется посоветовать молодым авторам
не жалеть в будущем труда на отыскание
самого точного, самого яркого слова для
выражения своей поэтической мысли.

Вызовут замечания читателей и басни
Ю. Иванова. Хорошие замыслы, положен-
ные в их основу, немало теряют от того,
что автор не всегда заботится о форме, о
лаконичности басенной речи, нередко про-
щает себе явно корявые, неряшливые стро-
ки. Читатель вправе ожидать от способно-
го молодого баснописца добротной, отго-
ченной сатиры.

Отдельные недостатки сборника, разу-
меется, не могут снизить общего отрадного
впечатления от него. Пусть не всё, пред-
ставленное в нем, равноценно, пусть не
каждый автор станет профессионалом-поэ-
том, — всё же радостно видеть большой
коллектив молодых дарований, обшая ра-
бота которых не может не принести поль-
зы родной советской литературе. Можно
надеяться, что многие из авторов «Перво-
го запева» порадуют нас в скором будущем
хорошими книжками стихов.

С. Смоляков.

ТЕМА, РОДИВШАЯ ПИСАТЕЛЯ

О. СМЕРНОВ, *Китайская граница*, рас-
сказы, Читинское книжное издательство,
Чита, 1954, тираж 15 000 экз.

Вот уже больше десяти лет пишет Олег
Смирнов — в стихах и прозе — о службе
воинов-пограничников. В 1950 году он вы-
ступил с книжкой стихов «Часовые мира»,
через два года — со сборником «На вос-
точном рубеже». А в этом году Читинское
областное издательство выпустило в свет
его небольшую книжку рассказов «Китай-
ская граница».

В произведениях различных жанров Олег
Смирнов остается верным избранной, ор-
ганически близкой ему теме. Он пишет о
суровой, трудной службе на рубежах Ро-
дины, о героических буднях на границе, о
«чувстве локтя», испытанном им и его
друзьями в схватках с врагом, о воспита-
нии воли, закалке характера, о великом на-
шем восточном соседе — Народном Китае,
ставшем нашим вечным другом.

Уже десятки лет стихи и рассказы Оле-
га Смирнова печатаются в забайкальских
и дальневосточных газетах и журналах.

Ошибиться нельзя — Олег Смирнов влюб-
лен в то, о чем он пишет. Жизнь воина-
пограничника, которую он так хорошо знает,
полна для него поэзии — это и делает
его верным избранной теме. Мы едва ли
ошибемся, если скажем, что служба на
границе пробудила в Олеге Смирнове по-
эта. Тема как бы родила поэта, властно
заставила его служить себе. И Олег Смир-
нов с радостью, с вдохновением несет эту
«поэтическую службу».

Жизнь пограничников, охраняющих и
обороняющих тысячекилометровые рубежи,
всегда интересна самым широким кругам
читателей. Это обстоятельство побудило
некоторых писателей-ремесленников «при-
общиться» к интересной теме. Но как ред-
ко описывается боевая служба погранич-
ников просто и правдиво! Побывав на
двух-трех заставах, иной писатель убеж-
дается в том, что жизнь солдат и офице-
ров проходит здесь в общем размеренно,
строгом ритме, что «яркие приключения»
на заставах, в нарядах сравнительно ред-
ки, а поэтому либо вовсе остывает к те-

ме, казавшейся ему издали привлекательной, либо начинает «сочинять», украшать будни затейливыми, но фальшивыми узорами надуманной «романтики».

...Герой рассказа, солдат-пограничник, познакомился с девушкой из расположенного неподалеку от погранотряда городка и спешит к ней на свидание. Он побаивается строгой матери своей знакомой и с робостью приближается к ее дому. Но вот он видит, что в реке тонет мальчик... Он бросается в реку — как был, в полном обмундировании, и спасает мальчика. Конечно, в рассказе есть такой обязательный персонаж, как молодой щеголь, трус, боящийся прыгнуть в холодную воду, есть и благодарная мама, жаждущая узнать — кто же спас ее сына. Есть и непреходящая перипетия — свидание не состоялось, так как герой не смог явиться к девушке вовремя. Но уже в следующее воскресенье его встречают с почетом и девушка, и ее мать, и спасенный мальчик.

Кто автор этого рассказа? Кто взялся снова написать о том, о чем уже тысячу раз писалось — без собственного поэтического «видения» событий, без тонко схваченных деталей, без сколько-нибудь нового, самостоятельного решения художественной задачи?

Увы, этот рассказ, называющийся «В начале мая», написал Олег Смирнов. Мы, очевидно, ввели в заблуждение читателя, начав, вопреки традиции, не с лучшего, а с худшего рассказа в его сборнике. Трудно понять, что руководило Олегом Смирновым, когда он писал упомянутый выше рассказ. Возможно, что он поддался соблазну привлечь внимание читателя сентиментальным сюжетом. Возможно, что он был свидетелем такого случая, решил, что в нем есть «поэтическое зерно», но не справился с задачей, не показал хорошо знакомых ему людей с той зоркостью, пронизательностью, которая помогает найти нечто новое и привлекательное даже в примелькавшемся сюжете. Во всяком случае, рассказ «В начале мая» явно не получился — газетная информация на ту же тему несравненно больше взволнует читателя.

Но вот мы читаем рассказ «Китайская граница». Тимофей Речкалов, молодой парень, мечтавший служить на границе, но попавший в писари, добивается исполнения своих желаний. Он едет на границу. Дорога, уходящая от областного центра к далекому рубежу, где проходит невидимая и волнующая линия границы; спутники, давно привыкшие к романтике этих мест и не понимающие волнения Тимофея Речкалова; первый наряд, первые тревоги и ошибки; первый подвиг молодого воина, которого он ждет и не ждет — ведь всегда большие события, сколько ни жди их, наступают как-то неожиданно... Обо всем этом Олег Смирнов рассказал в «Китайской границе» так просто, естественно с таким живым интересом к переживаниям своего героя, что кажется — писал он о некоем Ти-

мофее Речкалове, а вспоминал свою юность, свое первое путешествие на границу, свои первые тревоги и ошибки. Это рассказ лирический — в нем автор раскрывает характер героя и одновременно — свой собственный характер, дорогие ему мысли, чувства, ощущения. Это и есть рассказ о воспитании характера, маленькая повесть о том, как молодой, не знающий жизни парень становится мужественным воином-пограничником.

Олег Смирнов хорошо помнит, что нынешняя граница с дружественным Китаем еще несколько лет назад была самой беспокойной границей советского государства. Здесь устраивала бесчисленные провокации японская военщина, здесь искали тайные тропы в Советский Союз международные авантюристы, здесь лилась кровь доблестных дальневосточных пограничников, чьи имена навеки вписаны в летописи боевой славы нашего народа. Дорогой ценой достался нам мир на восточных рубежах. Нельзя забывать о прошлом...

Мать погибшего в боях пограничника Марфа Игнатьевна приезжает на заставу, где похоронен ее сын Анатолий Маслов (рассказ «Марфа Игнатьевна»). Начальник заставы — друг ее погибшего сына. Пограничники гордятся памятью своего товарища-героя. В казарме стоит застланная койка Анатолия, над койкой висит его портрет, героя выкликают на вечерней поверке, и правофланговый отвечает: «Пал смертью храбрых за советскую Родину». Вот как описано в рассказе посещение Марфой Игнатьевной могилы сына: «Могилы находилась у подножья сопки. Она была обложена дерном и обнесена деревянной изгородью, выкрашенной в зеленый пограничный цвет. В изголовье стоял обелиск с латунной пятиконечной звездой. Вокруг могилы шетинилась чаща молодой лиственницы. Поджав губы, опустив голову, Марфа Игнатьевна неподвижно стояла у могилы и сухими, горящими глазами смотрела на нее. Жаркий июльский ветер тербел ее седые пряди, трепал черную шаль».

Словно очнувшись, Марфа Игнатьевна огляделась по сторонам.

В кустах, подалее, она увидела еще четыре могилы.

— Чьи это? — спросила она.

— наших пограничников. Погибли в том же бою, под Рождественской, — ответил Константин, стоявший поодаль.

Марфа Игнатьевна обошла эти могилы и постояла у каждой из них так же долго, как и у могилы сына. Потом вернулась к могиле Анатолия и опустилась на лавку около ограды...

Марфа Игнатьевна прожила с пограничниками недолго. Но каждый час жизни на пограничной заставе прибавлял ей силы.

Написанный сдержанно, скромно, без попыток «разжалобить» читателя, этот рассказ остается в памяти надолго — его мужественная интонация верно передает са-

мый дух, атмосферу того необыкновенного куска нашей земли, который называется «граница».

Неожиданно свежо звучит тема любви к пограничной службе в изящно написанной новелле «Артист эстрады». На глухом железнодорожном разъезде высадились двое столичных жителей — известный певец Баев и его аккомпаниатор. Они не в духе, капризничают — им не нравится и разъезд, и разбитый «газик», на котором предстоит ехать с концертом в пограничный колхоз. Певец снисходительно-иронически обращается к встречающей его заведующей колхозным клубом Галине Долгих: «Откуда ты, прелестное дитя?» Встреча получилась нескладной — артисты настроены высокомерно, Галина обиделась за свой колхоз и клуб, за зрителей, с нетерпением ждущих концерта. Она разочарована в гостях из Москвы.

Но вот в дороге случилась авария. Машина перевернулась. Шофер истекает кровью. Путники остались одни на безлюдной таежной дороге. И тогда артист эстрады ловко, умело перевязывает раны шофера, взваливает его к себе на спину и несет на далекую ферму. В резко изменившихся обстоятельствах вдруг по-новому раскрылись характеры этих нескольких лю-

дей, лишь недавно узнавших друг друга. И когда тяжкий путь окончился, Галине захотелось извиниться перед артистом: «Товарищ Баев, вы простите меня...

— Простить? — Баев пожал плечами. — За что?

— А вот за что... Я плохо о вас подумала... Я подумала: капризуля, белоручка...

— Капризуля? Белоручка? — Баев улыбнулся, но улыбка получилась через силу, кривая...

Баев некоторое время молчал, покачивая головой, глядя мимо девушки в окно, где золотилось жнивье, а дальше зеленел лес, а еще дальше синели отроги Хингана.

Он хотел сказать ей, что не так давно служил на пограничной заставе, отсюда недалеко — на Амуре, служил три года, а завкаску получил — на всю жизнь...

Но он ничего не сказал и только улыбнулся. На этот раз улыбка была простой, сердечной, может быть, немного грустной.

На этой неожиданно-элегической, несколько, впрочем, не сентиментальной ноте оканчивается сборник мужественных по духу, простых и естественных по форме рассказов Олега Смирнова.

В Костюковский.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Н. НАВОЛОЧКИН, **На Амуре**, стихи, Хабаровское книжное издательство, 1954, стр. 48, тираж 35 000 экз.

За годы советской власти у нас в стране издано около миллиарда книг для детей. «Если, — говорил Б. Полевой на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, — пересчитать этот миллиард детских книг на детское население страны, которому они адресованы, у каждого получится солидная библиотечка, которую в ранец уже не положишь и для которой надо мастерить отдельную полочку!»

На этой полочке занимают свое место и книги со стихами для детей. И как бы тесно на ней не было, новые детские книги не залеживаются в витринах магазинов. Маленький читатель ждет новых повестей, рассказов, поэм, стихов.

Небольшая книжка стихов для детей дальневосточного поэта Н. Наволочкина претерпела судьбу, типичную для большинства детских книг. Прошло около двух месяцев со дня ее выхода в свет, а найти ее на прилавках книжных магазинов края уже нелегко. О качестве книги мы будем говорить ниже, но, во всяком случае, нельзя отрицать того факта, что писатели и поэты дальневосточники не удовлетворяют еще огромного спроса на детскую литературу. Список литераторов Дальнего Востока, особенно поэтов, обращающихся к темам детской литературы, можно ограничить буквально единицами имен. И появление книги Н. Наволочкина «На Аму-

ре» — действительно отрадное явление в литературной жизни края.

Писать стихи для детей особенно трудно. Поэт должен мыслить образами, естественными для мировоззрения ребенка, должен использовать языковый материал доступный детям, излагать мысль непосредственно, просто и ярко.

В тех стихах, где Н. Наволочкину удалось избежать нравоучительного тона и надуманности, возникает хороший разговор с юным читателем. Здесь автор смотрит на мир глазами своего маленького друга, вместе с ним радуется и смеется.

Вот стихотворение «Петька в селе»:

Тропкой к сопке древней
Вышли на рассвете...
Хорошо в деревне
С точки зренья Пети.
Всё для Петьки ново:
Сено на трехтонке,
Луг и та корова,
Что бредет в сторонке...

И далее идет незамысловатый рассказ о радостном петькином настроении, когда парнишка впервые попал в село. Это одно из хороших стихотворений детского сборника именно потому, что здесь мир представлен «с точки зренья Пети».

Поэт не подделывается под детский говор, не семенит мелким шагом за своим маленьким читателем, не сюсюкает перед ним, а исходит из того, что ребенок смот-

рит на мир серьезно и вдумчиво и достаточно чувствителен к фальши и подделке.

Поэтическому характеру Николая Наволочкина свойственны мягкий лиризм, теплая улыбка, доходчивая шутка, которые передаются ребенку. В книге немало стихов, запоминающихся маленьким читателям и слушателям. Стихотворение «Грамотей», например, задумано и написано в традициях веселых стихотворений Корней Чуковского, С. Михалкова.

Стихотворение получилось естественным, веселым, понятным и легко запоминающимся. А разве не запомнят ребята сказку «Путешествие зайца Антошки»? Понравятся им и такие стихи, как «Дождь», «Поищите Федота», «Следопыты», останется в памяти и то, как Степан ищет под кушеткой... упавшее напряжение, как удивляется девочка Асенька всему увиденному ею на пасеке:

В ульи с самого утра
Залетают пчелы.
Очень интересно,
Как им там не тесно?

Стихи Н. Наволочкина помогают ребятам развивать любознательность, интерес к природе родного края, воспитывают трудолюбие.

Хорошо, что сборник открывается стихотворением «На Амуре», посвященным теме родного края и теме дружбы советских и китайских ребят. Правда, стихотворение это написано не тем поэтическим почерком, который более свойственен Николаю Наволочкину, и если бы не увлекательная, веселая сказка про зайца Антошку, то весь сборник, даже при наличии стихотворения «На Амуре», мог бы оказаться вне темы родного края и советско-китайской дружбы.

Изменяет своему поэтическому почерку поэт и в других стихотворениях. Такое стихотворение, например, как «Часовые погоды», не вызывает чувства удовлетворения и своим усложненным названием, и некоторой сухостью, и наличием неудачных строк, вроде:

Про град, про дождь, про ветер
Вперед предупреждай...

Иногда недостаточно тщательный отбор языкового материала, нечеткое построение фразы приводит к тому, что мешает ребенку быстро воспринимать логическое течение всего стихотворения и его концовку. Проследим за некоторыми стихотворениями. В стихотворении «Звездочет»:

Точно так, как пишут в книжке,
Телескоп построил Мишка,
И теперь плывет планета
Мимо нашего окна...

Здесь слово «мимо» — не на месте. Оно вызовет у ребенка сразу вопросы: а преж-

де планета мимо окна не плавала? Почему она плывет мимо сейчас? При чем здесь мишкин телескоп? Поэт в следующих двух строчках объясняет: «А она — планета эта — в телескопе вся видна», то есть мишкин телескоп приблизил планету к окну. Ребенок скорее бы понял эту мысль, если бы слово «мимо» было заменено хотя бы словом «возле», потому что в слове «мимо» нет совершенно смыслового звучания объясняющего понятия «далеко» и «близко». И логическая концовка в этом стихотворении не заполнена в достаточной степени языковым материалом:

Мы, соседи, — все мальчишки —
Заявляем наперед:
Всё равно на землю Мишка
Вести с Марса нам пришлет.

Здесь создается впечатление, что пропущена строка, в которой ребенку надлежало бы объяснить, что Мишка попадет на Марс, а потом уж пришлет оттуда вести. В стихах для детей особенно необходимо, чтобы цепочка логического мышления была очень прочной и цельной, чтобы в ней не выпадали некоторые звенья.

Как облегчить восприятие текста маленькому читателю, можно проиллюстрировать хотя бы на одном четверостишии из стихотворения «Алешкина дорожка». Алеша шагает в школу с букварем...

Скворцов гоняет рядом
Неграмотный народ! —
Ребята из детсада,
А школьник всё идет.

Разве не точнее будет звучать мысль автора, если эти строчки встанут в следующем порядке:

Ребята из детсада —
Неграмотный народ! —
Скворцов гоняют рядом...
А школьник всё идет.

Ведь контрастность мысли здесь в действии, а не в возрасте ребят, а действие выражено глаголами «гоняют» и «идет». В первом случае эти глаголы отдалены друг от друга и контраст ослаблен, зато приближены «ребята из детсада» и «школьник» — возникает контраст между этими двумя понятиями. А он для стиха менее важен. Важнее, что Алешка идет по своей дорожке. Когда названные выше глаголы встали по соседству, — контраст стал очевидней, звенья цепочки мышления как бы соединились, и мысль стала отчетливой.

Такого рода «частности» должны были быть под контролем и автора сборника и его редактора. Их не так много в книжке, но они есть.

Несколько слов о техническом оформлении книжки. Обложка оформлена в веселых тонах художницей И. А. Шамрай. Же-

лательно, правда, чтобы фигуры ребят выглядели более подвижными. Внутреннее оформление книжки менее удачно. В этом не так повинны художники В. В. Васильев и В. И. Клипель, как плохая печать их рисунков. Рисунки даны трехцветные, на многих страницах краски сдвинуты. Одноцветные рисунки выглядят чище. Нельзя

назвать удачным разбивку строф стихотворения «Про Стелана» (на стр. 28).

Однако отдельные слабые места текста и недостатки технического оформления книжки Н. Наволочкина «На Амуре» не помешали ей найти доступ к сердцу нашего любознательного маленького читателя.

Я. Долов.

Виктор КИРЮШКИН, **Говорящий ключ**, Хабаровское книжное издательство, 1954, стр. 360, тираж 15 000 экз., цена 5 р. 95 к.

Книга В. Кирюшкина в живой, увлекательной форме рассказывает о работе геологов — смелых разведчиков земных недр.

В богатой дальневосточной тайге геологи ищут золото. Сколько трудностей встречается на пути отважных искателей, сколько препятствий встает на пути! Но упорно, самоотверженно трудится небольшой отряд советских людей.

С героями повести происходит множество приключений, часто им угрожает опасность, но они упорно ищут легендарный «Говорящий ключ», который, как говорят легенды, таит в себе огромные запасы драгоценного металла.

В поисковую экспедицию попадают двое мальчиков-школьников. Ребята проявляют смелость и находчивость, мужественно делают с участниками экспедиции трудности таежной жизни.

В конце концов разведчики находят «Говорящий ключ» и, счастливые одержанной победой, пускаются в обратный путь.

Книга написана живо, занимательно. Она будет прочитана и взрослыми читателями и детьми.

Юлия ШЕСТАКОВА, **Золотые ворота**, Хабаровское книжное издательство, 1954, стр. 256, тираж 30 000 экз., цена 4 р. 55 к.

Рассказы Ю. Шестаковой, объединенные в настоящий сборник, повествуют читателю о жизни простых советских людей, об их самоотверженном труде на благо Родины.

Тепло и искренне говорит писательница о людях, покоряющих природу, строящих новые города и поселки, открывающих богатства земных недр, работающих в самых отдаленных уголках родного края.

Автор рассказывает и о новой жизни возрожденного удэгейского народа (рассказы «Живой тигр», «Аджига»), о светлом сегодняшнем дне нанайцев (рассказ «Невеста»), об их большой дружбе с великим русским народом.

Герои рассказов Ю. Шестаковой — это люди-хозяева своей земли, люди-творцы.

С особенным интересом читается повесть «Береза, береза!», открывающая сборник.

А ТКАЧЕНКО, **Пионерское лето**, Хабаровское книжное издательство, 1955, стр. 16, тираж 35 000 экз., цена 65 коп.

Эта небольшая по объему яркая книжка — сборник стихов для детей. В них

говорится о веселом и полезном летнем отдыхе советской детворы.

Ребята ходят в походы, удят рыбу, собирают грибы, закаляются, набираются сил. А вот они с увлечением обрабатывают пришкольный участок, и уже «растет и цветет на грядках у школы большой огород». Вот школьники собирают жолуди, чтобы послать их в степные районы:

Пусть у зданий школьных,
Радуя ребят,
В том краю привольно
Дубняки шумят.

Автор рассказывает и о светлых, благородных мечтах ребят. Они любят самолеты, парящие в небе, и мечтают о том, как когда-то и им «такой же самолет Родина доверит!»

Удачно concludes сборник стихотворение «Осень». Кончилось лето. Скоро в школу. И ребята готовы к началу занятий. Они отдохнули, окрепли и «к учебе накопили сил».

А. П. СЫЧЕВ, **У Тихого океана**, Хабаровское книжное издательство, 1954, стр. 384, тираж 15 000 экз., цена 7 р. 65 к.

Повесть А. П. Сычева рассказывает о детстве, юности, формировании мировоззрения одного из молодых людей, живших на Дальнем Востоке в последние годы прошлого столетия.

Герой повести — Виктор Заречный — всю свою сознательную жизнь отдал борьбе с самодержавием и капитализмом, за лучшую долю народа.

Автор рассказывает, как под руководством первой на Дальнем Востоке большевистской организации, которая в те годы формировалась и крепла, вдохновляемая ленинскими идеями, — сотни и тысячи простых людей, таких, как Виктор Заречный и его друзья, своей деятельностью подготовили почву для светлого будущего страны.

Книга эта особенно интересна тем, что воскрешает перед читателем одну из ярких страниц славного прошлого, предшествовавшего нашей героической эпохе.

И. ДЕМИДОВ, П. СЛИЧНЫЙ. **В Сычугов, На сплаве леса**, Хабаровском книжное издательство, 1955, стр. 40, тираж 2 000 экз., цена 40 коп.

Большая часть заготавливаемого в нашем крае леса доставляется к районам потребления сплавом. Сплавщики, пикетчики